

НАУЧНЫЙ
АСПЕКТ
na-journal.ru

2024

№1
TOM 30

УДК 001.8(082)

ББК 1

Н 34

Периодичность – 12 раз в год

Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе
приведены на сайте <https://na-journal.ru>

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 1 2024. – Самара: Изд-во ООО «Аспект»,
2024. – Т30. – 134 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082)

ББК 1

Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9

Официальный сайт: <https://na-journal.ru>

Электронная почта: public@na-journal.ru

Подписано к печати 15.02.2024

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № .
Формат 60×84 /16. Объем 8,04 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты»

г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Койчуман О.

Русский язык в Кыргызстане: актуальные вопросы статуса
и фактического положения дел.....3793

Сафаралиева Л. А., Акбари Н.

Категория вежливости в русском и персидском языках.....3798

Зэйнаб Сафуан Камаль. Аль дин

Семантика и стилистика русского языка.....3802

Петренко Ж. Г.

Повествовательные стратегии романов Уильяма Фолкнера
(на примере романов «Шум и ярость», «Когда я умирала»,
«Авессалом, Авессалом!»).....3809

Васильева О. В.

Pskov regional dictionary: past present future.....3815

Двинятин Ф. Н.

Onegin Stanza in Nabokov's The Gift: the structure of text.....3820

Чжан Тянью

Использование ключевых текстов русской культуры на уроках РКИ
на материале стихотворения С. А. Есенина.....3825

Гуляева Е. Ю., Самохина Т. О.

Тема «Родина» в произведениях Э. М. Ремарка.....3829

Закаева Б. К., Баликоева М. И.

Особенности развития билингвизма в Северной-Осетии.....3838

Скрыль И. В.

Инновационные технологии в преподавании иностранных языков.....3844

Сычев А. А.

«Художественное богословие» Ф. М. Достоевского:
обоснование понятия.....3850

Силинмаа У. Х.

История переводной литературы в Туве.....3857

Харлинская П. В., Колпакова С. С.

Псевдоязыки как отдельный вид вымышленных языков в художественной литературе. Описание, стратегии и приемы перевода (на материале поэмы Т. Чаттертона «История Уильяма Канинга»)..... 3861

У Хунбо

Особенности драматургии А. П. Чехова и её влияние на развитие театра.....3876

У Хунбо

Приёмы создания комического эффекта в произведениях А. П. Чехова..... 3879

Денисов А. А.

Мастер и Маргарита: разговор на Патриарших прудах..... 3884

ЖУРНАЛИСТИКА

Марачева А. В., Суханова В. К.

Современные форматы телевизионного портретного интервью.....3889

Ван Люйбо

Конвергенция в медиа: объединение технологий и возможностей.....3894

Ван Люйбо

Трансформация медиа китайской диаспоры.....3897

Пань Жуй

Медиаландшафт Японии.....3901

Ван Инань

Институциональная память журналистики.....3905

Лю Итун

Различия публикации новостного контента в различных социальных сетях.....3913

Лю Итун

Визуальные коммуникации в социальных сетях.....3917

УДК 81

Русский язык в Кыргызстане: актуальные вопросы статуса и фактического положения дел

Койчуман кызы Орозгул

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: В данной работе мы будем рассматривать актуальные вопросы и текущее положение русского языка в Кыргызстане, особенности его использования в современности, а также оценить политические влияния, оказывающиеся на язык в различные периоды истории страны. Это позволит нам лучше понимать социокультурный контекст Кыргызстана и выявить взаимосвязи между языковыми, социальными, культурными и политическими изменениями в стране.

Abstract: This article reviews current issues and the current status of the Russian language in Kyrgyzstan, the peculiarities of its use in modern times, and evaluates the political influences on the language in different periods of the country's history. This will allow better understanding the socio-cultural context of Kyrgyzstan and identify the interrelationships between linguistic, social, cultural and political changes in the country.

Ключевые слова: статус русского языка, образования, политизация языка, миграция.

Keywords: status of Russian language, education, politicisation of language, migration.

Русский язык в Кыргызстане появился в связи с историческими процессами в регионе. В 1876 году Кыргызстан стал частью Российской империи, а затем и СССР. Русский язык был введен в качестве официального языка, используемого в государственных и политических целях.

Русский язык также был привезен в Кыргызстан в связи с миграцией русских колонистов и работников в 19–20 веках. [1] Большинство из них жили в Кыргызстане долгие годы и внесли значительный вклад в развитие общества.

Благодаря присутствию русских людей в стране, русский язык начал использоваться в административных учреждениях, а затем среди местных

жителей. Однако местные жители не могли сразу освоить русский язык, и на это ушло много времени.

В период Советской власти русский язык прошел через всеобщее обучение в школах и университетах, укрепив свою позицию как язык науки, культуры и общения. Однако жители стран СНГ также свободно владели своим родным языком. Никаких проблем с пересечением языков не было - русский язык открыл мир для стран СНГ. Многие известные деятели культуры, поэты, писатели и политики, используя русский язык, добились великих успехов и оставили свой след в истории человечества.

В настоящее время русский язык сохраняет свой статус как официальный язык в Кыргызстане и остается одним из самых распространенных языков в стране. Также он является важным языком международного общения и сотрудничества. Русский язык играет важную роль в современном обществе Кыргызстана. Этот язык служит для межэтнической коммуникации и находит применение в различных сферах, включая медицину, образование, туризм, бизнес и общение на международном уровне. Сегодня молодое поколение активно изучает различные иностранные языки, включая русский. Однако после распада Советского Союза уровень владения русским языком резко снизился. Хотя многие акцентируют внимание на важности русского языка в КР как источника знаний и связи с мировым сообществом, фактически его уровень знания снижается. В университетах наблюдается увеличение числа студентов, плохо владеющих русским языком. Это обусловлено сокращением учебной нагрузки по русскому языку, а также неудовлетворительным качеством преподавания в регионах. Кроме того, на кыргызском телевидении сократилось количество русскоязычного контента. Это все вместе негативно сказывается на уровне владения русским языком в Кыргызстане.

Каждый год в Россию приезжают тысячи мигрантов из Кыргызстана на заработки. У многих из них возникают проблемы с русским языком, что свидетельствует о недостатках в обучении этому языку. По приезду в Россию они сталкиваются с языковыми трудностями, что мешает им найти хорошую работу, разобраться в российских законах и правильно оформить необходимые документы. Они не могут правильно ознакомиться с трудовыми договорами при устройстве на работу, иногда не спрашивая о дета-

лях. Кроме того, им недостает информации о правилах пребывания на территории России.

Поэтому в последнее время перед приездом в Россию мигранты активно начали изучать русский язык. Основная причина, по которой они осваивают русский, заключается в стремлении повысить свой социальный статус и заработать больше. Более миллиона мигрантов, проживающих на территории России, обретают более крепкое положение благодаря знанию русского языка, что становится ключом к успеху в данной области. Русский язык становится важным и полезным инструментом для мигрантов, приезжающих в Россию, не только для жителей Кыргызстана и других стран Центральной Азии, в поисках работы и новых жизненных возможностей.

Русский язык играет значительную роль в образовательной системе республики. Из 2350 школ в Кыргызстане 901 предоставляют обучение на русском языке. [2] Однако, в Кыргызстане существует недостаток русскоязычных школ и классов, а также недостаток преподавателей, обучающихся на русском языке. В русских классах часто учатся до 40 учеников, в то время как в кыргызских классах их всего 15-20. Малое количество русскоязычных классов вызывает большой спрос со стороны родителей, которые считают, что образование, полученное на русском языке, будет качественным и обеспечит лучшие перспективы для будущего, включая возможность поступления в ведущие университеты России. В 2023 году, в день знаний 1 сентября, Россия уже начала строительство девяти школ с русским языком обучения в Кыргызстане. Каждая из школ будет рассчитана на примерно 1200 учеников, и ожидается, что первая из них откроет свои двери для учеников уже в 2025 году.[3]

Ещё одной важной возможностью является получение бесплатного образования в России. Каждый год Россия выделяет квоты для поступления абитуриентов из Кыргызстана, и количество этих квот постепенно увеличивается. Например, в 2023 году было выделено 500 мест, а в 2024 году - уже 700. Особое внимание также уделяется педагогическим, программированием и медицинским направлениям. Желающие абитуриенты могут сдавать все экзамены и предоставлять документы онлайн. Для поступления в российские вузы необходимо хорошо знать русский язык. [4]

Россия активно работает над сохранением русского языка и проводит различные программы и инициативы. Например, «В 2023 году в странах «Содружества Независимых Государств объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения». Также ведется программа «Послы русского языка в мире», организуются конференции для преподавателей, проводятся конкурсы и другие мероприятия. Однако, несмотря на проводимые меры, их эффективность остается невысокой. Более 65 процентов населения Кыргызстана проживают в сельской местности, где отсутствуют детские сады и школы с русским языком обучения, а также недостаточно учителей русского языка. Это создает преграды для молодых людей в изучении и владении русским языком, что в свою очередь затрудняет им доступ к Российским университетам. Проблема сохранения русского языка остаётся особенно актуальной в регионах, в частности на Юге Киргизии.

За последние 30 лет политическая обстановка в Кыргызстане претерпела значительные изменения, и вместе с ней изменились и отношения к русскому языку. Некоторые политики провозглашают необходимость развития кыргызского языка и навязывают свои популистические мнения другим. В парламенте этот вопрос также неоднократно поднимался. Некоторые депутаты выступали за проведение отчетов на кыргызском языке, и этот вопрос вызвал большой интерес в стране. [5] О многие СМИ также написали об этом, и на это отреагировали даже российские политики. Однако следует отметить, что обе языковые группы - кыргызская и русская - являются важной частью культурного и языкового многообразия Кыргызстана, и важно находить баланс между ними для устойчивого развития страны.

Приняли закон о кыргызского языке. 17 июля 2023 года президент КР подписал закон «О государственном языке Кыргызской Республики», который обязывает всех государственных служащих, а также депутатов, военнослужащих и судей владеть кыргызским языком и использовать его при исполнении служебных обязанностей. Кыргызский язык, в соответствии с новым законом, должен применяться в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Телерадиокомпании, в том числе частные, должны вести на нем не менее 60% передач». [6]

В то же время местные политики активно поддерживают идею расширения использования кыргызского языка в республике. В Кыргызстане до сегодняшнего дня многие районы, улицы и села сохраняют русские названия. Однако, некоторые политики поддерживают инициативы по замене этих названий на кыргызские, а также предлагают убрать памятники, построенные в советское время. Это историческое и культурное наследие, которое необходимо сохранить. Мы не должны забывать историю и людей, которые внесли вклад в нашу хорошую жизнь, независимо от их национальности. Политизация русского языка, как и любого другого, является неприемлемой, поскольку это может способствовать отторжению языка и нарушению межэтнических отношений в обществе. Важно также понимать и уважать многообразие культур и языков в Кыргызстане. Никакой язык не должен приводить к ущемлению других или ослаблению уважения к местным языкам и культурам. Русский язык должен оставаться доступным для изучения и использования всем желающим, без каких-либо политических или идеологических препятствий. Кроме того, необходимо уважать и поддерживать многообразие культур и языков в Кыргызстане, признавая их равноправие и важность для идентичности населения и национального развития в целом. Кроме того, русский язык всё ещё остается важным элементом культуры и связующим звеном между Россией и Кыргызстаном.

Список литературы

1. Джамгерчинов Б.Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
2. Sputnik Казахстан <https://ru.sputnik.kz/20230824/skolko-shkol-s-russkim-yazykom-obucheniya-37904111.html>
3. РИА новости <https://ria.ru/20230901/shkoly-1893661564.html>
4. Русский дом в Бишкеке <https://uchebarf.kg/>
5. Ведомости: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/20/963576-v-kirgizii-usilivaetsya-davlenie-na-russkii-yazik>
6. Закон КР от 17 июля 2023 года № 140 https://ud.gov.kg/?page_id=3100https://ru.sputnik.kz/20230824/skolko-shkol-s-russkim-yazykom-obucheniya-37904111.html.

УДК 8.1751

Категория вежливости в русском и персидском языках

Сафаралиева Любовь Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры Общего и русского языкознания
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Акбари Нямадуллах

магистрант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

***Аннотация:** В статье рассматриваются различия и сходства в категории вежливости между русским и персидским языками, а также осмысливается, почему вежливость играет такую важную роль в обеих культурах. В исследовании описывается, как изменяется обращение к другим людям в зависимости от их статуса, и как правильно и вежливо общаться на обоих языках. Кроме того, определяется, какая идея заключается в понятии «категория вежливости». Вежливость является универсальной ценностью, которая пересекает культурные границы и способствует гармоничным отношениям между людьми. Соответственно, описание основ вежливого обращения в русском и персидском языках и определение общих точек соприкосновения исследуемых культур представляется актуальным.*

***Abstract:** The paper examines the differences and similarities in the category of politeness between Russian and Persian languages and conceptualizes why politeness plays such an important role in both cultures. The study describes how addressing others changes depending on their status and how to communicate properly and politely in both languages. In addition, the idea behind the concept of “politeness category” is defined. Politeness is a universal value that crosses cultural boundaries and promotes harmonious relations between people. Accordingly, describing the basics of polite address in Russian and Persian languages and identifying the common points of contact between the cultures under study seems relevant.*

***Ключевые слова:** вежливость, лингвокультура, семантическая категория, русский язык, персидский язык.*

***Keywords:** politeness, linguistic culture, semantic category, Russian language, persian language.*

.....

Понятие вежливости в русской и персидской лингвокультурах играет важную роль. Несмотря на то, что оно имеет неоднозначное значение, каж-

дая культура придает свой собственный смысл концепции вежливости. Например, в русском языке вежливость означает быть «соблюдающим правила приличия и учтивым», а в персидском — «культурным». Само слово «вежливость» в русском языке происходит от слова *вежливый* и имеет своеобразное происхождение из древнерусского языка через суффикс *-лив-* (современный вариант *-лив-*), который присоединяется к неиспользуемому сейчас слову *вежа*, означающему «знаток». [2]

Старинное слово *вежа* еще в XVI в. означало «человек, знающий, как себя надо вести». Вежливый человек, в отличие от невежливого, — тот, кто обладает знанием, «веданием» или «вестью» и ведет себя в соответствии с ним.

Принцип вежливости в персидском языке исследовали такие ученые, как Шоги, Азхари, и Табатабаи, Гаффариан Сарафиан, Багдади и высказывали разные мнения об этимологии слова *адаб* «вежливость».

Особенную роль категории вежливости мы усматриваем в таком речевом жанре, как просьба. Основная идея заключается в том, что данная категория выполняет текстообразующую функцию при выражении просьбы в русском и персидском языках [3].

Особенности проявления вежливости в русском языке

- Уважение к другим: в русском языке большое значение придается уважению к собеседнику и умению проявлять такт и дипломатичность в общении;
- Формальные обращения: русский язык имеет особые формы обращения, которые используются в формальных ситуациях для выражения уважения и дистанции;
- Уважение чужой культуры: вежливость также означает уважение к культуре и традициям других людей, особенно при общении с иностранцами.

Особенности проявления вежливости в персидском языке

- Уважение к старшим: в персидской культуре уважение к старшим является важным аспектом вежливости и реализуется в использовании специальных обращений;

- Внимание к гостям: персидская вежливость подразумевает особую заботу о гостях, включая приготовление специальных блюд и благодарность за их присутствие;
- Проявление внимания к любому собеседнику: вежливость означает также умение проявить внимание и интерес к словам и мнению других людей.

Сходства и различия в реализации категории вежливости в русском и персидском языках

К сходным чертам относятся следующие:

- оба языка акцентируют внимание на уважении и вежливости в общении;
- оба языка имеют особые формы обращения, используемые в формальных ситуациях.

К чертам различия относятся:

- персидский язык акцентирует больше внимания на уважении к старшим [1];
- русский язык больше фокусируется на уважении к другим говорящим и дистанции в общении независимо от возраста собеседника.

Вежливые обращения в русском языке

Уважаемый/уважаемая: используется для обращения к людям, с которыми не знакомы лично или для выражения дистанции.

Господин/госпожа: используется для формального обращения к незнакомым или старшим людям.

Товарищ/товарищи: используется в неформальных ситуациях, чтобы обратиться к коллегам или друзьям (в настоящее время используется скорее в ироничной форме).

В русском языке существуют различные формы вежливого обращения, которые зависят от степени знакомства и социального статуса собеседников. Например, местоимение *Вы* и форма глагола во 2-м лице множественного числа используется для обращения к неизвестным, старшим или уважаемым людям. В более неформальной обстановке можно

использовать форму личного местоимения *Ты* и глагол во 2-м лице единственного числа.

Вежливые обращения в персидском языке

Agah (уважение к мужчине)/ *Khaanoot* (уважение к женщине): используется для обращения к незнакомцам или выражения уважения к старшим.

Japan (любимый, душевный): используется в неформальных ситуациях или среди друзей, чтобы подчеркнуть дружбу и близость.

Agha (осведомленный) / *Azizat* (дорогой): используется для обращения к одному человеку в неформальной обстановке.

Важность вежливости в обеих культурах

- Уважение и доверие: Вежливость помогает устанавливать положительные отношения и вносит вклад в развитие и укрепление доверия между людьми.
- Социальная гармония: Вежливое общение способствует миролюбию и взаимопониманию в обществе.
- Личное благополучие: Выражение вежливости и уважения к другим вызывает положительные эмоции и повышает наше собственное благополучие.

В обоих языках также существуют определенные правила этикета, которые включают в себя, например, предписание уступать место в транспорте более старшим людям или женщинам, умение прислушиваться к собеседнику, не перебивать его и др.

Вежливость является универсальной ценностью, которая пересекает культурные границы и способствует гармоничным отношениям между людьми. Не важно, на каком языке мы общаемся, вежливость всегда будет оказывать позитивное влияние и способствовать взаимопониманию [4].

Итак, по нашему мнению, вежливость — это функционально-семантическая категория, поскольку ее план содержания складывается из семантических компонентов вежливого общения (уважения, доброжелательности, паритетности и др.), а план выражения составляют равноуровневые

языковые средства, которые служат для репрезентации указанного значения. Вежливость является важным аспектом общения в любом языке, включая русский и персидский.

Список литературы

1. Иванов В. Б. Учебник персидского языка. Часть 1 — М.: МГУ 1999—163 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2004—208 с.
3. Овчинникова И. К. Учебник персидского языка. — М.: Филология три, 2002—402 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слов, 2000—624 с.

УДК 811

Семантика и стилистика русского языка

Зэйнаб Сафуан Камаль. Аль дин

доцент кафедры Русского языка Филологического факультета
Самарского университета (Ирак, Самара)

***Аннотация:** Данная статья посвящена изучению семантики и стилистики русского языка. В ней представлен обзор основных концепций и терминов, связанных с данной темой. Рассматривается взаимосвязь между семантикой и стилистикой, а также их роль в анализе и интерпретации текстов на русском языке. Особое внимание уделяется различным стилистическим приемам и их влиянию на содержание и форму выражения мысли. Описываются основные семантические категории, такие как значение, значения слов, предложений, контекстуальная семантика. Также рассматривается роль стилистики в оценке языковых высказываний, создании эмоциональной окраски текста и формировании особого стиля речи. В данной статье мы приходим к выводу о важности изучения семантики и стилистики русского языка для развития лингвистического мышления и разнообразия языковых средств выражения.*

***Abstract:** This article is devoted to the study of semantics and stylistics of the Russian language. It presents an overview of the main concepts and terms related to this topic. The relationship between semantics and stylistics, as well as their role in analyzing and interpreting texts in Rus-*

sian are considered. Special attention is paid to various stylistic techniques and their influence on the content and form of thought expression. The main semantic categories such as meaning, meanings of words, sentences, contextual semantics are described. The role of stylistics in evaluating linguistic statements, creating emotional coloring of the text and forming a special style of speech is also considered. In this article the authors conclude about the importance of studying semantics and stylistics of the Russian language for the development of linguistic thinking and diversity of linguistic means of expression.

Ключевые слова: *семантика русского языка, стилистика русского языка, значения слов, предложений, контекстуальная семантика, стилистические приемы, оценка языковых высказываний, эмоциональная окраска текста, стиль речи, лингвистическое мышление.*

Keywords: *Russian language semantics, stylistics of the Russian language, meanings of words, sentences, contextual semantics, stylistic techniques, evaluation of linguistic utterances, emotions.*

Актуальность исследования основывается на нескольких аспектах. Во-первых, русский язык является одним из наиболее широко распространенных и важных языков в мире, и изучение его семантики и стилистики помогает лингвистам, филологам и преподавателям эффективно анализировать и интерпретировать тексты, повышая качество коммуникации и понимания.

Во-вторых, семантика и стилистика русского языка играют ключевую роль в формировании языковой культуры и способности выразить мысли и эмоции. Изучение семантики позволяет понять значения слов и конструкций, анализировать смысловую структуру предложений и контекстуальную семантику. Стилистика, в свою очередь, исследует различные стили и регистры речи, стилистические приемы и узнаваемые особенности языкового выражения [8].

Целью исследования на данную тему является углубленное изучение семантики и стилистики русского языка, выявление и анализ основных языковых явлений и их влияние на коммуникацию, а также развитие умения анализировать и использовать различные стилистические приемы для достижения определенных коммуникативных целей. Кроме того, исследование имеет целью внедрение полученных знаний в практику препода-

вания русского языка как иностранного и разработку эффективных методик обучения, повышающих языковую компетенцию учащихся [11].

Таким образом, исследование семантики и стилистики русского языка актуально и целесообразно в контексте общего развития лингвистики, филологии и преподавания русского языка как родного и иностранного, а также для повышения эффективности и эстетического качества языкового общения [10].

Основные семантические категории в языке включают такие понятия, как значение, значения слов, предложений и контекстуальная семантика.

Значение — это общее содержание, передаваемое языковыми единицам. Оно является результатом комплексного взаимодействия звуков и лексических значений слова, а также контекста использования. Значения могут быть лексическими (непосредственно связанными с лексическим значением слова) и грамматическими (связанными с функциями слова в предложении) [1].

Значения слов — это конкретные обозначения, которые слова могут иметь в разных контекстах. Одно слово может иметь несколько значений, связанных с различными аспектами его семантики. Например, слово «банк» может обозначать финансовое учреждение, а также емкость для хранения жидкостей [3].

Значения предложений — это связанные значения отдельных слов в контексте предложения. Их понимание основывается на семантической связи между словами и грамматической структуре предложения. Например, в предложении «Кот сидит на скамейке» значения слов «кот», «сидит» и «скамейка» взаимосвязаны и определяют смысл предложения [7].

Контекстуальная семантика — это изучение, как смысл слова или предложения зависит от контекста, в котором они употребляются. Контекст может быть широким (связанным с общей ситуацией общения) или узким (связанным с соседними словами или предложениями). Контекстуальная семантика важна для понимания двусмысленности и многозначности языка, а также для определения смысла высказывания.[6] Необходимо привести ниже несколько примеров, иллюстрирующих данный феномен: 1. Слово «бокал». В одном контексте это может означать стеклянную емкость для напитков, а в другом контексте — боковую стенку какого-

либо предмета. Например: «Он взял бокал и налил себе вина» и «Автомобиль смял передний бокал в результате аварии».

2. Выражение «стол покрыт». В одном контексте это может означать, что на столе находятся предметы, накрытые на него для приема пищи, а в другом контексте — что поверхность стола покрыта пятнами или покровом. Например: «Стол покрыт красивой скатертью» и «Стол покрыт пылью и грязью».
3. Слово «лето». В одном контексте это может означать сезон года, а в другом контексте — жизненный период, привлекательный и светлый. Например: «В прошлом году мы провели лето на море» и «Она была очень красивой в свои летние годы».
4. Слово «молоко». В одном контексте это может означать жидкость, выделяемую молочной железой у млекопитающих, а в другом контексте — белый цвет. Например: «Дети пьют молоко каждый день» и «Цвет стены напоминает молоко».

Таким образом, понимание основных семантических категорий помогает нам лучше понимать содержание и смысл языка, а также его использование в различных контекстах [1].

Стилистика играет важную роль в оценке языковых высказываний, создании эмоциональной окраски текста и формировании особого стиля речи. Она позволяет нам использовать различные языковые средства, чтобы передать свои мысли, чувства и эмоции более ярко и точно.

В оценке языковых высказываний, стилистика помогает нам понять, каким образом автор передает информацию и как он умело использует языковые средства для достижения своих целей. Стилистические ухищрения, такие как метафоры, сравнения и эпитеты, позволяют нам оценить выразительность текста и оценить, насколько точно он выражает авторские мысли и намерения [4].

Создание эмоциональной окраски текста — еще один важный аспект роли стилистики. Путем использования разных стилистических приемов, таких как экспрессивные средства выражения и эмоционально окрашенные слова, автор может вызвать определенные чувства и эмоции у читателей. Например, использование ярких метафор может вызвать удивление или восхищение, а применение иронии или сарказма может вызвать смех

или раздражение. Таким образом, стилистика позволяет нам передавать свои эмоции и эмоциональные нюансы через письменное выражение [5]. Представим ряд примеров сильных метафор, которые могут вызвать различные эмоциональные реакции:

1. Удивление:

- «Его слова были молнией в ясном небе, озаряющей тайны вселенной».
- «Ее ум был как логово фей, полное неожиданностей и чудес».

2. Восхищение:

- «Его голос был инструментом, который таинственно оживлял души слушателей».
- «Ее талант был океаном искусства, бескрайним и глубоким».

3. Смех:

- «Их походка была словно утки на льду, комичная и неловкая».
- «Его шутки были градом смеха, разбивающим серьезность любой ситуации».

4. Досада:

- «Время стекало через ее пальцы, подобно песку, невозможному удержать».
- «Разочарование вызывало у нее ощущение пустоты, словно вместо сердца у нее была пустая коробка».

Особый стиль речи также формируется с помощью стилистики. Язык имеет множество стилей, таких как научный, официальный, разговорный и художественный, и каждый из них имеет свои особенности и особый набор языковых средств. Стилистика помогает нам понять, как выбрать и использовать языковые средства, чтобы наша речь соответствовала определенному стилю. Так, в художественном стиле речи используются поэтические выражения и фигуры речи для создания образов и настроения, в то время как в разговорном стиле речи больше используется разговорная лексика и устойчивые выражения. Таким образом, стилистика помогает нам достигнуть определенного стиля речи, который соответствует нашей цели коммуникации [12].

Ниже приведем конкретный пример, где сравниваются литературный и разговорный стили речи:

Литературный стиль: «В глубине его души пылала страсть, подобная яркому искрящемуся пламени, окутывающему его сердце в объятиях необузданной любви».

Разговорный стиль: «У него внутри горячо, будто пламя, яркое, зажигает его сердце, словно огонь любви неугомонной».

Этот пример показывает, как различные стили речи могут передавать одну и ту же идею, но с разными оттенками и эмоциональной окраской. Литературный стиль стремится создать глубокое впечатление и позволить читателю окунуться в мир представленного изображения, в то время как разговорный стиль просто и неперегруженный, он ближе к повседневному общению.

Стилистика играет важную роль в оценке языковых высказываний, создании эмоциональной окраски текста и формировании особого стиля речи. Она помогает нам оценить выразительность и точность выражения, передать свои эмоции и эмоциональные нюансы и создать речь, соответствующую определенному стилю. Поэтому изучение стилистики является важным аспектом развития навыков языкового владения и понимания различных стилей коммуникации [7].

Изучение семантики и стилистики русского языка является важной составляющей развития лингвистического мышления и обогащения языковых навыков. Семантика позволяет понять значения и смыслы слов, выражений и конструкций, а стилистика — научиться правильно и эффективно использовать различные языковые средства для передачи своих мыслей и эмоций.

Изучение семантики помогает расширить словарный запас и улучшить понимание значений слов. Это особенно важно для изучающих русский язык как иностранный, так как часто слова на разных языках не имеют одинакового значения. Кроме того, семантика помогает развить аналитическое мышление, научиться анализировать и разбираться в значениях слов и их сочетаемости.

Стараться использовать разнообразные стилистические приемы также является важным для развития лингвистического мышления. Стилистические приемы позволяют создавать различные эмоциональные фонетические маски, подчеркивать особенности высказывания и передать свою индивидуальность через язык. Изучение стилистики помогает избегать подвохов в коммуникации, так как позволяет распознавать намеки, шутки, иронию и другие стилистические особенности.

Таким образом, изучение семантики и стилистики русского языка является важным компонентом для развития лингвистического мышления и разнообразия языковых средств выражения. Это позволяет более глубоко понимать и использовать русский язык, расширять свой лексический запас и быть более гибким и креативным в выражении своих мыслей [10].

Список литературы

1. Баранов А. Н. Стилистика русского языка и культура речи. — М.: Флинта, 2010.
2. Горбачева О. Н. Русская стилистика. — СПб.: Питер, 2005.
3. Дубин Б. С. Семантика и стилистика русского языка. — М.: Высшая школа, 1988.
4. Зализняк А. А. Русская стилистика. — М.: Астана, 2017.
5. Иванова И. В. Семантика и стилистика русского языка. — М.: Просвещение, 2015.
6. Караулов Ю. Н. Структура современного русского языка: Теоретический курс. — М.: Флинта, 2013.
7. Кубрякова Е. С. Стилистика и риторика русского языка: Учебник. — М.: Флинта, 2011.
8. Наркевич-Юдина Н. С. Морфология современного русского языка. — М.: Высшая школа, 2004.
9. Пшебынкина Т. Б. Русская лексикология. — М.: Высшая школа, 2002.
10. Рождественская Т. А. Русская орфография и пунктуация. — М.: Дрофа, 2016.
11. Селевко Г. К. Стилистика русского языка. — М.: Издательский центр «Академия», 2009.
12. Сергеева Л. М. Русская грамматика. — М.: Высшая школа, 2008.

УДК 82–311

Повествовательные стратегии романов Уильяма Фолкнера (на примере романов «Шум и ярость», «Когда я умираю», «Авессалом, Авессалом!»)

Петренко Жасмин Геннадьевна

магистрант факультета Литературы и культуры народов зарубежных стран
Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация: Работа посвящена анализу повествовательных стратегий, которые У. Фолкнер использует в художественных произведениях. На примере романов «Шум и ярость» (*The Sound and the Fury*, 1929), «Когда я умираю» (*As I Lay Dying*, 1930), «Авессалом, Авессалом!» (*Absalom, Absalom!*, 1936) можно проследить закономерности построения коммуникативной ситуации, выявить особенности поэтики автора, которые напрямую связаны с характерными чертами литературы модернизма, в частности, субъективное восприятие, фрагментарность, игра с хронологией, осложненную нарративную структуру. Особое внимание уделяется приему остранения, введенному в научный оборот В. Б. Шкловским в работе «Искусство как прием», как важной особенности организации повествования в текстах У. Фолкнера.

Abstract: The work is devoted to analyzing the narrative strategies that W. Faulkner uses in his works of fiction. On the example of “*The Sound and the Fury*” (1929), “*When I Lay Dying*” (1930), “*Absalom, Absalom!*” (1936) novels it is possible to trace the regularities of the construction of communicative situation, to reveal the peculiarities of the author’s poetics, which are directly related to the characteristic features of modernist literature, in particular, subjective perception, fragmentation, playing with chronology, complicated narrative structure. Special attention is paid to the technique of defamiliarization, introduced by V. B. Shklovsky in his work “*Art as Reception*”, as an important feature of the organization of narrative in W. Faulkner’s texts.

Ключевые слова: повествовательные стратегии, остранение, У. Фолкнер, модернизм, диегезис, наррация.

Keywords: narrative strategies, defamiliarization, W. Faulkner, modernism, diegesis, narration.

Творчество У. Фолкнера в силу своей принадлежности к литературе эпохи модернизма отражает ряд ее особенностей в способе организации фактического материала художественного текста. Именно поэтому повествова-

тельные стратегии, используемые автором, будут связаны с особенностями литературного процесса данной эпохи, среди которых можно выделить субъективное восприятие, фрагментарность, игру с хронологией, осложненную нарративную структуру.

Мы понимаем повествовательные стратегии как систему приемов, используемых автором в художественных текстах, с целью создания определённого рода коммуникации с читателем при помощи выбранной повествовательной инстанции, которая соответствует идейному, сюжетному и структурному замыслу автора.

Одной из очевидных характерных черт повествования в романах У. Фолкнера можно назвать использование техники «потока сознания» [5,6], которая характерна для литературы модернизма. Данный прием мы можем увидеть в большинстве романов Йокнапатофского цикла, например, «Шум и ярость» (*The Sound and the Fury*, 1929), «Когда я умирала» (*As I Lay Dying*, 1930), «Авессалом, Авессалом!» (*Absalom, Absalom!*, 1936).

Многоголосие или множественная внутренняя фокализация [4, с. 391] — коммуникативная стратегия, часто избираемая У. Фолкнером. Это принципиально важно для поэтики его текстов, так автор подчеркивает субъективность излагаемых событий, отсутствие универсально и верно видения истории. Многие романы У. Фолкнера построены по принципу «слоеного пирога»: каждый новый рассказчик истории добавляет свое уникальное и особенное видение в общую картину объективно существующих событий, однако, учитывая различное отношение повествователя к событию, его ментальные способности, эмоциональный фон, характер, описанный фактический материал может изменяться до неузнаваемости. А. А. Аствацатуров отмечает, что для поэтики У. Фолкнера характерен принцип матрешки, где «конкретный, случайный эпизод включается в историю персонажа, который помещается в историю семьи, которая, в свою очередь, оказывается эпизодом истории Йокнапатофы, помещенной в большую Историю Америки» [1, с. 226]

У. Фолкнер намеренно усложняет коммуникацию с читателем, не позволяя ему сразу понять причины, последовательность эпизодов, итоги. Он использует особый тип рассказчика, принадлежащего к авантюристическому типу по классификации М. М. Бахтина, предложенной в работе «Формы

времени и хронотопа в романе», который является носителем редуцированного или особого психологического типа сознания. Подобные примеры мы можем встретить в романе «Шум и ярость» (Бенджи Компсон, как воплощение типа дурак, который обладает характеристиками простоты, отсутствия рефлексии и понимания причинно-следственных связей между событиями [3, с. 197]) и «Когда я умирала» (Вардаман).

Намеренно затрудненная коммуникация реализуется У. Фолкнером не только глобально — выбором повествующих субъектов, но и более конкретно, например, благодаря использованию приема остранения, который был введен в литературную практику В. Б. Шкловским в работе «Искусство как прием» [9].

Использование приема остранения позволяет вывести читателя из автоматизма восприятия, привычных ему конвенций времени, пространства, причинно-следственных связей. Остранению подвергаются как субъекты повествования, так и объекты действительности, которые описываются рассказчиками. Процессы, действия, предметы изображаются как впервые увиденные; происходит называние элементов, частей от целого, замена на местоимение, например: «**It** was red, flapping on the pasture. Then there was a bird slanting and tilting on **it**. Luster threw. **The flag** flapped on the bright grass and the trees» [11, с. 9]. Читатель не только вынужден самостоятельно анализировать и сопоставлять различные точки зрения многочисленных рассказчиков на одну и ту же историю, но и на более детальном уровне угадывать истинную природу явлений, событий, предметов реальности.

Большинство рассказчиков в романах У. Фолкнера — это одновременно и действующие лица описываемых событий. Такая особенность создает диегетическую коммуникацию, которая характеризуется присутствием персонажа одновременно и в плане повествования, и в плане повествуемой истории. Автор подчеркивает таким образом индивидуальность восприятия общих для ряда героев событий, что дает читателю возможность не только узнать о событии, но почувствовать реакцию на него, увидеть различия в восприятии, обусловленные личными особенностями рассказчиков (например, лично знакомая с Сатпенем мисс Роза, в соответствии с собственными впечатлениями и особенностями характера воссоздает его образ как демонический, однако в рассказе мистера Компсона все тот же

образ Томаса Сатпена решен в более реалистичном ключе). Субъективно-личностное повествование позволяет в индивидуальном отразить всеобщее. Показательным примером в этом смысле будет повествовательная ситуация романа «Когда я умирала», где все действующие лица истории одновременно получают и право показать свое видение событий.

Еще одну особенность повествовательных стратегий У. Фолкнера можно обозначить термином, который использует А. Маршал, говоря в своей работе об особенностях временной организации в романах — *timelessness* [12, с. 72]. Автор усложняет временную структуру произведений, он редко использует линейный и последовательный нарратив, отдавая предпочтение фрагментарному повествованию, используя чередования временных пластов, «перепрыгивания» из прошлого в настоящее («Авессалом, Авессалом!») и смешение эпизодов по принципу ассоциации («Шум и ярость»). С помощью сложной временной структуры автор позволяет читателю увидеть особенности человеческой памяти, ее нелинейность. Сознание героев У. Фолкнера не иерархично, оно путешествует во времени, на первый взгляд хаотично, однако при более детальном рассмотрении мы можем увидеть уникальные ассоциативные связи, которые объясняют логику чередования и связи эпизодов. Такими связующими звеньями могут выступать как предметы (калитка, через которую уходят сначала школьницы, а затем Кэдди) [11, с. 46], персонажи (имена Квентина и Квентины пишутся на английском аналогично — *Quentin*, в соседних эпизодах чувствуют разные персонажи, принадлежавшие к разным временным периодам), так и фразы, произнесенные героями. Например, Кэдди говорит матери в тот день, когда Бенджи меняют имя: «I can **carry him**, [...]» и её же слова, но уже в последующем эпизоде: «*Caddy said. «Let me **carry him** up, Dilsey»* [11, с. 54].

Учитывая сложность той коммуникативной ситуации, которую выстраивает У. Фолкнер с читателем, необходимо отметить особые детали повествования, которые помогают ориентироваться в художественном пространстве романов. Такими деталями могут быть предметы, характеризующие того или иного героя, например, красный галстук кавалера Квентины или бутылка дяди Мори [6]. Некоторые персонажи получают целые фразы, которые повторяются в речи, постоянно напоминая чита-

телю о чем-то принципиально важном для их сознания. Здесь примерами могут стать многочисленные повторы Бенджи о том, что Кэдди пахла травой, деревьями или соединения образа разрезанной на куски рыбы с умершей матерью, которая у Вардамана получает словесное выражение «Моя мама — рыба».

Более того, речь каждого из рассказчиков У. Фолкнер делает индивидуально различимой, четко обозначая особенности идиолекта, на котором говорит, думает или повествует герой. Например, религиозность Кори, отраженная в ее монологах, рациональность и математическая строгость ума Кеша. Особенности идиолекта Бенджи исходят из его ментальных особенностей; он использует простые предложения или соединяет их сочинительной связью, отказываясь от подчинительных, которые для него чужды, поскольку его сознание не позволяет оценить, какое событие главное, а какое побочное. В его речи преобладают сочинительные союзы, которые подчёркивают синхроническое восприятие диахронических процессов. Подобным образом решена и речь Вардамана.

На этих примерах мы можем увидеть еще одну особенность повествования — использование техники так называемого белого письма или нулевой степени письма, описанного Р. Бартом. Изложенные события называются, но не описываются, в них словно отсутствует личностный компонент, чувственное, личностное восприятие. Таким образом, мы можем отметить тенденцию к чередованию мимезиса с диегезисом. Рассказчики, которые ярко проявляют свое эмоциональное вовлечение в историю, «показывают» ее с помощью образов, это Квентин, мисс Роза, Дарл, чье образное видение, однако, трансформируется к концу романа в связи с изменениями, происходящими в его психологическом состоянии.

Завершая рассмотрение тех особенностей повествования, которые мы отметили, можно сделать вывод о том, что большинство из них напрямую связаны с изменениями в обществе начала XX века и с попыткой авторов эпохи модернизма найти адекватную форму выражения для этих изменений, а кроме того, отразить собственное отношение к происходящим переменам. Создание особой, намеренно затрудненной коммуникативной ситуации с помощью приема остранения, использование множественной внутренней фокализации, техники потока сознания, особое внимание

к типу рассказчика, усложнение временной организации текста — все эти приемы позволяют автору реализовать намеченную им повествовательную стратегию по отношению как к художественному миру произведения, так и к читателю.

Список литературы

1. Аствацатуров А. А. И не только Сэлинджер: десять опытов прочтения английской и американской литературы. — М.: Издательство АСТ, 2015. — 312 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма/Пер. с фр. — М.: Академический Проект, 2008. — 431 с.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе//Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — 407 с.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс [Текст] / Ж. Женетт // Фигуры: в 2 т./Ж. Женетт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 2.— 944 с.
5. Засурский Я. Н. Американская литература XX века: некоторые аспекты литературного процесса. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.— 440 с.
6. Савуренок А. К. Романы У. Фолкнера 1920–1930-х годов. — Л.: Изд. ЛГУ, 1979.— 142 с.
7. Фолкнер У. Когда я умирала. — М.: Издательство АСТ, 2021.— 224 с.
8. Фолкнер У. Авессалом, Авессалом! М.: Гудьял-Пресс, 1999.— 352 с.
9. Шкловский В. Б. О теории прозы. — М.: Федерация, 1929.— 268 с.
10. Faulkner W. Sound and Fury [электронный ресурс]. — Mode of access: <https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2018/04/sound-and-fury.pdf>//The Southern Review 8 N.S., 1972 (дата обращения: 23.04.2022).— 268 p.
11. Marshall A. Defamiliarization and reader-response in the novels of William Faulkner, Department of English / Alexander Joseph Marshall. — University of Virginia, 1989. — p. 195.

УДК 811.161.1

Pskov regional dictionary: past present future

Васильева Ольга Владимировна

кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет

***Abstract:** The article gives a comprehensive description of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data (PRD). This is the first full-type dialect dictionary and the only complete dialect dictionary for an entire region. Describing not only dialectal, but also all-Russian words and phraseological units, PRD presents them as a system. The historical part of the Dictionary allows us to trace the development of the semantics of individual words in diachrony. Precise geographic markings of the PIC allow readers to reconstruct the area of all described words. Pskov dialects are not only Central Russian, having both northern and southern dialectal features, they are also in contact with Belarusian dialects in the south, with Baltic-Finnish languages in the west, which makes them a unique object for study.*

***Аннотация:** В статье дается исчерпывающее описание Псковского областного словаря с историческими данными (PRD). Это первый полнотекстовый диалектный словарь и единственный полный диалектный словарь для всего региона. Описывая не только диалектные, но и общерусские слова и фразеологизмы, PRD представляет их как систему. Историческая часть словаря позволяет проследить развитие семантики отдельных слов в диахронии. Точные географические обозначения на рисунке позволяют читателям восстановить область распространения всех описанных слов. Псковские диалекты являются не только среднерусскими, имеющими как северные, так и южные диалектные особенности, они также соприкасаются с белорусскими диалектами на юге, с прибалтийско-финскими языками на западе, что делает их уникальным объектом для изучения.*

***Keywords:** Pskov regional dictionary with historical data, full-type dialect dictionary, Russian vocabulary in diachrony, Pskov dialects.*

***Ключевые слова:** Псковский областной словарь с историческими данными, полнотекстовый диалектный словарь, русская лексика в диахронии, псковские диалекты.*

The Pskov Regional Dictionary with Historical Data [1] (hereinafter referred to as PRD, Dictionary) is a unique lexicographic work in a number of parameters. The first issue was published in 1967, 28 issues were published, which included words starting with letters from A to P (about 70 thousand dictionary entries),

the 29th issue was prepared for publication, and the compilation of the next ones continues. The dictionary was conceived by Professor B. A. Larin as the first full-type dialect dictionary, that is, including not only local and regional vocabulary, but also all-Russian vocabulary. All dialect dictionaries published in Russia before him were differential, describing territorially limited words and phraseological units, to which all-Russian lexemes could be added in cases where they were backed by local customs, beliefs, etc. (see, for example, [2]). B. A. Larin rightly believed that it is necessary to describe the vocabulary found in dialects systematically. This means that not only dialectisms, but also all-Russian vocabulary should be lexicographed. After all, absolutely all the words used by the residents of a particular region, together reflect the linguistic picture of the world of the Russian peasantry, represent a rich system of nominations, and enter into all kinds of semantic relationships: thematic, synonymous, antonymic, hypo-hyperonymic, etc. From the very beginning the card index of the Dictionary was formed as an absolutely complete recording of the entire lexical and phraseological wealth of Pskov dialects; during annual expeditions, collectors talk with informants on a variety of topics, after which they draw up vocabulary cards for both dialect and all-Russian lexemes.

Almost any dictionary entry in the PRD for a polysemantic word shows the further development of the semantics of all-Russian words in dialects. Thus, the all-Russian preposition *над* (PRD, issue 27, pp. 355–364) has 48 meanings in Pskov dialects, which clearly exceeds its tasks in the literary language. If you look at the significant vocabulary, then, for example, the verb *надать* (PRD, issue 25, pp. 5–7) in addition to the all-Russian meanings “to move from top to bottom under the influence of its own gravity”, “to go, to fall out (about precipitation)” and etc., there are many dialectal meanings: ‘to flow in, pour in (about a river)’, ‘limping, slightly leaning to one side’, ‘to die’, ‘to decrease in level, intensity’, ‘to become worse (about health)’, ‘bending down to look for someone, something, etc.

The second unique feature of PRD is reflected in its name: it is a regional dictionary with historical data. The first issue contains 108 sources from the 13th to 18th centuries; in the 28th issue there are 118 of them. At the same time, not only the chronicles have local flavor, but also such monuments as the Pskov scribal books, the Pskov court charter, the books of the merchant Pogankin and numerous small documents created on the Pskov land in different centuries — letters,

acts, extracts, spiritual wills, petitions, etc. The Phrasebook of Tönnies Fenne, a German merchant, deserves special mention — a text from 1607, which is an extensive selection of phrases heard from the lips of Pskov residents and translated into German. This source, which is already four hundred years old and written by a foreigner, presents absolutely all the features of Pskov dialects studied and described in the twentieth century — phonetic, grammatical, syntactic, interesting vocabulary is reflected. Of course, the combination of modern and historical records in the PRD illustrates the development of the lexical system, the departure of some meanings and the emergence of others, the different relevance of certain meanings in different periods. Thus, the verb *ноcobуть*, which was developed for the 30th issue of the PRD, in modern Pskov dialects has the main meaning of “to provide help, support,” where all quotes speak about helping one person to another, while rich historical material gives a completely different compatibility: the vast majority of medieval contexts — about the help of higher, divine forces, and most often this is help in a military conflict.

The third feature of the PRD is that it is an atlas dictionary. It provides information not only about the areas of the Pskov region where this or that dialect word was recorded, but also about all the villages where it was heard. The year of recording is also reported. Such detailed information, according to B. A. Larin’s plan, allows readers, if desired, to recreate the areas of existence of certain dialect words in the Pskov region.

The fourth feature of the PRD is due to the material itself — Pskov dialects. As is known, the entire array of Russian dialects of the European part of Russia, already in the first scientific classification [3], was divided into three blocks: the North Russian dialect, the South Russian dialect and the Central Russian transitional dialects, which include the Pskov dialects. The second classification of Russian dialects of primary settlement [4], based on a detailed description of the dialects, confirmed the correctness of this division (north — center — south). Pskov dialects, like other Central Russian dialects, combine North Russian and South Russian features. It is no coincidence that this buffer zone between two dialects received a detailed description in a large collective monograph [5].

At the same time, the Pskov region is not only a Central Russian strip, but also a borderland with Belarusian dialects, as well as a zone of interaction with the Baltic languages. As B. A. Larin wrote in the preface to the PRD, “the folk speech

of the Pskov region is of great interest internationally, not to mention its exceptional significance for historians and dialectologists of the Russian language, since it reflects the thousand-year-old connections and cultural exchange of the Russian population with closely adjacent peoples of the Baltic-Finnish group, with Latvians and Lithuanians, as well as Belarusians” (PRD, issue 1, p. 3). That is why B. A. Larin visited the villages of the Pskov region for dialectological purposes already in 1926 and 1927 [6]. And then, starting from 1945, Leningrad State University students began to go to the Pskov region to get materials for the Dialectological Atlas of the Russian Language. In the Interdepartmental Dictionary Cabinet [7], founded by B. A. Larin at the Faculty of Philology of Leningrad State University and bearing his name, there is a journal of field practice, where the first entry is Pskov region, 1945, the leader of the expedition is A. P. Evgenieva. The journal records that expeditions are carried out every year. The PRD card index thus includes materials from expeditions from 1945 to the present, containing more than 3 million cards. It exists in two parts, at St. Petersburg State University and at Pskov State University (in the Scientific and Educational Laboratory of Regional Philological Research) [8].

Several years ago, by agreement between the Scientific Library of St. Petersburg State University [9] and the Presidential Library named after B. N. Yeltsin [10], the entire archive of notebooks of the Pskov expeditions of St. Petersburg State University was digitized and presented on the website of the Presidential Library, so now anyone can get acquainted with and work with it.

In 1996, in Pskov, employees of the philological faculty of the Pskov State Pedagogical Institute published the Cadastre of expeditions of both universities from 1945 to 1995 [11]. The book contains 640 pages, which contain information grouped by districts of the Pskov region and then by each locality: in which years in a given village which informants were recorded and who made the recordings.

The collection of material continues. The lexical level of language is very flexible, quickly responding to all changes that occur in people’s lives. On the one hand, new realities and new words appear. On the other hand, words that have been associated with the traditional life of the Russian village for centuries are disappearing. In recent years, no good records have appeared about peasant clothing, about crafts — about everything that was relevant before, but has disappeared from the life of a modern village. Therefore, it is gratifying that the PRD

card files contain numerous contexts recorded earlier for such realities as bast shoes, pistons, staves and many others, that there are detailed drawings of various complex tools that have long gone out of use, items of clothing that no one wears now, etc. Without a doubt, the creation of new issues of the PRD and, in the future, the completion of this voluminous work is the most important scientific task of the authors of the Dictionary.

References

1. Pskov regional dictionary with historical data. Vol. 1. L., Leningrad State University, 1967. — Issue. 28. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2020. (Publishing continues.)
2. Podvysotsky A. I. Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application. St. Petersburg, 1885.
3. Durnovo N. N., Sokolov N. N., Ushakov D. N. Experience of a dialectological map of the Russian language in Europe. M., 1915.
4. Dialectological map of the Russian language. M., 1965.
5. Formation of the Northern Russian dialect and Central Russian dialects: Based on materials from linguistic geography / Ed. V. G. Orlova. M., 1970.
6. Kornev A. I. B. A. Larin and Russian dialectology // Dialectological practice. A textbook for students of the Russian department of philological faculties. Publishing house of St. Petersburg State University, 2003. Pp. 74–86.
7. Pskov dialects and their speakers (information about the study of Pskov folk speech since 1945). Pskov, 1996.

УДК 81'42

Onegin Stanza in Nabokov's *The Gift*: the structure of text

Двинятин Федор Никитич

кандидат филологических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Abstract: *The article analyzes the language patterns and poetic organization of the final fragment of Nabokov's novel "The Gift": the reproduction of so called "Onegin stanza" (with its iambic tetrameter and its rhyme structure), the grammar of poetry, the semantic correlations, especially the motives of boundaries and continuation.*

Аннотация: *В статье анализируются языковые модели и поэтическая организация фрагмента романа В. В. Набокова «Дар», в котором воспроизводится метрическая и строфическая структура онегинской строфы: поэтическая грамматика, семантические переключки, мотивика границ и их преодоления.*

Keywords: *Nabokov, grammar, Onegin stanza, structure of text.*

Ключевые слова: *Набоков, грамматика, онегинская строфа, структура текста.*

Прощай же, книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, — но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка phrase (Nabokov 2002: 541).

Good-by, my book! Like mortal eyes, imagined ones must close some day. Onegin from his knees will rise — but his creator strolls away. And yet the ear cannot right now part with the music and allow the tale to fade; the chords of fate itself continue to vibrate; and no obstruction for the sage exists where I have put The End: the shadows of my world extend beyond the skyline of the page, blue as tomorrow's morning haze — nor does this terminate the phrase (Nabokov 1963: 378).

It is anything but rare for Russian poets to borrow the "Onegin stanza" (f. e., Greber 1955; esp. 139–146). It is also typical for poets, whenever they use this verse structure, to borrow — knowingly or unwittingly — the vocabulary and

stylistic and structural nuances of Pushkin's novel in verse, as well as its measures and rhymes. This is the case, for example, with Lermontov's long poem *The Tambov Treasurer's Wife*, as well as with the roguish opus *Debogoriy-Mokrievich* by late 19th-century Narodnik revolutionary Vladimir *Debogoriy-Mokrievich*.

But *The Gift's* final lines (Toker: 151–152) are tied to Eugene Onegin not solely by virtue of the reproduction of Pushkin's stanza (in prose's graphic disguise), with its iambic tetrameter and its AbAbCCddEffEgg rhyme structure (*It is true that Nabokov, while retaining the rhyme scheme, subtly alters the form, using exclusively masculine rhymes* — Wachtel 1998: 167) or even by the use of the name *Евгений* (*Onegin* in English translation). The key link here is the word *растаться* (*to part*), also used in the penultimate line of the final chapter of Pushkin's novel: *И вдругъ умгльь разстаться съ нимъ, Какъ я съ Онъгинымъ моимъ* (EO, 7, LI) (*And all at once could part with it / As I with my Onegin*). This subtext is plain, but perhaps there is another subtext, less meaningful and less conspicuous. As the excerpt progresses, the aural imagery — *слух... с музыкой... звенит* (*the ear... with the music... chords of fate*) — clearly gives way to the visual. Nothing juxtaposes the audible and the visible as straightforwardly as the core verbs used in the present tense: *судьба — звенит*, and *продленный призрак бытия — синее*. The ringing and the blueing in the finale are, quite possibly, an allusion to Gogol's famous lines from *Diary of a Madman*: *струна звенить въ туманъ... Домъ ли то мой сингеть вдали?* (“...a musical string twangs in the mist... Is that my home looming blue in the distance?” — in Nabokov's own translation). Nabokov had previously played on the first part of this quote, and Dostoevsky once also invoked it ironically: *дымъ, туманъ, струна звенить въ туманъ* “smoke, a mistiness, and a chord vibrating in the mist” in *Crime and Punishment*).

But the verb *синеть* (*to turn blue*) in the final lines of *The Gift* pulls in the novel's internal contexts as well as external subtexts, weaving associations of motif. This verb occurs in poems written by both of the novel's central fictional poets: *синее*, *синего синей* (*turning blue, bluer than blue*), by Godunov-Cherdyntsev (in his poem about the morning sky glimpsed through a crack in the window shutter), and *изваянья в аллеях синели* (*statues in the alleys were turning blue*) by Koncheev (in the Koncheev quote, the word that follows it — *небеса* (*skies*) — no longer pertains to blueness directly, but due to the contiguousness of these words, it is as though the skies had lent their colour to the statues; moreover, the words

аллеи синели (alleys blueing) evoke the archaic word for lilac — *синель* (very aptly used by Tyutchev). Nabokov, or *Sirin* (an old pen name), kept lilac (*siren'*, *сирень*) on hand as one of his many secondary tokens of his authorly presence in his novels.

One salient feature about the grammar of the excerpt is its diverse and fractional verb forms: the only imperative is *прощай* (*fare thee well*), the only one in past tense, *поставил* (*put*; next to the only first-person pronoun), and the only one in future tense is *поднимется* (*will rise*). Only the infinitive and the present tense occur in multiple instances, and several notable symmetries and consonances are found there: *удаляется — (не) кончается* (strolls away — (nor) does this terminate), *звонит — синее* (vibrate — turn blue). The vast field of vision, the continuation and extension, which are stated expressly, are subtly underpinned, in the verbal grammar, by the extensive palette of word-forms and the dominance of the present tense.

One may be so bold as to surmise (as long as one exercises the proper measure of prudence) that these two grammatically identical structures, occurring in two neighbouring lines containing crucial imagery, also stylistically allude to Pushkin's literary style: *призрак бытия* (*the shadows of my world*) and *за чертой страницы* (*beyond the skyline of the page*). In Russian poetry, the frequency of use of phrases with the adnominal non-prepositional genitive varies steeply and strikingly between eras and authors (more perspicacious poets of later eras can hear this well and use it to selectively imitate the style of poets from the past). The use of phrases with the genitive case had its heyday in the poetry of Batyushkov. Pushkin used this phrase structure differently for different genres, but his use of it was, overall, more sparing, averaging at about two phrases per stanza, which is exactly the typical “Onegin frequency”.

And here is one more hallmark of Onegin and of Pushkin's verse generally: several enjambments (mismatches between poetic and syntactic divisions) follow one another in succession in the middle of the excerpt: *И все же слух не может сразу // расстаться с музыкой, рассказу // дать замереть... судьба сама // еще звонит, — и для ума // внимательного нет границы...* (*And yet the ear cannot right now / part with the music and allow / the tale to fade; the chords of fate / itself continue to vibrate; / and no obstruction for the sage / exists...*). There can be no doubt that this “division crisis” serves to highlight the theme of *нет границы* (*no obstruction*, lit. *no border*).

On the lexical plane, the semantic correlations stand out in particular. The key internal themes of *The Gift*'s ending are highlighted repeatedly, and so that series of words belonging in the same meaning-domain are apt to form graded progressions, such as, for instance, this one: *книга — страница — строка* (*book — page — line*). This is echoed by another triple series: *точка — черта — граница* (*end, lit. point — line — obstruction*). And the word *книга* (*book*) also enters into another series: *книга — видение — рассказ* (*book — dream — tale*), while *страница* (*page*), along with *точка*, *черта*, and *граница*, contributes to the semantic of “(transcendable) boundaries”. This — broader and more central — domain of “end / not end,” “end/ continuation” also involves such words and phrases as *прощай, отсрочки... нет* (*good-by, must close some day*), *удаляется* (*strolls away*), *рассататься (part)*, *замереть, нет границы, продленный, за чертой, не кончается* (*fade, no obstruction, extended, beyond the skyline, nor does this terminate*). The duality of the assertion and denial of “the end” is highlighted at least twice by grammatical parallelisms filled with contradictory meaning. The first one is the opposition of *отсрочки... нет* (*must close some day, the end*) and *нет границы* (*no obstruction, the end is rescinded*). The second parallelism — an even more obvious one, underscored by both the grammar and the rhythm — is this: (1) *но удаляется поэт* (*but his creator strolls away, the end*) — *и не кончается строка* (*nor does this terminate the phrase, the end is rescinded*). The beginning of the closing excerpt of the novel declares the impending end of the novel. However, the ending of this same excerpt, that is, the ultimate ending of the novel, conversely, at the very least calls the impending finale into question. As aural and visual metaphors harmonize and somewhat compete (the sound is given flesh by the very sonic fabric of the lines; it might seem a little meagre for Nabokov, a consummate virtuoso of sound consonances, but this succession of four stressed A's in the finale — *как Автрашние облака, — и не кончается строка* — is certainly not coincidence), so the semantics and imagery of space and time also interact in the excerpt. At first, time reigns supreme, signified, as it were, by *сразу* (*right now*) and *еще* (*continue, lit.: still*), and the frame of the text appears similar to the boundaries of a musical or theatrical performance: the final sounds fade, and (afterwards) the actor, or some character likened to an actor, caught in this genuflected posture at the novel's abrupt end — something akin to metaphorical “curtains” — rises from

his knees. And here something spatial intervenes: the figure of the poet strolling away. From this point on, space dominates over time — *граница, точка, призрак за чертой* — but time still has a say amid this spatial domination: the morning haze is tomorrow's. Space and time, sound and vision merge to the point of becoming indistinguishable in the last line — the line about the line. The line is spatial and visible when it is written, and it exists in time and is audible when it is uttered, when it sounds.

In this general context of duality, it is probably no accident that the distinction between Eugene and his creator is underscored. Indeed, many scholars have pointed out that the persona of the narrator appears to be dual in Pushkin's novel in verse as well; the narrative enigma of *The Gift* rests upon an ambiguous equilibrium between the first and the third person: Is it me writing about myself occasionally? Is that his monologue reproduced without quotation marks?

It is important to read Nabokov slowly and attentively, and this applies to *The Gift* in full measure. *The Gift's* prosaic narrative fabric is haunted by the laws of poetry, complete with the sweeping engagement of language, the metrics, and the intricate interplay of cross-textual connections. One of Nabokov's favourite authors, Leo Tolstoy, wrote that the fabric of a novel is an endless labyrinth of connections (of thoughts, characters with their interrelations, statuses and shifts of the plot, of narrative, meaningful and symbolic motifs). Nabokov was certainly aware of all this and was adept at putting it into practice, but he would frequently augment and cement his prosaic complexity with a poetic one, drawing amply on his experience as a poet, albeit an unrecognised one.

References

1. Greber E. Das zweite Leben des Evgenij Onegin. Transpositionen der Oneginstrophe und Onegin's Reinkarnation als Campus-Heldin // Lebensstadien. Festschrift Renate Döring-Smirnov (= Wiener Slawistischer Almanach 55. 2005). Wien, 2005. S. 135–150.
2. Nabokov V. *The Gift: A Novel*. Translated into English by Michael Scammel and Dmitri Nabokov in collaboration with Vladimir Nabokov. London, 1963.
3. Nabokov V. *Dar* // Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda v piati tomakh*. St. Petersburg, 2002. Vol. 3. P. 189–541.

4. Toker 1989 — Toker Nabokov: The Mystery of Literary Structures. Ithaca; London, 1989.
5. Wachtel M. The Development of Russian Verse: Meter and its Meanings. New York; Cambridge, 1998.

УДК 80

Использование ключевых текстов русской культуры на уроках РКИ на материале стихотворения С. А. Есенина

Чжан Тянью

бакалавр Санкт-Петербургского государственного университета

***Аннотация:** В статье рассматривается определение понятия «ключевой текст русской культуры», изучается значение таких текстов в аспекте РКИ, предлагается методика работы с ними. В качестве примера рассматривается стихотворение С. А. Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...» для работы со студентами 3–4 уровня владения РКИ. Выделены три этапа работы с ключевыми текстами, предложены задания на каждом этапе.*

***Abstract:** The article deals with the definition of the “key text of Russian culture” concept, studies the meaning of such texts in the aspect of Russian as a foreign language, and proposes a method of working with them. As an example, S. A. Yesenin’s poem “Goy you, Rus, my native country...” is considered for work with students of the 3–4 level of proficiency in Russian as a foreign language. Three stages of work with key texts are emphasized, and tasks at each stage are proposed.*

***Ключевые слова:** РКИ, лингвокультурологический аспект, ключевой текст русской культуры, художественное произведение, С. А. Есенин, методика работы.*

***Keywords:** RCT, linguocultural aspect, key text of Russian culture, artwork, S. A. Esenin, methodology of work.*

Изучение русского языка как иностранного (далее — РКИ) не сводится только к освоению грамматических правил студентами и расширению их словарного запаса. Немаловажным является и культурологический аспект

изучения языка. Знакомство с культурой, особенностями, традициями русского народа — важная составляющая процесса изучения РКИ. В соответствующих программах обучения, как правило, предусмотрен целый тематический блок, направленный на знакомство иностранных студентов с русской культурой, при этом одним из образовательных методов является изучение ключевых текстов русской культуры.

В настоящее время до сих пор не существует единого, точно сформулированного определения данного понятия. Сам термин «ключевой» означает:

1. «открывающий возможности овладения, управления чем-либо» (Толковый словарь Ожегова);
2. «что-то наиболее важное, значимое» (Толковый словарь Дмитриева) [Цит. по 3]

Таким образом, мы можем сказать, что «ключевой текст русской культуры» — это наиболее важные, значимые тексты, отражающие мировосприятие русского народа. К таким текстам, как правило, относят «облигаторные тексты классической в прямом смысле слова, то есть изучаемой в классе литературы, так называемой «школьной» классики» [5, с. 68]. Однако, как справедливо отметила Л. А. Литовская, корпус ключевых текстов русской культуры «может быть существенно расширен за счет включения не менее актуальных для носителей культуры, но обычно отодвигаемых на второй план, особенно в случаях преподавания русского языка взрослым» [5, с. 68]. На наш взгляд, к ним можно отнести тексты значимых русских песен, произведения детской (дошкольной литературы), фольклорные произведения и т.д.

Среди ключевых текстов русской культуры важное место занимает поэзия С. А. Есенина. Это известный русский (советский) поэт, написавший за свою жизнь более 500 стихотворений. Основной темой его поэзии стала любовь к родине, русской природе, деревне и родным людям. Творчество поэта оказало огромное влияние на русскую культуру, он стал символом русской культуры и духовности. Включение анализа лирики С. А. Есенина, как отметила А. Ю. Кузнецова, является «актуальным и значимым, так как он дает богатый материал для ознакомления с жизнью и бытом русского народа, его историей и психологией, характером мировосприятия и мироощущения» [4, с. 10–11].

Работа с ключевыми текстами, в том числе и поэтическими на уроках РКИ состоит из нескольких последовательных этапов. Дружинина В.В., Дружинина А.В., Атаев С.Д. выделили три таких этапа:

1. предтекстовая работа: включает в себя знакомство студентов с личностью поэта, его взглядами, историей создания и тематикой произведения;
2. притекстовая работа: работа с отдельными законченными фрагментами текста или мини-ситуациями (МС);
3. послетекстовая работа: включает в себя контроль понимания студентами текста, закрепление знаний с помощью специальных заданий [1, с. 118–121].

Рассмотрим возможности применения данной методики на примере стихотворения С. А. Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...» [2]. Данное стихотворение достаточно сложное для изучения иностранными студентами с точки зрения синтаксиса и лексики, однако раскрывает важные аспекты русской культуры, такие как любовь к природе, деревне, религиозность и пр. Поэтому изучать его рекомендуется студентам, уже знакомым с основными грамматическими особенностями языка и широким словарным запасом (3–4 уровень владения РКИ).

На предтекстовом этапе важно отметить, что это стихотворение по праву считается одним из лучших в наследии поэта. В нем отражается его безграничная любовь к своей родине. Тема родины раскрывается в стихотворении через образ русской деревни, описания народного быта и русской природы.

В стихотворении много лексики, в том числе и устаревшей, которая может быть непонятна иностранным студентам. На предтекстовом этапе также важно объяснить возможно непонятные слова. Так, стихотворение начинается со старорусского слова «гой», которое обозначает приветствие или обращение к кому-либо, в нашем случае — к Руси. К незнакомым словам можно заранее подобрать не только определения, но и иллюстрации, которые помогут студентам лучше понять смысл слов, запомнить их за счет высокой образности.

На этапе притекстовой работы проводится поэтапный анализ каждой строфы. Рассмотрим возможный вариант притекстовой работы на примере первой строфы.

Она начинается, как отмечено выше, с обращения к родине. Следует обратить внимание на структуру предложений и пунктуацию в них. Строфа состоит из двух сложных предложений:

1. первое — бессоюзное, состоит из двух простых: «Гой ты, Русь, моя родная (осложнено обращением, выделенным запятыми), Хаты — в ризах образа... (тире стоит между подлежащим и сказуемым)»;
2. второе — бессоюзное, состоит из двух простых: «Не видать конца и края — Только синь сосет глаза». Второе предложение заключает в себе вывод из того, о чём говорится в первом, поэтому между ними ставится тире.

На данном этапе иностранным студентам также можно предложить попробовать ответить на вопросы. Если они затрудняются в своих ответах, важно помочь им, возможно дать подходящий социокультурный контекст.

- Что происходит в первой строфе? (поэт обращается к родине, восхищается ее бескрайними просторами, наслаждается видом русской деревни);
- Как вы понимаете слово «хаты»? Подберите синонимы к данному слову (изба, дом);
- Почему обычные деревенские дома (хаты) поэт сравнивает с образами в ризах? (потому что возвышает их, приравнивает к чему-то божественному, одухотворенному, что также говорит и о религиозности поэта)
- Объясните значение метафоры «синь сосет глаза» (синее небо над бескрайними просторами)

Аналогично рассматриваются и последующие строфы.

3. На третьем этапе предлагается сделать перевод стихотворения на родной язык, обсудить в чем именно выражается любовь Есенина к родине в произведении, подвести итоги работы.

Таким образом, использование ключевых текстов русской литературы на уроках РКИ способствует формированию межкультурной компетенции. Работа над такими текстами позволит иностранным студентам расширить свой кругозор, повысить общую грамотность, мотивацию к изучению русского языка, обогатить и развить как устную, так и письменную речь.

Список литературы

1. Дружинина В.В., Дружинина А.В., Атаев С. Д. Методика работы с поэтическим текстом С. А. Есенина на уроках русского как иностранно-го // Вестник УРАО, 2023.— № 2. — С. 117–122
2. Есенин С. А. Гой ты, Русь, моя родная... // Культура.рф [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/44393/goi-ty-rus-moya-rod-naa> (дата обращения: 21.01.2023).
3. Ключевой: толкование // Академик: словари и энциклопедии [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_ant-opums/2590/ключевой (дата обращения: 21.01.2023).
4. Кузнецова А. Ю. Лингвострановедческий анализ поэтических произведений С. А. Есенина в аудитории филологов-иностранцев: III–IV уровни общего владения РКИ: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Кузнецова Анна Юрьевна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2008.— 206 с.
5. Литовская Мария Аркадьевна Ключевые тексты русской литературы в программе преподавания русского языка как неродного // Вестник ТГГПУ, 2012.— № 2. — С. 68–71.

УДК 811.112.2

Тема «Родина» в произведениях Э. М. Ремарка

Гуляева Елена Юрьевна

старший преподаватель кафедры Иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Самохина Татьяна Олеговна

старший преподаватель кафедры Иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

Аннотация: В данной работе рассматривается и анализируется понимание Родины у героев романов Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне», «Три товарища» и «На западном

фронте без перемен». Свое отношение к Родине они выражали не только словами, это отношение получило свое отражение в их мыслях и действиях. Особый интерес к этой теме и к героям именно этих романов вызван тем, что большинство из них были вынуждены покинуть свою Родину. Цель данной работы — в процессе литературоведческого анализа определить, приобрели ли герои произведений Ремарка «вторую Родину» или что-нибудь, к чему они чувствуют свою принадлежность и так ли важно для них иметь Родину.

Abstract: *This paper examines and analyzes the understanding of the Motherland in the characters of E. M. Remarque's novels "A Night in Lisbon", "Three Comrades" and "All Quiet on the Western Front". They expressed their attitude to the Motherland not only in words, this attitude was reflected in their thoughts and actions. Special interest to this topic and to the heroes of these novels is caused by the fact that most of them were forced to leave their Motherland. The purpose of this paper is to determine, in the process of literary analysis, whether the heroes of Remarque's works have acquired a "second Motherland" or something to which they feel they belong and whether it is so important for them to have a Motherland.*

Ключевые слова: *родина, отчизна, отчий дом, принадлежность, привязанность, страна, земля, государство, правительство, принадлежность, Э. М. Ремарк, песня.*

Keywords: *homeland, Fatherland, fatherly home, belonging, attachment, country, land, state, government, belonging, E. M. Remarque, song.*

Каждый человек толкует слово «Родина» по-своему.

Во многих толковых словарях, в том числе в словаре С. И. Ожегова, под словом «Родина» понимается место рождения, которое именуется еще словом «отечество». Есть также понятие «вторая родина», то есть место, давшее приют человеку [3].

В немецком языке есть несколько слов, обозначающих место рождения: Geburtsort, Geburtsland, Herkunftsland. Но эквивалентом к слову Родина является слово Heimat. Die Heimat в словаре Duden толкуется как место рождения человека, в котором он провел детство, вырос, а также как выражение чувства привязанности к этому месту [7].

Существительное Heimat образовано от средневерхненемецкого heim и суффикса — ōti [6]. Das Heim в немецком языке обозначает прибежище для обездоленных; дом, жилище, в котором человек чувствует себя защищенным [2]. Поскольку для немецкого языка типично словосложение, то

мы можем найти такие слова, которые непосредственно связаны с Родиной или с родным домом, например, heimkehren (вернуться домой).

Также в немецком языке существуют слова, которые отдаленно подразумевают связь с родным домом: heimtückisch (скрытно во вред другим), geheim (тайно, скрытно от посторонних глаз держать что-то, за закрытыми дверями) и др.

Слово «отечество» (Vaterland) подразумевает чувства к стране, в которой человек родился. Принадлежность к Отечеству может выражаться через притяжательное местоимение, напр. Ihr/mein Land, через прилагательное eigen — ein eigenes Land. Или через воспоминания — воспоминания о местах, о дорогих персонажу людях, что часто встречается в романах Ремарка.

В произведениях Э. М. Ремарка освещается много тем. В нашей работе мы хотим рассмотреть тему Родина и проанализировать понимание этого термина героями произведений писателя-антифашиста, даже если это «потерянная Родина», и их размышления об отечестве.

В рамках данной работы мы также затронем слово Zuhause, поскольку на наш взгляд, оно неразрывно связано с местом, где человек чувствует себя защищенным, в безопасности, с местом, к которому он привязан. Тем самым мы соотносим слово Zuhause со словом Heim.

Герои романа «**Die Nacht von Lissabon**», для которых Родиной является Германия, говорят о том, что для них справедливость, свобода и терпимость стали важнее самой Родины и Бытия (пер. автора) «... *die Flüchtlinge, denen Gerechtigkeit, Freiheit und Toleranz mehr bedeuteten als Heimat und Existenz*» [9, с. 4]. Но все равно смерть близких тяжелее переносить, если ты не на своей земле, если ты не на Родине (пер. автора) «*Verluste waren schwerer durchzustehen, wenn man ohne eigenes Land war*» [9, с. 12]. Нет никакой поддержки, и Чуждое и Незнакомое становилось действительно чуждым и незнакомым.

Иногда Родина отражается в воспоминаниях персонажей и здесь писатель довольно подробно описывает родные места героя, чтобы показать всю ту теплоту и надежду, которые поднимаются в душе героев. Например, воспоминания о вечерах в переулках, с ограждений которых свисала сирень, о золотом закате над городом, о зеленых церковных башенках,

вокруг которых летают ласточки (пер. автора) «*Abende in Gassen, über deren Mauern Flieder hing, an die goldene Dämmerung der alten Stadt, an ihre schwalbenumflogenen, grünen Kirchtürme*» [9, с. 20]. Зеленый цвет является контрастным по отношению к настоящему серому и выражает свободу и спокойствие [1, с. 8].

Возвращаясь на Родину, замечаешь те подробности, на которые раньше не обращал внимания. Шварц замечает, что на родной земле начинает говорить не только каждое дерево «*jetzt aber begann langsam jeder Baum zu sprechen*», но и другие предметы «*Jetzt, plötzlich, begannen die Dinge zu sprechen*» [9, с. 35]. Возвращаясь уже другим человеком, воспоминания всколыхнули в нем любовь к этому месту, в котором сформировалась его личность «*Es hatte mich geformt*» [9:63], и чувство, что именно здесь была похоронена его юность. И на родной земле, даже находясь в большой опасности, чувствуешь себя с одной стороны защищенным, с другой стороны — Родина, безопасность являются довольно хрупкими «*Es war, als stünde ich unter einer Glasglocke, die mich zwar schützte, aber jeden Augenblick zerspringen konnte*». [9:38]. Везде можно заметить навязанные со стороны изменения — например, переименованная площадь «*Statt Rißmüller-Platz hieß sie jetzt Hitler-Platz*» [2]. Но всегда кажется, что Родина сильнее, что Родина защитит [9, с. 113].

Интересно отметить, что на возрождение души героя повлияла природа, окружающая среда, в то время как предметы быта стали для него чуждыми «*Jetzt, als ich in ihr (in der Wohnung) war, fühlte ich wenig*» [9, с. 67].

Нельзя не упомянуть Георга, брата Хелен, который считает предателем Родины «*Vaterlandsverräter*» [9, с. 153] всякого, кто не согласен с политическим курсом фюрера.

Также интересно мнение героя романа о Франции, что она является беспокойной Родиной для тех, у кого Родины нет. Именно туда ведут все пути — там можно получить туристическую визу без всяких проблем на год и чувствовать себя счастливым. Женщина, заключенная в женском лагере во французских Пиренеях, считает, что надо благодарить Бога за то, что родители дали Отечество, которое можно любить, даже будучи несчастным. «*Danken Sie lieber Gott, daß Ihre Eltern Ihnen ein Vaterland gegeben haben, das Sie lieben können, auch wenn es unglücklich ist*» [9:201].

В произведении «**Drei Kameraden**» герои романа описывают Родину чувствами и эмоциями. Здесь они приводят сравнения, по которым мы можем расширить характеристику Родины: Палатка рабочих, освещенная изнутри, выглядела как теплый маленький уголок Родины «*Das von innen erleuchtete Zelt der Arbeiter sah wie eine warme kleine Heimat aus*» [10, с. 39]. И бар Фреда стал для Роберта чем-то вроде родного дома «*eine Art von Zuhause*», так часто он туда приходит [10, с. 51]. И кафе International было местом, где в выходной день, в воскресенье Роберт мог обрести покой от всех и от всего, и поэтому он называл его «*Sonntagheimat*» [10, с. 35]. А в прощальный вечер, организованный Розой, он сыграл на рояле ее любимую песню «На Родину бы мне вернуться» (пер. автора) «*Nach der Heimat möcht' ich wieder*» [10, с. 64]. Роберт также играет солдатские песни, среди которых есть песня „*Argonnenwald*“ [10, с. 111], в которой солдат на вахте думает о своей далекой родине „*Bringt ihm 'nen Gruß aus fernem Heimatland*“, любимой и дорогой отчизне (пер. автора) «*das geliebte, teure Vaterland*» [4].

Для Ленца Родина неразрывно связана с цветущей сиренью [10, с. 205], а для Роберта и Пат возвращение Домой означает возвращение в дом, где горит свет в окошке, где ни о чем не надо думать, кроме как о солнце, об отпуске и о море и где они просто могут быть друг у друга [10, с. 270–271]. И чувство, которое испытал Роберт, глядя со стороны на уютный домик, было для него странным, непонятным, но он назвал это чувство «чувством Родины» «*ein merkwürdiges Gefühl der Heimat*» [10, с. 278]. А когда Пат, Роберт и Кёстер проезжают окрестности санатория, Пат говорит о своих ощущениях: как будто они возвращаются Домой — едут назад, в то время, когда они были вместе [10, с. 520].

Герои романа «Три товарища» также часто находят свое утешение в воспоминаниях — о любимых, о доме, о Родине. В романе подробно описывается празднование Рождества — праздник, на который традиционно собирается вся семья. Здесь на Рождество собрались вместе герои романа и стали дарить друг другу подарки — как тогда, в детстве, еще до войны [10, с. 462]. На этом празднике воспоминания также играют большую роль, а вспомнить отчий дом (Heimatflur) снова им помогает популярная в то время песня „*Aus der Jugendzeit*“ [5], которая отражает реальность их бытия — ностальгию и невозможность возврата.

Слово «Родина» у героев романа «**Im Westen nichts Neues**» зачастую ассоциируется со словом «дом», «домой». Получив множественные ранения, устав от ужасов войны, Пауль и Альберт думают, что теперь их отправят домой «*Nun geht's in die Heimat, Albert, sage ich. «Hoffentlich», antwortet er* [11, с. 176].

Но родина для Ремарка — это не только отчий дом, это еще и люди, которые олицетворяют этот дом, друзья и близкие, ведь только благодаря им дом становится отчим, родным, Родиной: Теперь Кат, который заботится о Пауле, становится для него олицетворением отчего дома и Родины. *Kat steht vor mir, sein riesiger gebückter Schatten fällt über mich wie eine Heimat* [11, с. 71].

Но у героев романа почти нет воспоминаний о родине, ведь они ушли на войну, будучи совсем юными (война начинается, когда им всем по 18 лет), и у них почти нет никаких привязанностей или воспоминаний, разве что воспоминания о родителях и школе. Но в их возрасте родители не столь важны, как для совсем маленьких детей или же людей совсем взрослых. И, проводя все свое свободное от боев время в казармах, эти казармы с их железными койками, табуретками и шкафами-пеналами становятся для них своего рода родиной, ведь теперь это их родной дом, для кого-то на время, а для кого-то, возможно, и навсегда — другого теперь у них не будет; это то место, где они могут отдохнуть, расслабиться, выспаться, подумав о своем; их **родным домом** теперь стали казармы:

*Die Kasernen wirken wie ausgestorben. Alles schläft. Die Stuben sind kühl. ... Oh, ihr dunklen, muffigen Korporalschaftsstuben mit den eisernen Bettgestellen, den gewürfelten Betten, den Spindschränken und den Schemeln davor! Selbst ihr könnt das Ziel von Wünschen werden; hier draußen seid ihr sogar ein sagenhafter **Abglanz von Heimat**, ihr Gelasse voll Dunst von abgestandenen Speisen, Schlaf, Rauch und Kleidern!* [11, с. 32]

В романе Ремарк поднимает не только вопрос о том, что такое Родина и отчий дом, но и том, что такое родина и государство, в чем заключается разница между двумя этими понятиями. Один из героев романа — Альберт — считает, что родина сродни государству, что без государства родины быть не может, Кат же считает, что между родиной и государством есть разница и отождествлять родину и государство нельзя. Спор между товари-

щами по оружию разгорается, когда один из них — Тьяден — спрашивает, почему возникают войны. Альберт объясняет причины их возникновения оскорблениями, которые одна страна наносит другой. Но у слова «Land» в немецком языке несколько значений: это не только страна, но и земля как таковая. Альберт объясняет Тьядену, что войны возникают из-за того, что одна страна оскорбляет другую: «*Meistens so, daß ein Land ein anderes schwer beleidigt*» [11, с. 149].

Но Тьяден не понимает его, трактуя слова «Land» как земля. Он спрашивает, как одна земля может оскорбить другую, как гора в Германии может обидеть или оскорбить гору, или лес, или реку где-нибудь во Франции: «*Ein Land? Das verstehe ich nicht. Ein Berg in Deutschland kann doch einen Berg in Frankreich nicht beleidigen. Oder ein Fluß oder ein Wald oder ein Weizenfeld.*»

В отчет на это Мюллер уточняет, что речь не о земле как о таковой, а о нации в целом, о государстве: «*Ach, Mensch, es ist doch das Volk als Gesamtheit, also der Staat*» [11, с. 149].

Тьяден отвечает, что не хочет иметь ничего общего с таким государством и воевать за него не обязан. Кат соглашается с ним, говоря, что понятие государства и родины отличаются, что это разные вещи:

«*Das stimmt*», sagt Kat, «... *Staat und Heimat, da ist wahrhaftig ein Unterschied*» [11, с. 149–150].

Кропп же считает, что родины без государства не бывает, что они неразрывно связаны друг с другом: «*Aber sie gehören doch zusammen*» ... «*eine Heimat ohne Staat gibt es nicht.*» [11, с. 150].

На что Кат возражает, что простой человек из одной страны никогда не станет нападать на такого же простого человека из другой страны, что французский слесарь не станет оскорблять немецкого слесаря, что французский сапожник не желает нападать на немецкого сапожника, и что войны возникают не из-за того, что одна страна обидела другую, а из-за решения правительств этих стран начать не нужную простым людям войну, увязывая вопрос государства и причины возникновения войны воедино и отделяя от этих понятий понятие Родины:

«...*Weshalb soll nun wohl ein französischer Schlosser oder Schuhmacher uns angreifen wollen? Nein, das sind nur die Regierungen...*» [11, с. 150].

Осенью 1918 года из семерых одноклассников, отправившихся всех вместе воевать, в живых остается только главный герой романа — Пауль. В это время все только и говорили, что о мире и прекращении огня. Пауль и сам начинает верить, что вскоре наступит мир, и он сможет вернуться домой. Но как только он начинает думать о возвращении домой, он ловит себя на мысли о том, что он, тот, который долгое время не был на родине и сильно тосковал по дому, не может более представить себе, что же будет дальше. Ведь если бы он и такие, как он, вернулись бы сейчас домой, то это были бы люди «без корней и надежды», то есть люди, которые лишились своей родины, своих истоков, своих корней. И когда Пауль в самом конце войны погибает, выражение на его лице заставило товарищей думать, что он был этому только рад: «... *sein Gesicht hatte einen so gefaßten Ausdruck, als wäre er beinahe zufrieden ...*», ведь война всё отняла у Пауля и его поколения: воспоминания, дом, друзей и близких, всё, что олицетворяла собой Родина [11, с. 214].

Литературоведческий анализ романов «Die Nacht von Lissabon», «Drei Kameraden» и «Im Westen nichts Neues» показал, что Родина для героев неразрывно связана с детством, но также в их жизни появляется «вторая Родина» — уютный дом, где они чувствуют себя защищенными; друзья, которые всегда находятся рядом и поддерживают в сложных обстоятельствах, которые радуются удачам друг друга, которые иногда поучают, а иногда и шутят. В связи с этим можно прийти к выводу, что ощущение Родины, принадлежности к чему-то или к кому-то очень важны для каждого человека.

Список литературы

1. Загладько, Л. А. Особенности семантики цветообозначений в структуре художественного текста (на материале произведения Э. М. Ремарка «Три товарища») / Л. А. Загладько // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика.— 2010.— № 6. — С. 114–118.
2. Литвяк, О. В. Город как символический комплекс эмиграционного пространства в немецкоязычном художественном тексте (на материале

- романа Э. М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне») / О. В. Литвяк // Современный ученый. — 2022. — № 5. — С. 8–12. — EDN CUBIAY.
3. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ozhegov.info/slovar> (Дата обращения: 10.11.2023)
 4. Argonnerwald um Mitternacht [Электронный ресурс] — URL: <https://volksliederarchiv.de/argonnerwald-um-mitternacht/> (Дата обращения: 23.12.2023)
 5. Aus der Jugendzeit Mitternacht [Электронный ресурс] — URL: <https://volksliedsammlung.de/aus-der-jugendzeit-aus-der-jugendzeit.html> (Дата обращения: 23.12.2023)
 6. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute [Электронный ресурс] — URL: <https://www.dwds.de> (Дата обращения: 10.11.2023)
 7. Duden Wörterbuch [Электронный ресурс] — URL: <https://duden.de/rechtschreibung> (Дата обращения: 10.11.2023)
 8. Hery-Мoßmann, Nicole. Grün: Bedeutung in Kunst und Psychologie. Focus online [Электронный ресурс] — URL: https://praxistipps.focus.de/gruen-bedeutung-in-kunst-und-psychologie_110175 (Дата обращения: 21.09.2023)
 9. Remarque, Erich Maria. Die Nacht von Lissabon. — Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag, 2017, S. 299.
 10. Remarque, Erich Maria. Drei Kameraden. — Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag, 2014, S. 585.
 11. Remarque, Erich Maria. Im Westen nichts Neues. — Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag, 1971, S. 215.

УДК 8

Особенности развития билингвизма в Северной-Осетии¹

Закаева Белла Константиновна

старший преподаватель кафедры Иностранных языков
Северо-Кавказского горно-металлургического института
(государственного технологического университета)

Баликоева Марта Ибрагимовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры Иностранных языков
Северо-Кавказского горно-металлургического института
(государственного технологического университета)

***Аннотация:** В представленной статье описывается формирование билингвизма на территории Осетии, факторы, повлиявшие на него. Дается анализ современной языковой политики в сфере образования и состояние языкового баланса.*

***Abstract:** The presented article describes the formation of bilingualism on the territory of Ossetia and the factors that influenced it. It analyzes the current language policy in the sphere of education and the state of the linguistic balance.*

***Ключевые слова:** осетинско-русский билингвизм, сбалансированный билингвизм, синхронный аспект, языковая политика. государственный язык, родной язык, русский язык, осетинский язык.*

***Keywords:** Ossetian-Russian bilingualism, balanced bilingualism, synchronic aspect, language policy. state language, native language, Russian language, Ossetian language.*

.....

Понятие «билингвизм» происходит от латинского слова *bilingua* — двуязычие.

Относительно концепции билингвизма или мультилингвизма существует множество противоречивых мнений и объяснений. Одни ученые

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта 21–512–07004

считают, что билингвизм — это постоянное устное употребление двух языков, другие говорят, что это безупречное владение двумя языками.

По мнению известного ученого У. Вайнраха билингвами считаются люди, использующие два языка на равных [1].

Существует также мнение, что билингвом является любой человек, имеющий хотя бы минимальные навыки в письме, чтении, понимании услышанного и говорении на неродном языке.

До сих пор нет единого мнения, можно ли назвать билингвом человека, который изучает какой-либо язык, но не способен использовать его в повседневной жизни, или того человека, который в совершенстве владеет каким-либо мертвым языком.

Целью данной статьи является анализ современного состояния осетинско-русского билингвизма, определение его влияния на культурную и социальную ситуацию, на межэтническое взаимодействие в Осетии, поскольку Осетия является билингвальным регионом.

Актуальность работы обусловлена тем, что Осетия — мультикультурная территория, где осетинский и русский являются государственными языками и оба они играют ключевую роль в процессе коммуникации. Без знания синхронных и диахронных аспектов существующего в республике билингвизма сложно строить правильную языковую политику, которая будет способствовать сохранению и развитию родного языка, оптимизировать методы обучения и поддерживать языковую диверсификацию.

Теоретический обзор

Теоретическую базу исследования составили работы зарубежных и отечественных ученых-лингвистов. Среди них имена Вильгельма Гумбольда, Фердинанда де Сосюра, Германна Пауля, Уриеля Вайнрайха, У. Верещагина Е. М., Багирова Х.З.

Поскольку целью нашего исследования является билингвизм в Осетии, нас больше интересовали работы В. И. Абаева, Т. А. Гуриева, Е. Б. Бесоловой, Д. В. Сокаевой, Л.Б.Гацаловой, Л. К. Парсиевой, Моисеенко Л. В., Усковой Т. В., Думиной Е. В., Викулина З.А., Дзодзиковой З.Б., Кульчиевой М. Б., Валиевой З. И.

Источником эмпирических данных для исследования послужили устные и письменные источники, диктофонные записи, статистический материал, литературные тексты, материалы социальных сетей, беседы.

Осетия исторически является полилингвальной территорией с богатым смешением культур, где разные языки сосуществуют на повседневном уровне. Это обстоятельство оказывает влияние на языковую среду и не может не повлечь за собой трансформацию как культуры, так и языков республики. В Осетии проживают носители более 20 различных языков и культур, но государственными языками являются осетинский и русский, поэтому изучение их взаимодействия и взаимовлияния представляет особый интерес в свете изучения синхронных и диахронных аспектов существующего билингвизма в Осетии.

Известно, что важнейшим аспектом билингвизма являются отношения между двумя языками, которыми владеет билингв. Исторически считалось, что эта связь однонаправленная, т.е. первый (родной) язык влияет на второй язык. В ситуации с Осетией сложно подтвердить данную гипотезу, так как русский язык здесь имеет более сильные позиции, чем осетинский. Скорее можно говорить об взаимовлиянии двух языков. Существует множество факторов, влияющих на взаимоотношения осетинского и русского языков: языковая политика, демографическая ситуация, коммуникативная роль родного языка и его востребованность, культура общества и семьи и так далее.

Наши небольшие исследования показывают, что в Осетии нет сбалансированного билингвизма; доминирование русского языка превалирует почти во всех сферах, что негативно сказывается на жизнеспособности осетинского языка.

Несмотря на то, что осетинский язык наравне с русским наделен статусом государственного языка, русский язык активнее используется в повседневной жизни, образовании, в госструктурах и других сферах общественной жизни. Образовательный процесс во всех учебных заведениях республики, за исключением Аланской гимназии, ведется на русском языке, а осетинский язык преподается лишь как один из предметов учебного плана, изучаемый на добровольной основе [2].

Осетинский язык, будучи единственным преемником скифо-сармато-аланского языка, является и единственным представителем индоевропей-

ской семьи языков в РФ, и сохранить его для будущих поколений его богатейшую духовную культуру — наша задача.

Несмотря на все предпринимаемые меры, осетинский язык все еще в числе языков, находящихся под угрозой исчезновения. На наш взгляд одной из причин является несбалансированный билингвизм.

Мы ни в коем случае не отрицаем важность и значимость для РСО-Алания русского языка — языка величайшей культуры и духовности. Русский язык, будучи языком многонационального общения народов России и бывшего СССР, дал возможность осетинам приобщиться к сокровищнице мировой культуры, науки и технологий; дает возможность в полной мере реализовать гражданские права в рамках всей РФ, а не только своего региона[3].

Существующий в республике билингвизм оказывает как положительное, так и отрицательное влияние и на корпус (словарный запас) осетинского языка. Посредством русского языка происходит обогащение осетинского огромным количеством новой лексики, особенно профессиональной и специальной. Возьмем примеры из русско-осетинского экологического словаря Т.Ф.Цгоева:

экологи — экология Само слово «экология», хотя оно и имеет греческое происхождение, в осетинский язык попало через русский.

ведра — ведро

айсберг -айсберг

шельф — шельф и другие.

В словарях Гуриева Т.А, Парсиевой Л.К и Гацаловой Л.Б тоже можно найти массу таких примеров: *вагонетка* — вагонетка, вентилятор — вентилятор, чек — чек, орфографион — орфографический, синтаксис — синтаксис, и т.д.

Но, к сожалению, в речи современных осетин появляется масса не обоснованных русицизмов и заимствований из русского языка. Так, к примеру, проанализировав сообщения на осетинском языке в ряде социальных сетей, мы с горечью обнаружили, что лишь малый процент респондентов использует в речи только осетинские слова. а еще меньшее число — литературный осетинский язык. Большинство исследуемых текстов практически через слово содержали используются ничем не обоснованные русские слова вместо соответствующих осетинских.

Как отмечают Дзодзикова З.Б. и Кульчиева М. Б., «... в настоящее время часть осетинской молодежи, преимущественно городской, не только не владеют активно осетинским языком, но и не понимают смысла общеупотребительных слов, в результате вся их «осетинская речь» состоит из русских слов, перестроенных на осетинский лад с использованием отдельных осетинских слов. Это одна из характеристик двуязычия в Республике Северная Осетия — Алания.» [4]

Несомненно, в условиях существующего билингвизма русский язык в процессе взаимодействия с осетинским языком тоже подвергается влиянию в определенной степени. В речи наших русскоговорящих респондентов часто встречались слова: *хæдзæр* — общественное помещение во дворах многоквартирных домов для проведения мероприятий; *уæлибæх* — пирог с сыром; *цæхæраджын* — пирог с начинкой из свекольных листьев и сыра; *куывд* — молитвенное пиршество; *хистæр* — старший, тамада и т.д.

В беседах с некоторыми осетинами на русском языке мы обратили внимание на неправомерное игнорирование вежливой формы местоимения 2 лица единственного числа — «Вы» и обращение к старшим и незнакомым людям на «ты», мотивируя это тем, что в осетинском языке нет такой формы. Считаем сей недопустимый факт примером отрицательной интерференции и относим его к недоработке учителей осетинского языка в обучении учащихся культуре речи и следованию законам языка общения.

Взаимное влияние и взаимная интерференция языков характерна для любого билингвального и мультилингвального сообщества. Но для сохранения паритета и условий для развития всех языков, участвующих в процессе необходимо соблюдение языкового баланса во всех сферах жизнедеятельности человека. К сожалению, отсутствие действенной языковой политики в РСО-А вряд ли может способствовать расцвету родного языка.

Одна из главных ролей в сохранении родного языка и сбалансированного билингвизма принадлежит образованию. Но, к сожалению, в Осетии все образование в основном ведется на русском языке. Организация образования на национальном языке — это вопрос республиканского суверенитета и руководство республики не должно это игнорировать. Справедливости ради надо отметить, что в последние годы в республике открылись

осетинская гимназия, классы и группы в детских садах с углубленным изучением родного языка [5].

Для укрепления позиций осетинского языка и равного функционирования в республике родного и осетинского языков важную роль играют и современные технологии. В социальных сетях создаются тематические сообщества и каналы, имеющие своей целью изучение, развитие и сохранение осетинского языка. По заказу Министерства образования и науки РСО-Алания разработан лингвистический контент в игровой форме для обучающей компьютерной игры на четырех языках: русском, английском, иронском, дигорском.

Благодаря государственной программе «Развитие образования РСО-Алания на 2014–2016 годы» на осетинский язык переведено более 20 советских мультфильмов. Кроме того, министерство образования и науки республики инициировало и создание мультфильма по мотивам произведения Коста Хетагурова «Кæмæн цы...» («Кому что...»).

Подводя итог, можем охарактеризовать билингвизм в РСО-Алания как несбалансированный, что, несомненно, влияет как на социальную ситуацию, так и на развитие осетинского языка. Считаем это результатом слабой языковой политики в республике. Стоит отметить, что в республике степень владения русским языком достаточно высока, гораздо выше, чем родным. Проводимые опросы показали, что уровень владения родным языком, к огромному сожалению, гораздо хуже даже, чем английским.

Список литературы

1. Вайнрах У.. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979).
2. Закаева Б. К. Сохранение родного языка — важная задача современного общества В сборнике: V Абаевские чтения. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею факультета осетинской филологии СОГУ. 2018. С. 143–148.
3. Багиროков Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты: На материале адыгейского и русского языков АВТОРЕФЕРАТ диссертации

ции на соискание учёной степени доктора филологических наук Краснодар 2005

4. Дзодзикова З.Б., Кульчиева М. Б. Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 118–120. ISSN 1997–2911.
5. Закаева Б.К., Зыгина Т.П., Джиоева В. П. Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия (осетинский опыт) *Современные научно-технические и социально-гуманитарные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник докладов III Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (24–26 мая 2021 г., Владикавказ)*. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). — Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. — С. 320–322.

УДК 8, 37

Инновационные технологии в преподавании иностранных языков

Скрыль Ирина Валентиновна

учитель иностранных языков Средней общеобразовательной школы № 1699

***Аннотация:** В статье анализируются возможности применения инновационных технологий в преподавании иностранных языков. Приводятся дидактические свойства и функции инновационных технологий образования. Рассматриваются положительные эффекты от внедрения инновационных технологий в преподавание иностранных языков. Выявляются основные инновационные технологии и стратегии обучения, которые педагогу необходимо комбинировать для достижения максимальной продуктивности образовательного процесса.*

***Abstract:** This article analyzes the possibilities of applying innovative technologies in teaching foreign languages. Didactic properties and functions of innovative educational technologies are*

given. The positive effects from the introduction of innovative technologies in teaching foreign languages are considered. The main innovative technologies and teaching strategies that a teacher needs to combine in order to maximize the productivity of the educational process are identified.

Ключевые слова: иностранные языки, образование, преподавание, инновационные технологии, обучающиеся.

Keywords: foreign languages, education, teaching, innovative technologies, learners.

В настоящее время система образования переориентируется на новые социальные запросы: обществу требуется личность, которая умеет самостоятельно и креативно решать производственные, исследовательские и общественные задачи, вырабатывать и отстаивать свою позицию и убеждения, критически мыслить, непрерывно и регулярно заниматься самообразованием, совершенствовать навыки и умения и творчески применять их для решения широкого спектра жизненных и профессиональных задач [1]. В этой связи основными приоритетами системы преподавания иностранных языков становятся индивидуальный подход, творческая деятельность, развитие активности, самоуправления и инициативы. Использование инновационных технологий в процессе обучения иностранным языкам позволяет значительно разнообразить его содержание, методы и формы, предоставить обучающимся неограниченный объём учебной информации, повысить вовлечённость и мотивацию к обучению [2]. Под инновацией в образовании понимается успешное использование новых технологий преподавания — системных методов формирования процесса обучения и усвоения знаний, учитывающих взаимодействие человеческих и материально-технических ресурсов и нацеленных на оптимизацию форм образования. Возможности инновационных технологий для повышения эффективности преподавания иностранных языков обуславливают актуальность их исследования.

Целью работы является изучение возможностей применения инновационных технологий в преподавании иностранных языков. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников.

Инновационные технологии в образовании представляют собой особый механизм, позволяющий реализовать новые способы и средства системы образования [3]. Их использование при изучении иностранного языка позволяет повысить доступность восприятия аутентичных знаний, систематизировать учебный материал, реализовать творческий подход, ускорить саморазвитие обучающихся и снять психологический барьер при обучении, выражающийся в боязни общения и совершения ошибки. Применение инновационных методов предполагает наличие цифровых компетенций у всех участников образовательного процесса, безопасное и продуктивное использование возможностей интернет-пространства и технических устройств процессе киберсоциализации.

Инновационные технологии в преподавании иностранных языков обладают такими дидактическими свойствами, как мультимедийность, интерактивность, нелинейность подачи информации, информативность и геймификация [4]. Можно выделить их следующие дидактические функции:

- активизация внимания, эмоциональной включённости и когнитивных процессов обучающихся;
- эффективное запоминание сведений благодаря визуализации и аудиализации;
- развитие мотивации к обучению;
- реализация адаптивного и инклюзивного обучения;
- реализация проблемных методов обучения;
- увеличение интенсивности обучения;
- получение быстрой обратной связи;
- использование новых интерактивных форм работы;
- организация синхронной и асинхронной коммуникации;
- реализация групповых исследовательских проектов;
- организация самооценивания и группового оценивания;
- организация исследовательских проектов;
- развитие навыков групповой работы;
- повышение информативности обучения;
- возможность модульного построения учебных курсов;
- организация учебной деятельности, предполагающей самостоятельный поиск, исследование, анализ и интерпретацию информации;

- оптимизация работы с учебными сведениями;
- построение персональных стратегий обучения.

Использование инновационных технологий в образовательном процессе позволяет представлять информацию на иностранном языке в графическом, звуковом и анимированном виде, благодаря чему обучающиеся могут усваивать язык на более высоком уровне [5]. Применение аутентичного материала и создание ситуаций реального общения способствуют отработке навыков говорения, развитию социокультурной компетенции и формированию информационной культуры обучающихся. Помимо этого, использование инновационных технологий формирует мотивационный компонент обучения, цель которого заключается в стимулировании учащихся к изучению иностранного языка через накопление и расширение опыта и знаний.

Включение инновационных технологий в образовательную среду способствует развитию у обучающихся коммуникационных навыков, которые позволяют активно применять изучаемый язык в повседневной жизни [6]. Помимо этого, у обучающихся формируются общекультурные навыки, позволяющие комфортно и продуктивно взаимодействовать с представителями иных культур, что имеет особое значение в условиях современного глобализированного общества.

Современные инновационные технологии обеспечивают передачу знаний и доступ к учебной информации быстрее и эффективнее по сравнению с традиционными средствами обучения, помогают преподавателю организовывать поиск и переработку информации, а также координировать самостоятельные исследования обучающихся, способствуя их превращению в активных участников учебного процесса, в котором акцент смещается от обучения к изучению [7]. Технологии помогают обучающимся активно применять аутентичные англоязычные источники, находить, анализировать, отбирать и систематизировать информацию, развивать языковую догадку и способствуют формированию профильной терминосистемы.

Для организации продуктивного преподавания иностранного языка педагогу важно уметь сочетать отдельные инновационные технологии и стратегии обучения [8]. При этом следует ориентироваться на реализацию лично-ориентированного подхода, технологии сотрудничества,

технологий, активизирующих самостоятельную деятельность обучающихся, проектной технологии, кейс-технологии и групповых технологий. В процесс преподавания можно включать элементы технологий развивающего обучения, развития критического мышления, партиципации, мастерских, психотерапевтических, информационно-коммуникационных, интерактивных и многомерных дидактических технологий.

Инновационные технологии позволяют перейти к партнёрскому подходу в преподавании иностранного языка, при котором между преподавателем и обучающимися устанавливаются близкие субъект-субъектные отношения [9]. При этом центром учебного процесса становится обучающийся, способный влиять на его течение, а преподаватель начинает играть роль собеседника или консультанта. Педагогика партнёрства способствует выработке у учащихся таких качеств, как креативность, инициативность, автономность и ответственность. Она способствует оптимальной организации учебной деятельности, позволяет сформировать благоприятный психологический климат на занятиях и обеспечить учебную автономию обучающихся. Вследствие этого у учащихся повышается ответственность за результаты обучения и мотивация к всестороннему личностному развитию, а также полноценно раскрывается творческий и образовательный потенциал.

Перспективным направлением применения инновационных технологий в процессе преподавания иностранных языков является микрообучение, подразумевающее наличие микроконтента, частое повторение и визуализацию материала [10]. Микрообучение способно обогатить и улучшить лингводидактику в современном образовательном пространстве, устранив многие трудности преподавания иностранных языков, такие как низкий уровень владения языком, временные ограничения, отсутствие мотивации и другие. Такой подход является значительно персонализированным, практико-ориентированным и подразумевает передачу обучающимся достаточного, но не избыточного объёма информации, что способствует её лучшему усвоению.

Таким образом, использование инновационных технологий в преподавании иностранных языков даёт возможность развивать способности обучающихся к иноязычному общению как форме межкультурного взаи-

модействия на высоком уровне, их социокультурные и коммуникативные компетенции, самостоятельную умственную деятельность, эмпатию и культурную сензитивность, а также усовершенствовать творческую самореализацию. Благодаря внедрению инновационных подходов к преподаванию иностранных языков с применением мультимедийных образовательных средств у учащихся возрастает мотивация к изучению языка, что повышает эффективность процесса обучения.

Список литературы

1. Орехин-Рыжина В.А., Убайдуллаева А. Значение эффективного внедрения инновационных технологий в обучение иностранным языкам // Учёный XXI века.— 2022.— № 5–2 (86). — С. 61–64.
2. Расулметова Ш., Абдураманова Д. В. Важность внедрения инновационных технологий в обучении чтению и письму как один из актуальных методов преподавания иностранного языка в современном мире // Academic research in educational sciences.— 2021.— № 2. — С. 332–339.
3. Березина Т. И. Использование инновационных технологий при обучении иностранному языку / Т. И. Березина, М. С. Москаленко, Е. Н. Федорова, Е. А. Яковлева // Современные проблемы науки и образования.— 2022.— № 3. — С. 72–80. — DOI: 10.17513/spno.31832.
4. Титова С. В. Цифровая методика обучения иностранным языкам: учебник для вузов / С. В. Титова. — М.: Изд-во Юрайт, 2023.— 248 с.
5. Гребенникова И.А., Черепанова А. А. Инновационные технологии в обучении иностранному языку // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема.— 2023.— № 2 (51). — С. 111–115. — DOI: 10.24412/2227–1384–2023–251–111–115.
6. Идрисова П.Г., Агамурдова Р.Ш., Абулайсова Н. А. Применение инновационных образовательных технологий в процессе преподавания иностранных языков в условиях цифровизации системы образования // Мир науки, культуры, образования.— 2021.— № 5 (90). — С. 91–94. — DOI: 10.24412/1991–5497–2021–590–91–94.
7. Романова О. Н. Инновационные технологии в преподавании иностранного языка студентам-архитекторам / О. Н. Романова, Т. Н. Аста-

- фурова, Н. А. Вишневецкая, Е. В. Суркова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета.— 2022.— № 5 (168). — С. 56–60.
8. Удоратин В. В. Инновационные стратегии и технологии иноязычного образования // Экономика и социум.— 2023.— № 8 (111). — С. 405–408. — DOI: 10.5281/zenodo.8349124 УДК 372.881.111.1.
9. Зайналова Д. А. Инновационные технологии преподавания иностранных языков // Управление образованием: теория и практика.— 2021.— № 3 (43). — С. 221–229. — DOI: 10.25726/f4023–5979–2465-у.
10. Сливная Е. М. Микрообучение как инновационная технология в преподавании иностранного языка в условиях современной реальности // Гуманитарные и социальные науки.— 2021. — Т. 89, № 6. — С. 166–171. — DOI: 10.18522/2070–1403–2021–89–6–166–171.

УДК 821.161.1

«Художественное богословие» Ф. М. Достоевского: обоснование понятия

Сычев Алексей Александрович

студент магистратуры Сретенской духовной академии

***Аннотация:** В данной статье рассматривается термин «художественное богословие» Ф. М. Достоевского, которое анализируется с позиции авторитетных научных исследователей в области достоевистики. На примере таких исследователей творчества Ф. М. Достоевского как Бачинина В.А., Касаткиной Т.А., Фуделя С.И., Котельникова В.А., мы можем увидеть раскрытие термина «художественное богословие» Ф. М. Достоевского. В их понимании этот термин характеризует религиозно-богословский контекст творчества Ф. М. Достоевского, который раскрывается для читателей произведений писателя с различных областей православного богословия. На примере работ: преп. Иустина Поповича, митр. Антония (Храповицкого), Ужанкова А.Н., Белова С., можно увидеть, как «художественное богословие» писателя раскрывается с различных сторон: библейской, святоотеческой, апологетической и пастырской.*

***Abstract:** This article examines the “artistic theology” term of F. M. Dostoevsky, which is analyzed from the perspective of authoritative academic researchers in the field of Dostoevistics.*

On the example of such researchers of F. M. Dostoevsky's work as V. A. Bachinin, T. A. Kasatkina, S. I. Fudel, and V. A. Kotelnikov, the disclosure of the "artistic theology" term of F. M. Dostoevsky is shown. In their understanding, this term characterizes the religious and theological context of F. M. Dostoevsky's work, which is revealed to readers of the writer's works from various areas of Orthodox theology. On the example of the works by Rev. Justin Popovich, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), A. N. Uzhanov, and S. Belov, one can see how the writer's "artistic theology" is revealed from biblical, holy theological, apologetic, and pastoral sides.

Ключевые слова: «художественное богословие» Ф. М. Достоевского, библейский контекст, святоотеческий контекст, апологетический контекст, пастырское богословие.

Keywords: "artistic theology" by F. M. Dostoevsky, biblical context, patristic context, apologetic context, pastoral theology.

Рассматривая религиозные идеи в творчестве Ф. М. Достоевского, можем ли мы говорить о «художественном богословии», которое раскрывается через произведения писателя? Необходимо также понять, как понимают этот термин опытные специалисты—исследователи творчества Ф. М. Достоевского. Следует показать интерес научных исследователей к «художественному богословию» писателя на примерах нескольких работ, которые с различных сторон православного богословия: библейского, святоотеческого, апологетического и пастырского богословия, раскрывают всю необычайную многогранность творчества великого русского классика.

Некоторые научные исследователи могут возразить: «Почему вы интерпретируете творчество Достоевского с той позиции с какой сам Достоевский может быть не понимал своих произведений?» Этот тезис опроверг гениальный русский филолог Лихачёв Д.С., который так выразился о многозначности художественного слова: «Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное — многозначность». Также и протоиерей Вадим Леонов в одной из лекций по курсу «Пастырские аспекты христианской антропологии» выразил такую мысль: «Когда писатель пишет свои произведения, он может даже не догадываться о том, насколько он глубинные смыслы заложил в свои произведения».

Произведения Ф. М. Достоевского глубоко пропитаны христианскими идеями. Фёдор Михайлович пережил глубочайшую личную трагедию, по-

пав на каторгу по факту совершённого формально политического преступления. Находясь в заключении, он многие года читал и изучал Священное Писание, делая различные пометки ногтём в самом тексте Евангелия и на его полях. А позже, начиная с 1860-х гг. он начал изучать святоотеческие творения. Институт русской литературы РАН, исследовал личную библиотеку великого писателя и выяснил с творениями каких святых отцов Ф. М. Достоевский был ознакомлен.

Базис религиозного мировоззрения и изучения святоотеческих творений лежит в основе творческих замыслов «послекаторжного» периода творчества писателя, но с особой силой евангельские, и даже глубже, святоотеческие смыслы, получают своё освящение через первый роман великого «пятикнижья», роман «Преступление и наказание».

Довольно ярка по содержанию мысль Бачинина В.А., которая была приведена им в работе «Теология, социология и антропология литературы. (Вокруг Достоевского)». Он говорит, что Фёдор Михайлович, не состоя в числе богословов, «открывает врата сознания для неискущённых в вопросах веры». А Т. А. Касаткина в своей работе «Богословие Достоевского» свидетельствует о том, что понятие «богословия в творчестве великого писателя» имеет место быть в научном дискурсе. Татьяна Александровна относит методологически творческие тексты Ф. М. Достоевского к платонической ветви философии, которая имеет практическую ориентированность в отличие от текстов, принадлежавших к аристотелевской ветви философии. И такая практическая ориентированность творчества Ф. М. Достоевского по словам Т. А. Касаткиной прежде всего отвечает нам на «главный христианский богословский вопрос ... о том, что такое грех». То есть Достоевский через художественный текст раскрывает христианскую антропологию о человеке. Важно понять, художественный текст — это не богословский трактат, но он настолько глубок, что выражает через художественный образ евангельские и святоотеческие истины.

Говоря о «художественном богословии Достоевского», нужно понимать, что нельзя причислить Ф. М. Достоевского в строгом смысле к ряду богословов. Например, прот. Павел Хондзинский в своей работе «Церковь не есть академия: Русское внеакадемическое богословие XIX века» анализируя «художественное богословие» великого писателя, приходит к выво-

ду, что, например в речах старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы» можно найти ересь пелагианства. На это замечание прот. Павла, отвечает прот. Максим Козлов, который говорит, что «всё-таки литература — это не богословие. От богослова мы должны требовать догматической строгости, от писателя — не вправе». И поэтому «богословия Достоевского» в строгом смысле не существует. Существует только «художественное богословие» писателя, которое читатель и исследователь творчества писателя видит, когда проводит сравнительно-композиционный анализ произведений писателя с антропологической христианской проблематикой, поднимаемой святыми отцами в своих творениях.

Творчество Ф. М. Достоевского уникально в своём роде, ибо оно по словам Бачинина В.А., соединяет теологию и художественность в одном лице. Фудель С.И. замечает: «Художественное творчество сделалось для него точно одной из форм религиозной жизни... художественность не препятствует, а способствует постижению теологической значимости идей и образов». И ведь, если посмотреть на евангельский текст — это есть прежде всего нарративный текст, в котором содержится основа всего богословия нашей Церкви.

Существует интересная работа Котельникова В.А. «Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной» в которой творчество великих русских писателей, в том числе и произведения Ф. М. Достоевского, рассматриваются как непрерывное христианское Предание. Вспоминаются и слова прот. Вадима Леонова сказанные им на одной лекции по «Пастырским аспектам христианской антропологии»: «Творчество в своих высших проявлениях есть акт соработничества Бога и человека». Интересно, что Котельников В.А. русскую классическую литературу на своих высших стадиях развития, именует «художным деланием». Данное выражение похоже на словосочетания «умное делание», которое используется в тех случаях, когда говорится о творении умной молитвы.

Разобравшись с понятием «художественное богословие» Ф. М. Достоевского, уместно теперь привести, как это «богословие» «видят» учёные и как они интерпретируют «его», раскрывая библейскую, святоотеческую, антропологическую и даже практико-пастырскую составляющую.

Одним из критериев «художественного богословия» Достоевского, может служить библейский контекст в романном мире писателя.

Говоря о библейском контексте в романе, можно привести в пример то, как Ф. М. Достоевский обозначает символику чисел в романе «Преступление и наказание». Эту тему очень глубоко раскрыл Белов С. в своей статье «Числа у Достоевского». Чисел в этом произведении множество: 3, 4, 7, 11... и все они имеют глубокий библейский смысл. Особенно интересно проиллюстрировать символику числа 11, так как она ярко показывает отношение писателя к главному герою романа «Преступление и наказание». В романе неоднократно упоминается время 11 часов дня. Например: «ровно в одиннадцать часов, Раскольников вошел ... в отделение пристава следственных дел» [5, с. 254]. Число 11 в евангельском смысле — это время покаяния. Нельзя не вспомнить притчу Спасителя о работниках в винограднике, когда последний работник пришёл в одиннадцатый час, но получил одинаковую награду с теми, кто трудился весь день. Данная символика числа, означает, что писатель хочет показать читателю, что прощение, покаяние и вход в Царство Небесное доступен даже и такому грешнику как Раскольникову, дошедшему до предела греховного падения. Это настоящий пример библейско-богословского подхода к художественному творчеству. Подобных аллюзий на Священное Писание большое множество в творчестве Ф. М. Достоевского, и они касаются не только символики чисел, но и многих других библейских аспектов.

Святоотеческий контекст романа «Преступление и наказание» ясно показал Ужанков А.Н. в своей статье «Святоотеческое «учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»». Профессор совершил реконструкцию святоотеческих взглядов на примере развития греховного поступка Раскольникова. По мысли Александра Николаевича, через художественный образ героя, раскрываются все стадии греха, принятые в святоотеческом богословии: прилог-сочетание—сложение—пленение—борьба—страсть. Например, интересно, как Ужанков А.Н. видит «сочетание» у Раскольникова. Александр Николаевич отмечает: «Как только Раскольников «вынес зародыш своей мысли от старухи», он сразу «попадает» на разговор студента и офицера в трактире, куда Раскольников зашел после посещения Алены Ивановны...его мысли оказались созвучными мыслям бывшего студента Раскольникова». И это созвучие по мысли Александра Николаевича как раз явилось «сочетанием». «Этот ни-

чтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела...». То есть мысль студента из трактира «сочеталась» с мыслью Раскольникова, и она только усилила греховный замысел главного героя.

Апологетический контекст в творчестве Ф. М. Достоевского увидел преп. Иустин (Попович), который считал Ф. М. Достоевского «своим учителем и мучителем», который увлёк его «вечными проблемами человеческого духа». В своей работе «Философия и религия Ф. М. Достоевского», сербский святой, анализируя судьбы отрицательных героев творчества Фёдора Михайловича, приходит к выводу, что «своим атеистическим умом и анархической жизнью антигерои доказывают одно: дьявол есть», и он действует в человеке как «творческая сила». То есть по мысли преподающего, дьявол показывает своё бытие через акты злых человеческих поступков. Лосский Н.О., отмечая образ Раскольникова в романе «Преступление и наказание», говорит, что « всю историю преступления главного героя, Достоевский рассказал так, как изображают зло христианские подвижники...говорящие о «приражении» дьявола, присоединяющего свою силу ко всякому темному пятну в душе человека». Но в свою очередь преп. Иустин пишет, что положительные герои, или преображение отрицательных героев, происходит в силу того, что существует Бог и его спасительная благодать преображает души падших людей и делает их христоликами. По мысли преп. Иустина, горе было бы Ф. М. Достоевскому, если бы он доказал бытие дьявола, а бытия Божьего бы не показал через своё творчество. И вот здесь вскрывается вся апология и всё исповедничество сербского святого, ведь работа преп. Иустина свидетельствовала о существовании Бога, посредством обращения к творчеству русского классика. Стоит сказать, что он писал эту книгу в самый разгар социалистического безбожного советского режима.

Повлияло творчество Ф. М. Достоевского и на «Пастырское богословие». Митр. Антоний Храповицкий написал отдельную главу в своём труде по «Пастырскому богословию» — «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского», в которой представляются стратегии возрождения человеческой души от греха к добродетели через призму творчества Ф. М. Достоевского.

Опираясь на творчество Ф. М. Достоевского, митр. Антонием было найдено три основных стратегии, полезные для пастыря Церкви:

1. Возрождение человека возможно из самой бездны греха — пастырю нужно вселять надежду пасомому в реальность преодоления всякого греха;
2. Необходима сострадательная любовь пастыря по отношению к кающемуся человеку. Именно она способна направить его на путь покаяния и добродетельного жития;
3. Пастыря необходимо пребывать в смирении и быть искреннее открытым душой по отношению к пасомому, что помогает в деле возрождения грешника на пути ко спасению.

Подводя итог, можно сказать, что термин «художественное богословие» Ф. М. Достоевского имеет место быть в научном дискурсе, так как его творчество, в особенности его «пятикнижие» реконструируется научными исследователями в библейском, святоотеческом, апологетическом ракурсе, и как было замечено, даже в развитии «Пастырского богословия».

Список литературы

1. Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 326 с.
2. Бачинин В. А. Теология, социология и антропология литературы. (Вокруг Достоевского) — К.: «ДУХ І ЛІТЕРА» (Серия «Теология»), 2012. 400 с.
3. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005.
4. Достоевский и современность. Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 года / отв. редактор С. Л. Шариков. Великий Новгород, 2016. 320 с. // Белов С. В. Числа у Достоевского. С. 36–40.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1974. Т. 6.
6. Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве / [Вступ. ст. Н. К. Симакова, пер. с серб. Л. Н. Даниленко]. СПб.: ИД «Адмиралтейство», 1998. 271 с.
7. Касаткина. Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. 416 с.

8. Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. — М.: Прогресс-Плеяда, 2002. 384 с.
9. Лихачёв Д. С. Малое собрание сочинений. «Азбука-Аттикус», 2018. 453с.
10. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк.: Издательство им. Чехова, 1953. 406 с.
11. Максим Козлов, прот. Об ограниченности и безграничности христианской литературы. [Интернет-ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/fiction/ob-ogranichennosti-i-bezgranichnosti-xristianskoj-literatury/>
12. Ужанков. А. Н. Святоотеческое «учение о прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 172–189.
13. Фудель С. И. Наследство Достоевского.— 3-е изд., исп. и доп. / Сергей Фудель; сост., вступ. ст. и коммент. Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2016. 340 с.
14. Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 480 с.

УДК 81

История переводной литературы в Туве

Силинмаа Уран-Сай Ховалыговна

магистрант Тувинского государственного университета

***Аннотация:** В статье рассматривается вопрос о переводных произведениях тувинской литературы. Проводится хронологический анализ переводных произведений тувинской литературы. Результатами исследования являются история переводных произведений тувинской литературы. Перевод является одним из актуальных вопросов о языковой картины мира. Работа позволяет узнать какие произведения были переведены на тувинский язык и роль перевода в истории языкознания.*

***Abstract:** The article deals with the issue of translated works of Tuvan literature. A chronological analysis of translated works of Tuvan literature is carried out. The results of the research are the history of translated works of Tuvan literature. Translation is one of the actual questions about the linguistic picture of the world. The work allows to know what works were translated into Tuvan language and the role of translation in the history of linguistics.*

Ключевые слова: переводные произведения, национальная литература.

Keywords: translated works, national literature.

Переводная литература сыграла большую роль не только в формировании художественной литературы, но также и в становлении норм современного тувинского языка. Исследователь тувинского языка М. В. Бавуу-Сюрюу пишет, что в советский период «переводческая деятельность была развита и поставлена на должный уровень: переводчики работали везде — в школах, Тувинском книжном издательстве, в самом Облите, редакциях газет и журналов, театре, на радио и телевидении, в судебных органах. Заимствование и калькирование слов из русского языка также находились под контролем Облита, так как переводная литература печаталась также с его разрешения. Кроме прямого лексического заимствования, из русского языка путем калькирования перенимали многие синтаксические структуры и образцы дискурса».[1, с. 4]

Переводы как важная составляющая культурной жизни тувинского общества и молодой тувинской литературы рассматриваются в статье «О переводах русской классической литературы на тувинский язык» («Классиктиг орус литератураны тыва дылче очулдуруп турары») ведущего тувинского литературоведа А. К. Калзана, вошедшей в его книгу «Жизнь и литература» («Амыдырал болгаш литература»). Здесь исследователь заявляет, что тувинские переводы явились стимулом к формированию и развитию тувинского литературного языка. В этой статье также поднимаются вопросы теоретического осмысления переводов: буквальный перевод и смысловые искажения, передача стиля и языковых особенностей переводимого текста, возможность использования опыта русской переводческой практики.

Первые тувинские переводные тексты появляются после создания национальной письменности на латинской графике в 1930 г. Они представляли собой адаптированные к тувинским реалиям небольшие тексты, опубликованные в учебниках, предназначенных для тувинских начальных школ. Эти переводы послужили основой для дальнейшего развития переводческой практики.

В период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) на тувинский язык были переведены и изданы следующие произведения русской литературы: П. Ершов «Конёк-Горбунок» (1938) переводчик Сюрюн-оол Салим Сазыгович, М. Горький «Макар Чудра» перевел Степан Сарыг-оол, (1944), И. Тургенев «Муму» (1944) и др. Также были переведены рассказы М. Пришвина, сборник стихов С. Щипачева. По мнению тувинских литературоведов А. Калзана и Д. Куулара, «первые переводы 1930-х гг. содержали значительные текстуальные отклонения от подлинника, в основном передавая идейное содержание произведений». [4, с. 2]

Художественный перевод произведений русской и многонациональной советской литературы органически вошел в национальный литературный процесс, вступив в сложное взаимодействие с родной литературой. Он взял на себя функции, которые еще не была готова выполнять национальная литература, помог сформировать новые способы отражения действительности. Посредством перевода тувинскому читателю стали доступны произведения русских классиков и (через русский язык классиков) мировой литературы. Удачно переведённые произведения становятся впоследствии достоянием родной литературы. Переводческая деятельность явилась для тувинских писателей школой мастерства, в рамках которой стало возможным появление новых в национальной литературе жанров.

В советский период многие произведения классиков тувинской художественной литературы были переведены на русский язык, например, повесть-трилогия С. К. Токи «Аратың сөзү» («Слово арата»), роман-эпопея К.-Э. К. Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный»), роман С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»), роман М. Б. Кенин-Лопсана «Херээженниң чоргааралы» («Судьба женщины») и другие. Работу по переводам тувинских произведений осуществили следующие переводчики-прозаики: А. Буртынский, М. Ганина, А. Китайник, С. Козлова, И. Принцева и переводчики-поэты: С. Гудзенко, Е. Емельянов, О. Ивинская и др. [2, с. 3]

В 2011 г. увидел свет перевод Библии — Ыдыктыг Библия (букв.: Священная Библия). По мнению Л. С. Мижит, Библия на тувинском языке — это «уникальное явление в истории и духовной культуре Тувы, демонстрирующее стремление к пониманию культуры и духовности других народов

мира» [3]. Библия издана благодаря двадцатилетнему труду сотрудников Института перевода Библии под руководством доктора Марианны Беерле-Моор и тувинской переводческой группы: Н. Куулара, Э. Мижита, М. Кужугет, Т. Кандауровой, Е. Самба, Л. Мижит. В результате этой переводческой работы тувинский язык расширил свои границы путем включения в лексический состав новых слов и выражений, обозначающих реалии, отсутствующие в национальной культуре [4, с. 3].

Итак, тувинская переводная литература и её роль рассматривались в разное время и в разной степени в литературоведческих работах. Посредством перевода тувинскому читателю стали доступны произведения русских классиков и через русский язык классиков мировой литературы. Удачно переведенные произведения становятся впоследствии достоянием родной литературы. Переводная литература сыграла большую роль не только в формировании художественной литературы, но также и в становлении норм современного тувинского языка.

Список литературы

1. Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка. Дисс. на соиск. доктора филол. наук. Новосибирск. 2018. 396 с.
2. Байыр-оол А. В. Лексика, репрезентирующая понятие «душа» в южносибирских тюркских языках / А. В. Байыр-оол, Е. В. Тюнтешева, А. А. Озонова, О. Ю. Шагдурова // Язык и культура. 2020. С. 85–106.
3. Байыр-оол А. В. Переводы русской литературы на алтайский и тувинский языки (конец XIX — начало XXI в.) / А. В. Байыр-оол, А. А. Озонова // Сибирь — Евразия. Труды I Международного научного конгресса. ГПНТБ СО РАН. 2016. С. 239–246.
4. Донгак У. А. Первые переводные произведения тувинской литературы / История тувинской литературы. Новосибирск, 2013. Том I. С. 219–224.

УДК 8

Псевдоязыки как отдельный вид вымышленных языков в художественной литературе. Описание, стратегии и приемы перевода (на материале поэмы Т. Чаттертона «История Уильяма Канинга»)

Харлинская Полина Владимировна

студентка кафедры Лингвистического образования
Института управления в экономических, экологических и социальных системах
Южного федерального университета

Колпакова Софья Сергеевна

студентка кафедры Лингвистического образования
Института управления в экономических, экологических и социальных системах
Южного федерального университета

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию явления псевдоязыка. Рассмотрены его особенности и отличия псевдоязыка от естественных, искусственных и вымышленных языков. Также подробно изучен процесс перевода с псевдоязыка на естественные языки, дан ряд эффективных стратегий для избежания ошибок при работе с текстами на псевдоязыке.*

***Abstract:** The article is devoted to the study of the phenomenon of pseudolanguage. Its peculiarities and differences of pseudolanguage from natural, artificial and fictitious languages are considered. The process of translation from pseudolanguage to natural languages is also studied in detail, and several effective strategies for avoiding errors when working with texts in pseudolanguage are given.*

***Ключевые слова:** псевдоязык, перевод, переводческие стратегии, вымышленный язык, естественный язык, искусственный язык.*

***Keywords:** pseudolanguage, translation, translation strategies, artificial language, natural language, constructed language.*

Введение

В настоящее время в художественной литературе нередко используются искусственные и вымышленные языки. Основные цели их исполь-

зования — стилизация, передача речи вымышленных персонажей, рас, народов, искусственная архаизация текста. Среди множества артлангов и конлангов (другие названия для вымышленных и искусственных языков) выделяется один особенный тип языков, который характеризуется, в первую очередь, сильной зависимостью от какого-либо естественного языка. Данный тип языка мы предлагаем называть «псевдоязыком». Исследованию этого понятия и его особенностей и посвящена эта работа.

Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, ее малоизученностью, особенно в отечественном языкознании, с другой стороны — тем, что на настоящий момент понятие «псевдоязык» не отделяется ни отечественными, ни зарубежными исследователями от понятий вымышленных и искусственных языков. Большинство авторов вообще не определяют псевдоязык как отдельное явление.

Цель работы заключается в исследовании явления псевдоязыка и процесса перевода текста на нем на естественные языки. В задачи настоящего исследования входят:

- перевод поэмы Т. Чаттертона «The Storie of William Canynge» с псевдостароанглийского языка на русский;
- изучение графических, фонетических, грамматических, лексических и синтаксических особенностей псевдостароанглийского языка, краткое описание его строя;
- формулирование рекомендаций по переводу с псевдоязыка на естественные языки в обобщенном виде;
- изучение перспективных сфер применения псевдоязыка в повседневной деятельности человека.

Проблема псевдоязыка еще не поднималась как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, а само понятие «псевдоязык» до сих пор не раскрывалось в литературных источниках. В некоторых работах (преимущественно англоязычных) приводится аналогичный термин *pseudolanguage*, однако определения этому термину не дается, а сам он рассматривается как подвид искусственных и/или вымышленных языков. Также не стоит путать данный термин с понятием «псевдоязык» в программировании и теории алгоритмов. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных лингвистов Е. Д. Андреевой, Е. Н. Мешалкиной,

О. И. Улановича, И. И. Вербиловича, С. Р. Абдыкадыровой, С. Ю. Дулова, А. Г. Шмелевой, Н. Т. Боронкиновой, В. Н. Карпухиной, О. Е. Николаевой, Ю. К. Алешко, А. И. Ефимовой, С. В. Квитковского, М. А. Анисимовой, Е. В. Халтрин-Халтуриной, А. Ч. Пиперски. Среди зарубежных исследователей выделяются работы Н. Alistair, A. Okrent.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые было исследовано явление псевдоязыка, а также рассмотрены его особенности и процесс перевода текста с псевдоязыка на естественные языки. Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем для уточнения определения псевдоязыка, изучения его особенностей и отличий от классов вымышленных и искусственных языков.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы, приведенные в исследовании, могут быть использованы для перевода «Роулианского цикла» и подобных ему произведений, написанных на псевдоязыке, уточнения существующих переводов произведений с использованием псевдоязыка. Кроме того, наработки в этой сфере могут потенциально использоваться в области криптографии, шифрования и дешифровки, а также в обучении студентов высших учебных заведений по направлениям «Перевод и переводоведение», «Филология», «Лингвистика».

Естественные, искусственные и вымышленные языки. Псевдоязык

Язык — это система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей. Естественный язык — это исторически сложившиеся в обществе звуковые (речь), а затем и графические (письмо) информационные знаковые системы. Они возникли для закрепления и передачи накопленной информации в процессе общения между людьми. Естественные языки выступают носителями многовековой культуры и неотделимы от истории народа, владеющего им. Словарь и грамматические правила естественного языка определяются практикой применения и не всегда бывают формально зафиксированы. (Дулов С.Ю., Шмелева А.Г., Боронкина Н.Т., 2017).

Искусственные языки (конланги) не несут в себе никакой культуры, они ничего не расскажут о национальных особенностях их носителей. В «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина искусственный язык описан как «знаковая система, предназначенная для использования в тех сферах общения, где применение живого или естественного языка менее эффективно или невозможно» (Дулов С.Ю., Шмелева А.Г., Боронкинова Н.Т., 2017). Первым искусственным языком стал созданный в 1887 г. Л. Л. Заменгофом язык эсперанто. Орфография эсперанто строится по принципу «один звук, одна буква». Среди других примеров можно назвать язык Джона Уилкинса (XVII в), язык *ро* Эдварда Фостера (XX в.), *логлан* Джеймса К. Брауна (XX в.) и многие другие.

Искусственные языки, будучи вербальными, выделяются исследователями как языки для интерсемиотического перевода благодаря своей искусственной природе. Их создают и используют в тех областях, где естественные языки менее эффективны или их использование нецелесообразно. Все искусственные языки имеют конкретного автора, в отличие от естественных языков. Искусственные языки захватывают лишь часть общества, они имеют в своей основе буквенный алфавит. Также говорят, что искусственный язык — это искусственная семиотическая система, созданная по принципам естественного языка и зависимая от него.

Наряду с вербальными искусственными языками существуют и невербальные — нотная грамота, дорожные знаки и другие, которые также облегчают общение представителей разных стран и народов. Лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртене определял искусственные языки как:

- языки, которые создаются путем синтеза уже существующих;
- профессиональные и тайные языки;
- языки, созданные с целью использования их как международных. (Ефимова А.И., 2019).

Подлинность искусственного языка определяют три фактора: цель, оригинальность и размер словарного запаса, причем цель является основным и самым ярким показателем. Тот факт, что искусственный язык часто создается ради самого языка, не означает, что у него нет цели. Так, целью языка эсперанто предполагается международное общение, он имеет достаточно обширный словарный запас и способность к лексической интеграции, а также

остается оригинальным языком, хоть и в значительной степени основывается на других языках. Вымышленные языки также являются искусственными, но представляют собой более узкую их разновидность. В фантастических произведениях такие языки называют артлангами или «эстетическими языками», превращая их в объект художественного любования. Самым ярким примером вымышленных языков являются языки Дж. Р. Р. Толкина — квенья и синдарин — используются эльфами и имеют соответствующую фонетику. В квенья преобладают сонорные гласные, а шипящие и свистящие отсутствуют. Развитая синонимия в квенья делает возможность переводить «внутри» языка. Например, слова «листья» соответствует лексема «lassi», а также образное и описательное «*gamag aldaron*», что переводится как «крылья деревьев». Этот язык очень похож на финский. Синдарин похож на валлийский язык благодаря системе гласных. Например, имя прилагательное в языке синдарин почти всегда находится в постпозиции после существительного, которое описывает. Часто слова в языке синдарин могут иметь одну форму и при этом использоваться и как существительное, и как прилагательное.

Таким образом, вымышленные языки представляют собой объект художественного творчества автора, который, черпая вдохновение в естественных языках, создает такой фонетический, грамматический и лексический облик своего артланга, который соответствует картине мира говорящих на нем существ.

И искусственный, и вымышленный языки имеют конкретного автора и цель создания, при этом искусственные языки призваны упростить международное общение вербально или невербально. Эсперанто, волапук, ро и другие языковые проекты должны были стать универсальным способом общения для всего человечества до того, как английский был признан международным языком в двадцатом веке.

Вымышленные языки создаются внутри произведения, для него, в то время как для искусственных языков художественная литература это одна из многих сфер применения; на них пишутся либо переводятся литературные произведения. Использование вымышленных языков характерно для произведений в жанре фэнтези или научной фантастики.

Искусственные языки создаются для международного общения, а также для тех случаев, когда естественные языки неэффективны. И вымыш-

ленные, и искусственные языки имеют конкретного автора, однако вымышленные языки более узконаправленны, что позволяет говорить о них как об одном из видов внутри класса искусственных языков.

Псевдоязык — разновидность вымышленного языка, полностью основанная на системе какого-либо конкретного естественного языка, допускающая незначительные отклонения от грамматического, синтаксического и/или фонетического строя исходного языка, а также изменение написания отдельных языковых единиц. Псевдоязык, в отличие от искусственных и «классических» вымышленных языков (язык на'ви, язык орков у Толкиена) — несамостоятельная сущность. Он полностью основан на каком-либо естественном языке. Поэтому, строго говоря, можно считать псевдоязык разновидностью естественного языка, от которого он образован. Возможен какой-то процент полностью вымышленных языковых единиц, однако он, как правило, незначителен. При этом псевдоязык имеет как сходства, так и различия с такими понятиями, как «естественный язык», «искусственный язык» и «вымышленный язык». Ведь весь строй псевдоязыка, как мы отметили выше, основан на строе какого-либо естественного языка. Псевдоязык заимствует у естественного языка его грамматические, лексические, фонетические, синтаксические и другие особенности, которые в нем затем трансформируются определенным способом (как правило, этот способ выбирается индивидуально автором произведения и/или создателем псевдоязыка). Безусловно, псевдоязык имеет ряд отличий от естественного языка: во-первых, его использование ограничено весьма узким контекстом и сферой использования. В большинстве случаев это какое-либо литературное произведение, в котором данный псевдоязык играет роль средства выражения определенных намерений автора (иными словами, используется как стилистическое средство выразительности). Псевдоязык не имеет реальных носителей, на нем никто не говорит, он не используется в реальных коммуникативных актах.

Отсутствие культурной составляющей и порождение при помощи использования материала естественных языков сближает псевдоязык с искусственными языками, именно с апостериорными и смешанными их типами, т. к. априорные искусственные языки строятся на основе логических и эмпирических классификаций понятий. Псевдоязык же строится полностью на

основе естественного языка с применением определенных преобразований, такими как изменение семантики исходных лексических единиц, изменение их фонетического состава, грамматики и т. д. Основное различие между псевдоязыком и искусственными языками заключается в отсутствии индивидуальности, самостоятельности псевдоязыка. Он полностью зависит от того естественного языка, от которого был образован. Искусственный язык может быть средством общения, в том числе международного (например, язык эсперанто); псевдоязык, как отмечалось выше, этой особенностью лишен.

Больше всего псевдоязык сближается с вымышленными языками. Так, оба типа языков используются в очень узком контексте, их сфера использования ограничена: произведение литературы, кинематографии, сериал или даже вымышленная вселенная. Оба типа языков практически не используются в реальных коммуникативных актах (за исключением случаев, когда вымышленный язык становится средством общения между фанатами какой-либо вымышленной вселенной). Однако псевдоязык — несамостоятельная сущность, он лишен индивидуальности, свойственной вымышленным языкам.

Таким образом, псевдоязык обладает сходством как с естественными, так и с искусственными и вымышленными языками. У естественных языков он заимствует структуру (строй); над ней, как и в искусственных языках, могут производиться определенные преобразования по изменению их семантических, синтаксических и прочих особенностей. Подобно вымышленным языкам, псевдоязык используется в очень узком контексте и почти не применяется в реальной коммуникации. Однако псевдоязык лишен самостоятельности, присущей искусственным и вымышленным языкам. Это доказывает, что псевдоязык — явление, отличное от всех вышеперечисленных типов языков, и нуждается в исследовании его свойств и способов перевода с него на естественные языки.

О главной особенности псевдоязыка

В предыдущем разделе мы подробно описали сходства и отличия псевдоязыка от языков естественных, искусственных и вымышленных. Однако необходимо сказать, что псевдоязык обладает еще одним важным свой-

ством, отличающим его от других видов языков: он интуитивно понятен носителям того естественного языка, на котором он основан.

Чтобы доказать наличие у псевдоязыка такого свойства, мы провели эксперимент, в ходе которого составили список из 180 слов из псевдостароанглийского, клингонского языков и языка эсперанто (в соотношении 1/1/1), а потом попросили 20 студентов кафедры лингвистического образования при ИУЭС ЮФУ (г. Таганрог) ознакомиться с данными словами и отметить, какие лексические единицы они идентифицируют со словами естественного языка (английского). Заметим, что все участники исследования владеют английским языком на достаточно высоком уровне. Результаты проведенного нами исследования указаны в таблице ниже.

Язык	Количество узнанных слов (в среднем)*	Процент узнаваемости (%)**
псевдостароанглийский	~27	45
клингонский	~4	7
эсперанто	~7	18

* Рассчитывается как среднее арифметическое всех узнанных слов от общего количества для каждого участника.

** Процент узнаваемости — показатель, устанавливающий общее количество слов, которые участники идентифицируют со словами какого-либо естественного языка. Выражается в процентах и рассчитывается как сумма всех слов, узнанных всеми участниками эксперимента, от общего количества в каждом блоке.

В ходе данного эксперимента выяснилось, что самый высокий процент узнаваемости имеют слова из псевдостароанглийского языка (45%), т. е. участники эксперимента идентифицируют со словами естественного языка практически каждое второе слово из псевдоязыка. В случае с эсперанто процент узнаваемости гораздо ниже (18%); участники эксперимента узнавали слова, только если они совпадали с лексическими единицами из интернациональной лексики (*germanismo*, *alcoholismo* и проч.). Самый низкий процент узнаваемости имеют слова из вымышленного языка — клингонского (язык гуманоидов из вселенной медиафраншизы «Звездный путь»): около 7%. В среднем количество слов, узнанных участниками, со-

ставляет 27 единиц для псевдостароанглийского, 4 единицы для клингонского и 11 единиц для языка эсперанто. Каждый участник эксперимента опознал какое-то количество слов из естественного языка, в отличие от клингонского и эсперанто, в которых некоторые участники не опознали ни одного слова (т. е. опознано 0 слов из 60 предложенных).

На основании полученных в ходе эксперимента данных можно сделать выводы о том, что псевдоязык обладает большей степенью интуитивной узнаваемости, чем искусственный и вымышленный языки. Вымышленный язык, в свою очередь, обладает наименьшей степенью интуитивной узнаваемости.

Псевдостароанглийский язык Т. Чаттертона и его особенности

Псевдостароанглийский язык основан на английском языке периода 18 века, а также частично на среднеанглийском и старофранцузском языках. Представляет собой подражание среднеанглийскому языку. Основные механизмы словообразования — введение архаизмов и историзмов, архаизация английских слов, их написания и/или значения, использование инверсии (синтаксис), незначительный процент неологизмов, эрратизация, метафоричность.

Некоторые особенности псевдостароанглийского языка

1. Графические особенности:

- прибавление к словам дополнительной конечной *e* (как правило, не читается) — *doe, sheene, dresse, greete, selfe*;
- удвоение конечной согласной — *fromm, orr, itt, scarlette, noblenesse*;
- замена корневой гласной *i* на *y* — *ynn, hayre, lyghte, asyde, chylde*;
- замена конечной *y* на буквосочетание *ie* — *laie, troulie, everie, journie*;
- у глаголов и некоторых существительных, а также герундия — замена буквосочетания *ing* на *ethe, eung* или *eunge* — *bringethe, wand-eunge, waulkeyng, thynkeynge, appereyunge*;
- усечение слов, постановка апострофа — *'gan, tyr'd, lyv'd, kenn'd, o'er*;

- замена корневого сочетания ea на e/ee, часто в сочетании с прибавлением к словам дополнительной конечной e — anete, streeme, dreeme, erthe, stede;
- в формах родительного падежа (genitive case) замена 's на буквосочетания is, es — worldis, hevenis, wordes, angelles;
- периодически отмечается замена удвоенной согласной на такую же одиночную — blosom;
- замена буквосочетаний иными, которые читаются аналогично исходным или с незначительными изменениями — bewtie, Bristowe, rauncters, carvellers, sayncte;
- периодически отмечается замена корневого гласного u на e — rep-pled, sommer;
- замена буквосочетания th на d — broder, fader, togeder;
- оглушение согласных на конце слов — ent, dreste up;
- в одном случае отмечено употребление архаичной буквы Æ (Ælle).

Примечание. Нередко вышеперечисленные явления комбинируются между собой.

2. Лексические особенности:

- многие слова аналогичны английским, отличаются лишь «архаичным» написанием — lyghte, viewe, thynke, farr;
- использование архаизмов, историзмов (иногда с измененным значением) — damoiselle, whylst, thou, thee, chauntrie, bighes;
- образование неологизмов на основе английских, старофранцузских и скандинавских корней — semblate, sweltrie, eldermenne, menne, sendaument.

3. Особенности грамматики и синтаксиса:

- незначительные нарушения грамматического строя исходного языка (had wrott down вместо written);
- широкое использование инверсии и усилительных частиц (dyd goe).

Указанные особенности псевдостароанглийского языка (и в целом специфика такого явления, как псевдоязык), существенно затрудняют процесс перевода. В следующем разделе будут подробно рассмотрены стратегии и способы перевода с псевдоязыка в обобщенном виде.

Стратегии перевода с псевдоязыка на естественные языки

При работе с текстом, созданным полностью или частично на основе псевдоязыка, переводчик должен придерживаться следующих правил:

- установить, на каком естественном языке основан данный псевдоязык; например, в нашем случае псевдоязык основан на английском языке;
- затем восстановить исходный текст на псевдоязыке до текста на том языке, на котором он основан;
- выполнить перевод с данного естественного языка на другой естественный язык перевода.

Заметим, что при переводе с псевдоязыка затруднена передача его фонетических и некоторых графических особенностей. Обычно указанные особенности в переводе передаются с помощью введения дополнительных лексических средств, например, архаизмов, историзмов, синтаксических — инверсии и т. д. При наличии в тексте на псевдоязыке вымышленных языковых единиц переводчику необходимо либо заменить их искусственными языковыми единицами на языке перевода, либо подменить их на нейтральные языковые единицы, максимально близкие по значению исходным. Применение последнего способа возможно только в том случае, если семантику искусственных лексических единиц удалось установить с помощью анализа, или если автор исходного текста указал значение данных лексических единиц в приложении, сносках или специальном словаре. В нашем случае к произведению («Роулианский цикл» Т. Чаттертона) был приложен словарь, составленный исследователями творчества Т. Чаттертона. Однако значение некоторых языковых единиц точно установить все равно не удалось. Так, не расшифровано и точно неясно значение лексической единицы *bercie*:

Engarlanded with crowns of osier weeds

And water-flags of alders of a bercie scent...

В переводе это слово опущено, так как неясна его семантика и, следовательно, роль в предложении:

Но в окружении печальных ив

И бледных зарослях ольшаника душистых...

В переводе на русский язык передана лишь сема «душистый» без уточнения, что именно это был за запах, хотя данный компонент, безусловно, присутствовал в тексте оригинала. Следует отметить, что опущение лексической единицы — не единственный способ передачи в переводе вымышленных языковых единиц псевдоязыка. Переводчик также может приблизительно передать семантику данной единицы, опираясь преимущественно на контекст. Таким образом, при переводе текста, созданном на псевдоязыке, переводчику необходимо фактически выполнить двойной перевод: с псевдоязыка на исходный естественный язык и с исходного естественного языка на естественный язык перевода. При наличии вымышленных языковых единиц необходимо попытаться установить их семантику, пользуясь контекстом и аналогами этой языковой единицы в естественном языке, на котором основан конкретный псевдоязык. Если семантику установить невозможно, нужно либо опустить данную лексическую единицу, либо передать ее с помощью введения иной языковой единицы, максимально близкой по значению к исходной.

Применение псевдоязыка

Помимо уже упомянутого нами «Роулианского цикла» Т. Чаттертона, псевдоязык используется во многих художественных произведениях, где он служит преимущественно для стилизации и в качестве особого средства выразительности. Например, в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» используется язык надсат, на котором говорят подростки — герои романа. Сам надсат служит в данном произведении отдельным средством художественной выразительности, отражая воззрения подростков и их образ жизни. Псевдоязык надсат основан сразу на нескольких естественных языках: русском (*ptitsa птица*, в надсате — *женщина*, *plesk плеск*, *radosty радость*, *skorru быстрый*, *sovuet совет*), французском (*vaysay туалет*, *tass* от франц. *tasse* — *чашка*), немецком (*shlaga клуб*, *Staja название государственной тюрьмы*), английском, особенно диалекте кокни (*rozzer бритва*, *timpani тимпан*, *fag уставший*, *flip дикий*), арабском (*yahoodies евреи*). Использование псевдоязыка вызвало немало проблем в процессе перевода романа. Сейчас существует 2 основных варианта перевода «Заводного апельсина»,

и оба из них содержат достаточно оригинальные переводческие решения. В варианте перевода В. Бошняка слова из надсата набраны латиницей, что значительно выделяет их среди слов на английском языке. Этот вариант стал более популярным, чем вариант Е. Синельщикова, в котором те же самые слова из надсата переведены на английский язык и даны в тексте кириллицей (мэн, тайпрайтер, фейс, мани и прочие). Стоит отметить, что оба переводческих решения представляются нам довольно спорными, и преждевременно говорить о превосходстве первого варианта над вторым, так как и в том, и в другом случае имеются свои сложности для восприятия текста и его понимания.

Широко известно и другое произведение, в котором используется псевдоязык — это роман Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»), в первой главе которого приводится стихотворение «Бармаглот», частично написанное на псевдоязыке (основан он на английском языке). Существует около 50 различных переводов этого стихотворения на русский язык. Среди самых известных вариантов можно назвать версии Д. Орловской, А. Щербаковой и Т. Щепниковой-Куперник. Использованный в стихотворении «Бармаглот» псевдоязык служит оригинальным средством передачи чувств и мыслей при помощи звукоподражаний (граахнул, хрюкотали, злопастный), причем значение слов, как и в поэмах Т. Чаттертона, угадывается по контексту и фонетическому составу данных лексических единиц. Некоторые из них образованы путем контаминации (сращения) нескольких слов в одно, некоторые — полностью вымышленные, однако об их семантике догадаться несложно. Стоит отметить, что несмотря на большое количество вариантов перевода, всех их объединяет относительная общность переводческих решений: практически все переводчики, работавшие над «Бармаглотом», использовали приемы создания единиц псевдоязыка звукоподражательного характера.

Еще одним примером использования псевдоязыка как выразительного средства при передаче иной (часто сказочной) реальности может служить произведение Нила Геймана «Задверье» (в других переводах «Никогда»). Используемый в нем псевдоязык основан на английском, часто новые лексические единицы создаются с помощью приемов аффиксации, сращения, блендинга (*underworld*, *upworld*, *rat-speaker*, *clan grey*, *Ruislip* и т.

д.). В этом случае псевдоязык выступает в качестве средства общения обитателей Нижнего Лондона, а также для разделения двух измерений — реалистического и сказочного. Псевдоязык часто используется в художественной литературе для различных целей: отражения взглядов и воззрений героев, создание особого (сказочного, потустороннего) измерения, в качестве средства выразительности, передачи чувств лирического героя и т. д. В «Роулианском цикле» псевдоязык введен с целью художественной стилизации, архаизации текста на английском языке, придания ему некоторого условного сходства с историческими поэмами XV века.

Подводя итог, можно сказать, что псевдоязык активно используется в художественной литературе в следующих целях:

- отражение воззрений и убеждений героев, их социальной идентификации;
- создание специальной атмосферы (особенно в произведениях с элементами абсурда и черного юмора);
- разграничение реалистического и сказочного измерений;
- стилизация (архаизация) языка художественного произведения.

Заключение

В ходе данного исследования был изучен псевдостароанглийский язык, на котором написана поэма Т. Чаттертона «История Уильяма Канинга» как частный случай псевдоязыка. Исследован сам псевдоязык как явление в сравнении с естественными, искусственными и вымышленными языками.

Были выявлены характерные черты псевдоязыка, а именно: его полная зависимость от того естественного языка, на котором он основан, узкий контекст его использования и интуитивная понятность для носителей данного естественного языка. Подробно изучен псевдостароанглийский язык, на котором написана поэма Т. Чаттертона «История Уильяма Канинга», его графические, фонетические, лексические и синтаксические особенности. Предложены стратегии по переводу с псевдоязыка на другой естественный язык. Наконец, выделены основные функции использования псевдоязыка в произведениях художественной литературы.

Перспективным представляется дальнейшее изучение псевдоязыка для совершенствования стратегий перевода с него, а также для уточнения существующих переводов текстов, где используется псевдоязык, и выполнения новых.

Список литературы

1. Basic literary translation: учебное пособие / Е. Д. Андреева; Оренбургский гос. ун-т.— 2-е издание, переработанное и дополненное. — Оренбург: ОГУ, 2016.— 209 с. [Электронный ресурс] URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/13166/1/32842_20170112.pdf (Дата обращения: 04.01.2023 г.).
2. Okrent A. In the land of invented languages: Esperanto rock stars, Klingon poets, Loglan lovers, and the mad dreamers who tried to build a perfect language // Spiegel & Grau.— 2009. — p. 200–274 (Дата обращения: 27.11.2023 г.).
3. Анисимова М. А. Идейное и художественное своеобразие псевдосредневековой мистификации: «Поэмы Роули» Томаса Чаттертона. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 10 (2016). — С. 42–48. [Электронный ресурс] URL: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/18453/3/42–48.pdf> (Дата обращения: 02.08.2023 г.).
4. Гуманитарные технологии в образовании и социосфере: сборник научных статей / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2017.— 259 с. [Электронный ресурс] URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/184897/1/Уланович%20Вербилович%20205–215.pdf> (Дата обращения: 24.03.2023 г.).
5. Интерсемиотический перевод в аспекте вымышленных языков. Современные исследования социальных проблем 2021 Том 13, № 1. — С. 168–177. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intersemioticheskiy-perevod-v-aspekte-vumyshlennyh-yazykov> (Дата обращения: 15.04.2023 г.).
6. Майорова Е. В. Искусственные языки в художественной литературе, кино и видеоиграх. (Обзор). — С. 164–180. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennye-yazyki-v-hudozhestvennoy-literature-kino-i-videoigrah> (Дата обращения: 18.05.2023 г.).

7. Пиперски А. Ч. Конструирование языков от эсперанто до дотракийского / под ред. И. МаксUTOва. — М: Изд-во Альпина нон-фикшн, 2017.— 224 с. (Дата обращения: 26.11.2023 г.).
8. Практика машинного перевода и искусственные языки в области перевода. Успехи в химии и химической технологии. ТОМ XXXI. 2017. № 14. — С. 62–64. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-mashinnogo-perevoda-i-iskusstvennye-yazyki-v-oblasti-perevoda> (Дата обращения: 05.04.2023 г.).
9. Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации [Электронный ресурс] / Выдавецтва «Навуковы свет», Научно-издательский центр «Мир науки». — Электрон. текст. данн. (2,15 Мб.). — Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2019. — С. 74–80. [Электронный ресурс] URL: http://science-peace.ru/files/SNAVDI_2019.pdf (Дата обращения: 23.07.2023 г.).
10. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе: на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX вв.: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Мешалкина Евгения Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. — Москва, 2008.— 205 с.: ил. РГБ ОД, 61 09–10/94 [Электронный ресурс] <https://av.disus.ru/dissertatciya/1019871-1-strategii-istoricheskoy-stilizacii-hudozhestvennom-perevode-na-materiale-angloyazichnoy-hudozhestvennoy-literaturi-xviii-xx-vv.php> (Дата обращения: 12.03.2023 г.).

УДК 82

Особенности драматургии А. П. Чехова и её влияние на развитие театра

У Хунбо

студент Южного федерального университета

Аннотация: В статье раскрываются ключевые особенности водевилей и драматических пьес Антона Чехова, описываются новаторские приёмы, которые писатель при-

внёс в театр рубежа XIX — XX веков; даётся взгляд на причины непреходящей актуальности пьес Чехова в мировой драматургии.

Abstract: *The article reveals the key features of Anton Chekhov's vaudeville and dramatic plays, describes the innovative methods that the writer brought to the theater on the turn of the 19th — 20th centuries, and gives a look at the reasons for the enduring relevance of Chekhov's plays in the world dramatic theory.*

Ключевые слова: *Антон Чехов, драматургия, литературоведение, русская литература, современный театр, театральная пьеса, чеховедение.*

Keywords: *Anton Chekhov, drama, theory of literature, Russian literature, modern theater, theater play, studying of Chekhov's heritage.*

Основатель психологического театра и «новой драмы»: Антон Чехов, наряду с великими драматургами рубежа веков — Бернардом Шоу, Теннесси Уильямсом, Августом Стриндбергом — за последние полтора столетия ни на каплю не потерял известности и востребованности. Пьесы Чехова вызывали оглушительный успех ещё при его жизни; но и сейчас практически любой театр имеет в репертуаре свою вариацию «Чайки» или «Вишнёвого сада» — в каноническом виде или в современной интерпретации. В этой статье мы попробуем разобраться, в чём причина универсальности чеховских сюжетов и неугасаемой популярности его пьес, и что же такого нового он привнёс в театральное искусство.

Первые опыты Чехова в драматургии — небольшие водевили: любовные пьески в один акт, не предполагающие особой смысловой нагрузки. Здесь впервые появляется фирменный чеховский персонаж: мещанин, человек среднего класса, который заботится лишь преумножением своего хозяйства и однообразным, но комфортабельным бытом [1].

Чеховский подход к созданию сюжета отвергал ранее признанную аксиоматическую структуру пьес, в которых существовали ярко выраженные антагонисты и протагонисты, а действие разворачивалось по традиционной экспоненте «завязка — развитие — кульминация — развязка». У Чехова пропадает очевидная коннотация образов героев: они — обычные, даже скучные люди с плюсами и минусами, которых не нужно оценивать в аспекте «хороший — плохой»; за ними нужно лишь наблюдать, рассматри-

вая знакомые из реальной жизни типажи [2]. Персонажи чеховских пьес висают между прошлым и будущим: они скучают и стареют, обсуждают быт и не желают ничего менять, хоть и мечтают о жизненном прорыве, которому не суждено произойти.

Сюжет децентрализован и как будто стоит на месте; единого главного героя нет; вместо этого — несколько развивающихся линий и взаимодействий. Типична т.н. композиция обрамления: сюжет развивается по кругу и возвращается в начальную точку. Такой подход изначально критиковали современники: это полностью нарушало классические принципы постановки, где персонажем обязательно должна была быть выдающаяся личность с ярким характером, а сюжет имел очевидную динамику.

Критики-современники Чехова порой называли его сюжеты скучными, чересчур насыщенными бытовыми мелочами, а героев — плоскими и недоработанными. Сам же автор настаивал на своём: его персонажи полностью соответствовали времени, в котором они жили. Рубеж веков в империи — эпоха, мало насыщенная событиями, но полная ожиданий изменений и веры в грядущее светлое будущее и счастье: нужно только немного подождать. Старая жизнь уходила, новая пока не могла наступить; политический застой и отсутствие каких-либо социальных происшествий выводили на первый план единственную возможную драму — личную; центром внимания становился повседневный конфликт.

Чем в таком случае примечательна чеховская драматургия? Немирович-Данченко назвал этот феномен «подводным течением»: за бытовыми репликами персонажей, казационными ремарками скрывается более глубокий подтекст; под толщей пресных, фальшивых, полумёртвых диалогов проглядывается более мощный посыл, ведущая, солирующая тема — это и превращает примитивную сценку в глубокую психологическую драму, а разрозненные, бессмысленные фразы и паузы — в симфонию [3].

Почему пьесы Чехова не потеряли остроты и актуальности за полтора столетия? Темы, которые он предлагает к обсуждению, вечны: это поиск своего предназначения, желание найти место в мире и вера в то, что лучшее ещё впереди — стоит лишь немного подождать; это противопоставление вульгарного мещанства рефлексирующей интеллигенции,

но противопоставление малоконфликтное — и те, и другие продолжают сосуществовать в общем поле и заняты скорее личными переживаниями внутри себя.

Несмотря на присутствующий в режиссёрской среде дискурс об устаревании и «избитости» чеховских сюжетов, театр явно не может отказаться от их использования: его постановки переигрываются вновь и вновь, становятся холстом для новых интерпретаций и дают источник вдохновения новым театральным жанрам от иммерсивного театра до театра абсурда [4]. Эпоха постмодернизма заново запустила процесс переосмысления и переработки чеховских работ, которые остаются настоящей кладёзью идей, конфликтов и персонажей.

Список литературы

1. Зингерман Б. И. Очерки истории драмы XX века. М., 1979.
2. Скафтымов А. П. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова. Саратов, 1948.
3. Немирович-Данченко В. И. Статьи. Речи. Беседы. Письма. М.: Искусство, 1952.
4. Гаврилова Н.В. — Эссе Д. Фридмана или о пьесах А. П. Чехова в современном театре // *Litera.* — 2018. — № 3.

УДК 82

Приёмы создания комического эффекта в произведениях А. П. Чехова

У Хунбо

студент Южного федерального университета

Аннотация: Статья посвящена разнообразным языковым приёмам, которые использовал А. П. Чехов для достижения комического эффекта в своих рассказах. На примере произведения «Перед свадьбой» 1880 года был проведён анализ выразительных средств, которые применил автор.

Abstract: *The article is devoted to various linguistic techniques used by A. P. Chekhov to achieve a comic effect in his stories. On the example of the work “Before the Wedding” of 1880 the author analyzed the expressive means used by the author.*

Ключевые слова: *А. П. Чехов, выразительные средства, стилистические фигуры, тропы, комедия, метафора, антитеза, стилизация.*

Keywords: *Anton Chekhov, expressive means, literature techniques, stylistic devices, figurative language, tropes, comedy, metaphor, antithesis, stylization.*

Антон Павлович Чехов знаменит в мире искусства как мастер коротких рассказов в трагикомическом жанре. Его произведения высокореалистичны: они представляют собой довольно точные, почти документальные зарисовки действительности, которые, тем не менее, легко и смешно читать, а драматурги всего мира уже более столетия используют его персонажей и сюжеты как источник вдохновения и создания новых произведений. Попробуем разобрать чеховский язык и выявить, какие приёмы он использует для создания своего фирменного, насыщенного иронией, текста.

Пожалуй, главное, чем отличаются произведения писателя от более ранних юмористических рассказов, например, Гоголя, Салтыкова-Щедрина или Пушкина, — он не гиперболизирует комизм происходящего в сюжете, а напротив — уходит в некоторый аскетизм, предлагая читателю самостоятельно вообразить происходящее, не мешая ему лишними описательными подробностями и собственным мнением. Чеховские типажи узнаваемы и близки, их «грешность» и посылы их поступков знакомы каждому [1]. При этом, описывая их, писатель не уходит в злую сатиру или гротескное высмеивание: он будто показывает происходящее со стороны, внимательно и точно иллюстрируя бытовую повседневность и не приукрашивая её. Как считал сам Чехов, самая яркая человеческая драма или комедия — не на сцене, а в жизни, стоит лишь внимательно наблюдать и слушать.

Почти во всех текстах Чехова, как в художественной прозе, так и в переписке, присутствует ирония — его фирменный стиль и способ описания действительности. Форма его иронии меняется с развитием и усложнением его прозы, с его ростом как писателя. В ранних чеховских расска-

зах ирония прямолинейна и легко считываема, впоследствии становится более скрытой, ювелирной, уходит в подтекст [2]. Комическое в чеховских текстах проявляется на разных уровнях: стилистическом, семантическом, морфологическом.

Приёмы, которыми пользуется Чехов, многообразны. Это, в первую очередь, лексико-фразеологические средства, различные фигуры и тропы: метафоры, градации, силлепсы, антитезы, хиазмы, гиперболы и т.д.), а также композиционные приёмы, противопоставления образов героев, особенности их лексики [3]. На примере рассказа «Перед свадьбой» (1880) попробуем проанализировать, как автор добавляет бытовому сюжету черты сюрреалистичной трагикомедии.

По сюжету молодая девушка собирается выйти замуж. Фамилия у неё говорящая: Подзатылкина. По тексту становится понятно, почему: своего мнения девушка не имеет, ни будущий муж, ни семейство не дают ей сказать ни слова, а только шпыняют и поучают, тогда как девица реагирует на пространные и эмоциональные монологи в её сторону флегматичным молчанием.

Автор даёт красноречивое описание помолвки, из которого ясно, что она прошла «как принято у людей»: с большим количеством алкоголя, с высокопарными тостами (брат-гимназист заговорил на латыни), с родительскими слезами и лобызаниями жениха и невесты (целовались «охотно»). Яркий, но тем не менее пошло-тривиальный эпизод — друг невесты Ванька Самохвалов в самый неподходящий момент ударяется в «страшный трагизм» и заявляет Я любил и люблю её!» (апострофа), чем доставляет «удовольствие девицам». Здесь и гипербола («страшный трагизм»), и ирония — никакого продолжения эта история не несёт, невеста с женихом продолжают «охотно» целоваться, довольны только ахнувшие подружки, ставшие свидетельницами такого бульварно-романтического поворота. Сквозь всё описание праздника сквозит ощущение пошлости и банальщины, несмотря на торжественность мероприятия. Вот и Чехов описывает помолвку в три предложения, чем ещё раз подчёркивает обыденность момента.

Далее следуют весьма сочные описания невесты и жениха. В них сразу видны противопоставления («девица» и «господин»), но в целом видно,

что они весьма похожи. Девица глупа (парономазия «замечательна тем, что ничем не замечательна»), внешности неказистой (обезличенные характеристики «нос папашин, подбородок мамашин, глаза кошачьи», музицирует без нот — то есть не училась нотной грамоте, а поигрывает для развлечения. Классический пример типичного чеховского героя — мещанской дочки: обычная девочка из небогатой семьи, малообразованная, но при этом мечтающая о красивом муже как во французских поэмах («имя Роланд»). Для комического эффекта Чехов нарочито использует просторечную «мещанскую» лексику, говоря о девушке (бюстик, играть на фортепьяне, папаша и мамаша).

Будущий муж такой же шаблонный: невысокий чин, служит «где-то», получает жалованье «тщедушное», не богат, «когда говорит — брызжет» — не слушает чужого мнения, перебивает, «франтит» — узнаваемый типаж малообразованного, самоуверенного, но ленивого нарцисса. Разница между женихом и невестой невелика, и оба они кажутся крайне несимпатичными: автор сознательно описывает их с использованием просторечной лексики и подчёркивает невысокий уровень образования и неоправданную амбициозность.

Кульминация текста — вовсе не свадьба, а поучения матери и отца. Они также противопоставлены друг другу, и это воспринимается как некий прогноз будущего замужества дочери. Мать начинает с нравоучений, параллельно жалуясь на самочувствие («голова болит ужась») и скатывается в явные оскорбления собственного мужа и жалобы на семейную жизнь. Здесь заметен символизм (муж подсовывает ей ради шутки «уксус с маслом» вместо вина — явный символ несладкой супружеской жизни). Чехов представляет материнскую нотацию в виде длинного, эмоционального монолога без разделений на абзацы: возникает ощущение, что женщина просто истерически визжит и брызжит. Здесь много просторечной и оскорбительной лексики («и он таковский, и ты таковская», «тютюлярный советник», эпитеты «пьяная образина», «слюнявый»), риторических вопросов как будто бы с заламыванием рук («Любовь? Какая любовь?»), а заканчивается гротескными воплями «изверги царя человеческого!».

Отец также не говорит ничего положительного ни про брак, ни про собственную жену: «мать твоя двулично-вольнодумствующая, жеман-

ствующая». Его лексика экспрессивная, высокопарная («презентабельные преферансы», «европейская цивилизация породила оппозицию», «малодушная психиатрия»), но используемая не к месту, что придаёт дополнительную комичности.

В развязке девица Подзатылкина выслушивает монолог и жениха: сначала он развязно признаётся ей в любви (анафора «чувствую такие чувства, каких вы не чувствовали»), после чего просит разрешения «чмокнуть». Контраст в уровнях лексики вызывает комический эффект: чувствуется, что жених старается казаться умнее, чем он есть, но получается у него крайне нелепо. Выполнив этот обязательный романтический ритуал, он переходит к делу и начинает высказывать невесте про её родителей без грамма уважения: «они меня надули», «разве это не свинство», «их лица невежественные».

В создании этого иронического рассказа Чехов, прежде всего, разделяет авторскую речь и описание персонажей в первой части, и их собственные речи. Хотя и процесс помолвки, и образы жениха с невестой он описывает, используя свойственную им лексику, у читателя возникает ощущение разграничения автора и героев, создаётся впечатление, будто автор насмехается над их ограниченностью и склочностью. Для эффекта комичности он использует разные уровни лексики от высокой до просторечной и грубой в одном и том же предложении, подчёркивая необразованность героев и их желание казаться умнее, чем они есть на самом деле.

Список литературы

1. Балухатый С. Д. Чехов — драматург. Л., 1936.
2. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., Наука, 1971.
3. Маркисова К. В. Средства создания комического в произведениях Чехова // Форум молодых учёных. 2020. № 5 (45).

УДК 821.161.1

Мастер и Маргарита: разговор на Патриарших прудах

Денисов Алексей Андреевич

студент факультета Журналистики
Московского университета имени А. С. Грибоедова.

Аннотация: В этой статье представлен анализ ключевой сцены из знаменитого произведения Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – разговора на Патриарших прудах. Автор статьи исследует глубокий смысл и многослойность этой эпизодической сцены, выявляя ее роль в контексте всего романа. Особое внимание уделяется анализу символизма и образов, использованных Булгаковым для передачи идей и концепций. Статья также исследует взаимодействие и диалог между главными персонажами – Воландом, Берлиозом и Бездомным, раскрывая их философские и идеологические позиции. Помимо этого, автор обращает внимание на социально-исторический контекст, в котором происходит действие, и его влияние на развитие сюжета и характеров персонажей.

Abstract: This paper presents an analysis of a key scene from Mikhail Bulgakov's famous work "The Master and Margarita" – a conversation on Patriarch's Ponds. The author explores the deep meaning and multilayered nature of this episodic scene, revealing its role in the context of the entire novel. Special attention is paid to analyzing the symbolism and imagery used by Bulgakov to convey ideas and concepts. The article also explores the interaction and dialog between the main characters – Woland, Berlioz and Bezdomny, revealing their philosophical and ideological positions. In addition, the author pays attention to the socio-historical context in which the action takes place and its influence on the development of the plot and characters.

Ключевые слова: сцена, персонаж, беседа, разговор, роман, роман «Мастер и Маргарита», любовь, действие.

Keywords: scene, character, conversation, conversation, novel, novel "The Master and Margarita", love, action.

Мастер и Маргарита — самая известная и мистическая работа Михаила Афанасьевича Булгакова, работа над которой велась писателем с 1928 года по 1940 год до самой смерти литератора. Культовый роман о вечном сопротивлении добра и зла, человека и власти, света и тьмы, а главное о сильном

чувстве любви. Его действие начинается с Патриарших прудов в Москве следующим образом: «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина» [1, с.302].

Ныне Патриаршие пруды- это район Москвы, место желанной недвижимости и скопления столичной молодежи в самых модных кафе и ресторанах города. Но не только этим известно это место. С XX века Патриаршие пруды ассоциируются с Михаилом Булгаковым и его мировым романом «Мастер и Маргарита» и называются главным символом булгаковской Москвы: именно там располагалась «нехорошая квартира» писателя, по роману скамейка, на которой сидел Воланд у водоема, и «отрезанная голова» Берлиоза.

Именно здесь встретились молодой поэт Бездомный Иван, Михаил Берлиоз, председатель «МАССОЛИТа», крупнейшей литературной ассоциацией, и Воланд в рамках первой главы романа «Никогда не разговаривайте с неизвестными».

Таким правилом как раз пренебрегли Михаил Берлиоз и пролетарский поэт Иван Бездомный в самом начале романа.

Их беседа ведется около пруда в конце аллеи на закате, когда темнота сменяет свет. Сначала на всей аллее нет ни души, кругом спокойно и тихо, однако Берлиоза начинает мучить дикий страх и беспокойство. Время спустя перед его глазами возникает образ незнакомого гражданина в костюме. Он свое видение игнорирует и продолжает далее ругать Бездомного за его антирелигиозную поэму. Его не устраивает очерченный поэтом образ Иисуса и описание в поэме того факта, что Иисус вообще будто когда-то существовал - председатель «МАССОЛИТа» был радикальным атеистом [2, с.509].

В это время в аллее появляется странной наружности человек, собеседники принимают его за «иностранца», на деле же это был Воланд, сатана. «Иностранец» садится рядом с ними на соседнюю скамейку и признается, что слышал отрывок их разговора, уточняя: «Простите за мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в Бога?». Булгаков сразу определяет различие собеседников в восприятии появившегося перед ними: «на поэта иностранец... произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть...

заинтересовал...». Поэт и председатель на заданный незнакомцем вопрос подтверждают, что они атеисты. Воланд на это благодарит их и радуется, но моментально меняет свое настроение на обозленное. Для него отраднo, что его собеседники не верят в Бога, в свет и добро. Однако из этого следует, что они и не верят в сатану, в тьму и зло. Ему это не понравилось. Обозлившись, Воланд показывает свои темные силы, предсказывая собеседникам скорое будущее: для Берлиоза неминуемую близкую смерть и для Бездомного несчастную оставшуюся жизнь в психиатрической больнице. Свое предсказание он закончил словами «Имейте в виду, что Иисус существовал» и рассказом истории о Понтии Пилате [3, с.16-40].

Бездомный и Берлиоз с рассказом словно уносятся в те времена, видя отчетливо события большой давности перед глазами. Отойдя от марева, они замечают, что «иностранец» исчез. Берлиоз долго отходит от ощущений, понимая, что это никакой не иностранный гражданин. Он бежит подтвердить свои догадки в бюро иностранных граждан, встречается помощника Воланда Коровьева, который показывает ему направление, по невнимательности не замечает надвигающийся трамвай, поскользывается на разлитом масле и погибает под колесами трамвая - ему перерезает голову. Предсказание Воланда таким образом очень скоро сбылось.

Бездомный все эти разворачивающиеся события видел, глубоко поразились ими. Краем уха он услышал, что масло разлила некая Аннушка с Садовой. Поэт убеждается, что произошло все неспроста, и всему виной появление незнакомца, который был по подозрению поэта самим дьяволом. Поэт решает доказать свои догадки и спрашивает о случившемся «иностранца», тот же делает вид, что не понимает его на русском от слова совсем. Внезапно на помощь «иностранцу» приходит – «некий субъект в сером пиджаке», который убалтывает поэта и скрывает уход «иностранца». Позже Бездомный видит эту необычную пару, заходящую в трамвай с котом, расплатившимся после за проезд. Догнать их Бездомному не удалось. Очевидно, что жестокая смерть своего приятеля, произошедшая прямо на глазах, странный собеседник-«иностранец», его радикальные мысли, внезапное непонимание с его стороны, человеческое поведение кота оставили неизгладимый след в психике и восприятии молодого поэта Бездомного – все это могло впоследствии привести его к очень быстрому

попаданию в психлечебницу, не измени молодой поэт свои взгляды и мнения. На деле же встреча с Воландом для Бездомного стала счастливой и судьбоносной. Встретившись с Воландом, а после и с Мастером, поэт признает, что его настоящее творчество бездарное и не настоящее [4, с.93]. На протяжении всего романа поэт растёт и перед нами в конце предстает не ведомый безликий начинающий поэт Бездомный, а сформированный идейный и именитый профессор философии Иван Понырев. Он есть символ возможности перерождения и становления настоящим, ценным для общества.

Анализируя первую главу, следует отметить что бытуют догадки, что Михаилом Булгаковым были выбраны Патриаршие пруды неслучайно для появления и знакомства с Воландом, самим сатаной. В те времена на этом месте разводили коз, и среди пастухов существовала легенда о чёрном козле, который порой мог появиться в стаде белых козочек, что было знаком скорой беды. Да и в целом название «Козье болото» может навеять мысли о нехорошем.

Уверовав в написанное Булгаковым, многие могли также действительно подумать, что в районе Патриарших прудов ходил трамвай, под колесами которого мог бы погибнуть в реальности герой романа. Однако это вымысел. Вокруг пруда трамвай никогда не ходил, поскольку и сами рельсы были проложены по Большой Садовой улице. Именно поэтому упомянутая Михаилом Булгаковым трамвайная линия была «новопроложенная» — он её попросту выдумал для действий романа.

Неспроста также были выбраны и герои для беседы. Редактор печатного издания есть идеолог, человек, способный выдвигать ценности и идеи для большого количества людей совершенно законно в рамках своих издательств. Поэт же есть «рупор эпохи».

Первая глава романа «Никогда не разговаривайте с неизвестными» предназначена для осмысления трагедии настоящего художника, творителя в государстве с тоталитаризмом, где писатель и поэт вне свободы подчиняется диктату власти. Из-за этого в области искусства могут появляться «творители», лишь приспособливающиеся к особенностям общества, корыстные люди-глупцы, несущие в массы понятия о зле, корысти, тщеславии [5, с.92-99]. С первой главы и до конца романа ясно просле-

живается главная идея писателя - человек должен быть наказан за свои безверие, самоуверенность, чувство непревзойденности.

В целом, Булгаков своим произведением, конкретно этой главой, хотел показать глупость и смехотворность людей, ни во что не верующих. Отрицая Бога, такие люди отменяют всю человеческую веру и надежду в принципе. Однако если люди не веруют в Бога, то сатана заставит поверить во тьму и зло, которые заставят после поверить в существование добра и Бога.

Список литературы

1. Соколов Б.В., Творческая биография М.А. Булгакова (к 130-летию автора): монография / Б. В. Соколов. — Москва: Русайнс, 2020. — 302 с.
2. Богданов О.В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: сборник научных статей / сост. и гл. ред. О. В. Богданова. — СПб.: Изд-во РХГА, 2020. — 509 с.
3. Альми И.Л. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и традиции русской классики // Замысел и его художественное воплощение в произведениях советских писателей. Владимир, 2021. С. 16—40.
4. Золотоносов М.Н. «Мастер и Маргарита» как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма. СПб.: Инапресс, 1995. 93 с.
5. Кораблев А.А. Время и вечность в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова // Художественная традиция в историко-литературном процессе: межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ. Л., 1988. С. 92—99.

УДК 070

Современные форматы телевизионного портретного интервью

Марачева Алла Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент Калужского государственного университета
имени К. Э. Циолковского

Суханова Валерия Кирилловна

студентка направления подготовки «Журналистика» Института филологии
и массмедиа Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского

***Аннотация:** В статье рассматриваются характерные черты интервью и беседы как информационного и аналитического жанров журналистики. Авторы анализируют формат телевизионного портретного интервью «Белая студия» на канале «Россия-Культура», выявляют специфику творческого метода, драматургии интервью, особенности беседы в студии с выдающимися личностями на примере работы Дарьи Златопольской.*

***Abstract:** The article considers the characteristic features of interview and conversation as informative and analytical genres of journalism. The authors analyze the format of the “White Studio” television portrait interview on the “Rossia-Kultura” channel, identify the specifics of the creative method, the dramaturgy of the interview, the features of the conversation in the studio with outstanding personalities on the example of the work of Daria Zlatopolskaya.*

***Ключевые слова:** интервью, беседа, телевизионное портретное интервью, формат интервью, «Белая студия», Дарья Златопольская.*

***Keywords:** interview, conversation, television portrait interview, interview format, «White Studio», Daria Zlatopolskaya.*

Интервью как жанр появилось сравнительно недавно, но интервью как метод уходит корнями еще в античную эпоху. Среди многочисленных жанров журналистики интервью пользуется особой популярностью. Наи-

большее количество Пулитцеровских премий получили именно авторы интервью. Еще в конце XIX века «очерки-диалоги», впоследствии ставшие прообразами современного интервью, покорили английскую прессу. Сегодня этот жанр распространен во всех средствах массовой информации — от традиционных печатных СМИ до интернет-порталов и блогов.

В методологии журналистской практической деятельности понятие и виды интервью анализировали М. М. Лукина, Л. В. Енина и другие ученые. Интервью как метод и жанр рассматривали Н. В. Кодола, А. В. Колесниченко, А. А. Тертычный, Т. В. Шумилина, ряд других исследователей.

Суммируя многочисленные определения интервью, можно заключить, что интервью — это разговор, беседа журналиста с одним или несколькими компетентными в актуальном вопросе (вопросах) или имеющими влияние на мнение аудитории лицами на общественно значимую тематику, предназначенную для распространения в средствах массовой информации.

На радио интервью становится подлинным звуковым документом, так как тембр, интонация, особенности паузирования каждого собеседника уникальны и неповторимы. Телевизионное интервью обогатило жанр интервью зрелищностью. В этом случае источником информации становится не просто звучащая речь респондента, но и мимика, жесты, особенности поведения, обстановка, которая его окружает. Последнее особенно важно для портретного интервью, которое часто проходит и привычной для героя обстановке на работе или дома.

Однако немало телевизионных портретных интервью записываются в специально оборудованной для этого студии, которая становится своеобразной визитной карточкой передачи. Чаще всего такие интервью-портреты проходят в формате беседы. А. А. Тертычный считает беседу аналитическим жанром журналистики, в котором у журналиста и его визави должен органично протекать «обмен «равноправными», равнозначными репликами, суждениями, размышлениями» [3]. Сегодня различные авторские программы, представляющие собой беседы с интересной, компетентной, творческой личностью, выходят на разных федеральных телеканалах.

Один из успешных проектов телеканала «Россия-Культура» — передача «Белая студия», которую с 2012 года бессменно ведет Дарья Златопольская (Спиридонова). В соответствии с названием программы ведущая

и гости находятся в пространстве белого цвета и одеты в чёрное. По мнению Златопольской, это способствует открытости собеседника, а также не отвлекает его и телезрителей от посторонних вещей в кадре. В гостях у ведущей побывали режиссеры, актеры, музыканты, фотографы, писатели. Это Никита Михалков, Владимир Меньшов, Леонид Броневой, Антонио Бандерас, Юрий Башмет, Владимир Косма, Александр Зацепин, Патрик Демаршелье, Александр Кушнер и многие другие выдающиеся российские и зарубежные деятели культуры. Интервью в программе напоминает оживленный обмен мнениями знаменитого художника и ведущей. О своем творческом методе интервьюера и взаимодействии с собеседником Дарья Златопольская говорит следующее: «Я словно бы перевоплощаюсь в этого человека. И, безусловно, как на актеров влияют их роли, так и на меня — эти люди» [2].

Один из наиболее интересных выпусков «Белой студии» состоялся в августе 2022 г. Передача была посвящена восьмидесятипятилетию народного артиста РСФСР режиссера Андрея Кончаловского. Он рассказал о дихотомии «Восток-Запад», о своих новых работах, а также о переосмыслении фильма «Андрей Рублев», который был отреставрирован.

Как мы уже отмечали, формат передачи предполагает беседу, а это значит, что сам интервьюер может поразмышлять, провести различные параллели, рассказать историю, объяснить замысел своей передачи. В беседе с Олегом Меньшиковым (апрель 2016 г.) на шутивное замечание актера «Боже, какие все начитанные! Завидовал я Вам и Вашим собеседникам, а теперь сам здесь оказался» Дарья Златопольская объясняет концепцию программы. Ведущая говорит: «Мы приглашаем сюда людей, которым не надо ничего изображать, потому что если бы в них не было того, что здесь звучит, в результате они бы не стали тем, кем они стали. Потому что «Белая студия», не про, чтобы какие-то умные вещи говорить, она про то, что человека волнует...».

Некая непредсказуемость и естественность драматургии «живого» интервью в формате свободной беседы всегда предполагает некую долю импровизации. Это значит, что ведущему в какой-то момент будет необходимо показать не только искусство интервьюера, но и свою начитанность, осведомленность, в данном случае, в вопросах культуры. С этим

у Дарьи Златопольской никогда не было проблем. В этом выпуске ведущая без труда вспоминает название фильма, на который Ди Каприо впервые номинировался на «Оскар», демонстрируя общую эрудицию и свободно рассуждая вместе с Меньшиковым о функционировании современного кино и театра, самоотдаче драматического артиста, наградах, которые актер получает или не получает за свою работу.

Интересен выпуск «Белой студии» с известным актером российского театра и кино Сергеем Лавыгиным (январь 2023 г.). Актер с удовольствием поделился впечатлениями о совместных съемках с Инной Чуриковой и рассказал несколько историй о творческом методе и отношении к дублям на съемочной площадке легендарной актрисы. По его словам, работа с ней была настоящим подарком судьбы.

«Как Сергей работал над ролью в фильме «Чебурашка»?», «Что поразило его в книге «Волшебник Изумрудного города»?», «Как он справлялся с творческой завистью?». Эти и многие другие вопросы ведущей были интересны ее собеседнику и понравились телезрителям.

Дарья Златопольская задает много развивающих вопросов, над которыми нужно поразмышлять. У актера, режиссера, художественного руководителя Малого театра России Юрия Соломина в декабре 2014 г. Дарья спросила: «Почему, как Вам кажется, сегодня положительный герой менее востребован, чем в то время, когда вы росли, выросли и начинали работать?».

Французскому скрипачу, дирижеру, композитору кино Владимиру Косма в декабре 2014 г. она задала вопрос «Что нужно для того, чтобы сочинить песню о любви, которая стала бы мировым хитом?».

Многие вопросы Дарьи звучат как размышления. Беседуя в декабре 2015 г. с певцом, исполнителем романсов, педагогом Олегом Погудиным, ведущая «Белой студии» заметила: «Вы сказали важную вещь: «Петербург — это город, который живет с внутренним обещанием величия, он так построен, он так спроектирован. Эти гигантские соборы, проспекты, дворцы...». Но при этом вряд ли вы будете спорить с тем, что судьба этого города трагична. Как судьба человека, который был рожден с огромным талантом и не смог его реализовать, или очень красивой женщины, кото-

рая не смогла найти свою судьбу, родить детей. В нем есть какая-то недо-
воплощенность судьбы» [1].

Профессиональная компетентность, эрудиция, тактичность автора программы всегда позволят зрителям по достоинству оценить те мнения и комментарии, которые в беседе с ведущей высказывают гости «Белой студии». Передачи проходят в атмосфере доверия, их интересно смотреть и пересматривать, а о бесценном опыте и незабываемых впечатлениях от общения Дарья Златопольская поделилась с аудиторией в книгах «Важные вещи. Диалоги о любви, успехе, свободе» (2019 г.) и «Настоящее. Диалоги о силе, характере, надежде» (2020 г.).

Список литературы

1. Златопольская Д. Настоящее. Диалоги о силе, характере, надежде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: <https://www.litres.ru/book/darya-zlatopolskaya/nastoyaschee-dialogi-o-sile-haraktere-nadezhde-48768091/chitat-onlayn/> (дата обращения: 28.12.2023).
2. Дарья Спиридонова: «Интервью напоминает общение с младенцем» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: <https://www.womanhit.ru/archive/651957-darya-spiridonova-intervyu-napominaet-obshchenie-s-mladentsem.html> (дата обращения: 27.12.2023).
3. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: <https://evartist.narod.ru/text2/01.htmhttps://www.litres.ru/book/darya-zlatopolskaya/nastoyaschee-dialogi-o-sile-haraktere-nadezhde-48768091/chitat-onlayn/> (дата обращения: 27.12.2023).

УДК 070

Конвергенция в медиа: объединение технологий и возможностей

Ван Люйбо

студент Университета Шихэцзы (Китай)

***Аннотация:** В эпоху цифрового прогресса конвергенция стала определяющей чертой медиаиндустрии. Этот термин означает объединение различных медиа-платформ, технологий и контента для создания новых, усовершенствованных медиа-продуктов и услуг. Конвергенция трансформирует способы, которыми мы потребляем информацию и развлечения, открывая двери к новым возможностям и вызовам. Конвергенция в медиа приводит к тому, что отрасль находится в постоянном состоянии эволюции, предоставляя пользователям более гибкие, интерактивные и инновационные способы потребления информации. Этот постоянно меняющийся ландшафт представляет не только вызовы для индустрии медиа, но и бесконечные возможности для новаторства и творчества.*

***Abstract:** In the era of digital progress, convergence has become a defining feature of the media industry. The term refers to merging of different media platforms, technologies and content to create new and improved media products and services. Convergence is transforming the way information and entertainment are consumed, opening the door to new opportunities and challenges. Convergence in media is causing the industry to be in a constant state of evolution, providing users with more flexible, interactive and innovative ways to consume information. This ever-changing landscape presents not only challenges for the media industry, but also endless opportunities for innovation and creativity.*

***Ключевые слова:** медиа, конвергенция, цифровизация, социальные сети, общество.*

***Keywords:** media convergence, digitalization, social networks, society.*

В эпоху цифрового прогресса конвергенция стала определяющей чертой медиаиндустрии. Этот термин означает объединение различных медиа-платформ, технологий и контента для создания новых, усовершенствованных медиа-продуктов и услуг. Конвергенция трансформирует способы, которыми мы потребляем информацию и развлечения, открывая двери к новым возможностям и вызовам.

Конвергенция означает объединение двух или более факторов, но при обсуждении медиа возникают некоторые разногласия относительно того, что объединяется, как и почему. Хотя конвергенция медиа часто ассоциируется с распространением цифровых медиа-технологий, сетевых устройств и Интернета, она описывает нечто, что не сводится к технологические изменения. Дерек Джонсон выявляет связи между конвергенцией, лицензированием и франчайзингом в Соединенных Штатах в 1950-х годах, то есть задолго до того, что можно было бы назвать цифровой революцией. Конвергенция скорее связана не с технологией как таковой, а со сложной сетью отношений, которые влияют на то, как производятся и потребляются медиа. При таком подходе дискуссии о конвергенции продолжаются в медиаисследованиях на протяжении десятилетий.[1] Однако, несомненно, именно Генри Дженкинс популяризировал этот термин в академических кругах в книге «Культура конвергенции: где сталкиваются старые и новые медиа» [2]. Как следует из названия книги, Дженкинс подчеркивает, что феномен конвергенции характеризуется тем, что старые и новые медиа объединяются во множестве мест «напряженности и перехода».[2] По мнению Дженкинса, «конвергенция изменяет отношения между существующими технологиями, отраслями, рынками, жанрами и аудиториями».[2] Другими словами слова, категории и отношения в средствах массовой информации, которые были фиксированными, стабильными и разделенными, объединяются

В отличие от дискуссий, которые подчеркивают или фокусируются исключительно на технологических изменениях, Дженкинс утверждает необходимость рассмотрения «культурных уровней» конвергенции.[2] Это не означает игнорирование технологических изменений, а скорее расширение сферы анализа, чтобы включить логику, по которой работают медиа-индустрии и аудитории. Дженкинс отмечает три одновременно происходящих аспекта конвергенции: во-первых, технологическая конвергенция или устройства, которые могут выполнять множество функций; во-вторых, корпоративная конвергенция, или массовые многонациональные корпоративные конгломераты, которые владеют средствами массовой информации и производят их на разных платформах; и, в-третьих, восприимчивая конвергенция, или объединение аудиторий через границы, одновременное объединение каналов, многозадачность на разных

платформах и творческое взаимодействие со СМИ и другими лицами. [2] Таким образом, конвергенция указывает на «поток контента через несколько медиаплатформ, сотрудничество между несколькими медиаиндустриями и миграционное поведение медиа-аудиторий, которые отправятся практически куда угодно в поисках тех видов развлечений, которые им нужны».34 Точно так же, как корпорации объединяются для производства контента, который распространяется на нескольких медиаплатформах, то же самое происходит и с «жизнями, отношения, воспоминания, фантазии [и] желания также передаются по каналам СМИ». [2] Конвергенция происходит в устройствах, компаниях и потребителях.

Одним из ключевых аспектов конвергенции является усиление взаимодействия между потребителями и контентом. Технологии, такие как социальные сети, мобильные приложения и интерактивные платформы, позволяют пользователям создавать персонализированный контент, выбирать интересующие их темы и участвовать в формировании собственного медиа-опыта.

Конвергенция объединяет различные форматы контента — текст, изображения, аудио и видео — в единый медиа-продукт. Например, журналисты могут публиковать статьи, сопровождаемые видео-материалами и интерактивными графиками, обогащая информацию и делая ее более доступной и увлекательной для аудитории. [3]

Развитие мобильных устройств и приложений дает потребителям возможность получать контент в любое время и в любом месте. Это приводит к тому, что медиа-компании адаптируют свои продукты для мобильных устройств, создавая удобные и легко доступные форматы для пользователей.

Конвергенция также включает в себя интеграцию медиа-платформ социальных сетей. Компании активно используют социальные медиа для распространения контента, улучшения взаимодействия с аудиторией и создания вирусных кампаний.

Для медиа-компаний конвергенция представляет вызовы и возможности. Новые технологии требуют инвестиций и постоянного развития, но также открывают двери к новым рынкам, аудиториям и моделям монетизации контента.

Конвергенция в медиа приводит к тому, что отрасль находится в постоянном состоянии эволюции, предоставляя пользователям более гибкие, интерактивные и инновационные способы потребления информации. Этот постоянно меняющийся ландшафт представляет не только вызовы для индустрии медиа, но и бесконечные возможности для новаторства и творчества.

Список литературы

1. Steinberg, M. Anytime, Anywhere: Tetsuwan Atomu Stickers and the Emergence of Character Merchandising, *m// Theory, Culture and Society* 26, no. 2–3 (2009): 113–138.
2. Jenkins H., *The Cultural Logic of Media Convergence // International Journal of Cultural Studies* 7, no. 1 (2004): 33.
3. Johnson D., *Media Franchising: Creative License and Collaboration in the Culture Industries*, New York: New York University Press, 2013

УДК 070

Трансформация медиа китайской диаспоры

Ван Люйбо

студент Университета Шихэцзы (Китай)

Аннотация: СМИ китайской диаспоры за рубежом играют важную роль в информационном пространстве, предоставляя соединению с родиной и представляя интересы китайской общины. Эти медиа-организации направлены на удовлетворение информационных потребностей китайцев, находящихся за пределами Китая, и обеспечивают разнообразный спектр информации. Ранее эти медиа в основном были представлены на кантонском диалекте и выступали против политики континентального Китая. В 21 веке КНР начал активную политику по внедрению медиа на мандаринском диалекте с иной политической позицией.

Abstract: Chinese diaspora media abroad play an important role in the information space by providing a connection to the homeland and representing the interests of the Chinese community. These media organizations aim to meet the information needs of Chinese outside China

and provide a diverse range of information. Previously, these media were mainly in Cantonese dialect and opposed to mainland China's policies. In the 21st century, the PRC has begun an active policy of introducing Mandarin media with a different political stance.

Ключевые слова: *медиа, Китай, диаспора, внешняя политика.*

Keywords: *media, China, diaspora, foreign policy.*

СМИ китайской диаспоры за рубежом играют важную роль в информационном пространстве, предоставляя соединению с родиной и представляя интересы китайской общины. Эти медиа-организации направлены на удовлетворение информационных потребностей китайцев, находящихся за пределами Китая, и обеспечивают разнообразный спектр информации.

Являясь одной из наиболее устоявшихся «этнических» идентичностей по отношению к основному обществу, китайские диаспоры на Западе в течение длительного времени были хорошо оснащены собственными китайскими бизнес-организациями, школами китайского языка и СМИ на китайском языке, которые часто называют тремя столпами любого значительного сообщества китайских мигрантов. Социальная и культурная роль этих глобальных диаспорных средств массовой информации на китайском языке была четко определена и широко признана.

Во-первых, пресса на китайском языке связывает сообщества китайских мигрантов и принимающие их общества, сообщая важнейшую экономическую, правовую и образовательную информацию — политику, правила и предписания принимающей страны — гражданам и резидентам, говорящим по-китайски.

Во-вторых, это дает право голоса лидерам общин, которые выступают перед правительством и широкой общественностью от имени политических, экономических, социальных и культурных интересов китайских общин в принимающих их обществах посредством действий лидеров общин.

В-третьих, китайскоязычная пресса является жизненно важным средством поддержания владения мигрантами родным языком — в большинстве случаев кантонским в предыдущие десятилетия — путем регулярного ознакомления с культурными продуктами на китайском языке, и тем са-

мым они способствуют формированию идентичности этнических субъектов в многокультурных обществах [1].

В-четвертых, поскольку большинство газет на китайском языке ранее принадлежали мигрантам, говорящим на кантонском диалекте, и находившимся вне КНР, они в основном критиковали китайское правительство и его коммунистическую идеологию. Другими словами, производство и потребление этой прессы было средством обозначения иной китайской идентичности, которая дистанцировала китайскую диаспору от ее материковой части. Несмотря на внутренние разногласия, можно с уверенностью сказать, что традиционно эти средства массовой информации на китайском языке сохраняли настороженную — если не враждебную — дистанцию по отношению к коммунистическому Китаю.

СМИ мигрантов на китайском языке, как и другие этнические СМИ в принимающем обществе, в течение многих десятилетий существовали в маргинальном пространстве, которое в англоязычном мире часто называют «этническими СМИ». Она была отделена от средств массовой информации на китайском языке в китайских обществах, с одной стороны, и основных средств массовой информации принимающего общества — с другой. Также, казалось, существовала четкая граница — географическая, культурная и политическая — между китайскими СМИ, которые в основном ограничены медийным ландшафтом КНР, и диаспорными китайскоязычными СМИ за пределами Китая.

Начиная с 1990-х годов и набирая обороты в течение первого десятилетия нового тысячелетия, произошло несколько событий, которые коренным образом и необратимо изменили функции и природу китайского медиа-ландшафта диаспоры. Первая — это экспоненциальный рост числа выезжающих мигрантов, говорящих по-китайски. Также растет численность китайских переселенцев — временных мигрантов, которые планируют вернуться домой, а не поселиться постоянно в принимающих странах — за пределами Китая, в связи с растущим присутствием КНР в бизнесе, ресурсах, инвестициях в недвижимость, образовании и международном туризме. Этот рост, последовавший за возвышением Китая, коренным образом изменил демографический состав китайских общин за рубежом. Второе событие — это полномасштабный толчок к глобализации

китайских СМИ и культуры в последние годы, особенно после Олимпийских игр 2008 года в Пекине [2]. В ответ на предложения о сотрудничестве со стороны государственных СМИ Китая диаспорные китайские медиа-организации разработали множество стратегий, ориентированных на конкретное местоположение, в качестве средства обеспечения финансовой жизнеспособности. Бесчисленное множество форм сотрудничества между Talentvision из Fairchild Media Group и CCTV, официальным национальным телевидением Китая, является примером того, как кантонское телевидение диаспоры обсуждает подъем Китая, изменение демографии мигрантов и меняющиеся предпочтения мигрантов в производстве контента и программировании [3].

Третьим событием является рост нового сектора СМИ на мандаринском языке, включая печать, радио и телевидение, который принадлежит мигрантам, говорящим на мандаринском языке, некоторые из которых все еще имеют значительные деловые интересы в Китае. В то время как некоторые приехали в Австралию после инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, другие мигрировали в Австралию всего несколько лет назад. Именно по этой причине «парадиспорала» возможно, является более точным термином для описания этой когорты мигрантов в первом поколении. Этот сектор в настоящее время существует наряду с традиционным кантонским медиасектором. Например, быстрый рост и объединение радио на мандаринском языке во многих столицах Австралии во многом обусловлены предпринимательской деятельностью бывшего мигранта из КНР Томми Цзяна, который поддерживает тесные политические связи с Китаем [4]. Его конгломерат SAMG, который в настоящее время имеет глобальное присутствие в Австралии и за ее пределами, не только серьезно угрожает жизнеспособности существующего кантонского радио, но и значительно меняет глобальный китайский медиа-ландшафт, в котором ранее доминировали компании, говорящие на кантонском диалекте, и компании, базирующиеся в Гонконге (Sun, 2014).

СМИ китайской диаспоры за рубежом играют важную роль в информационном обеспечении китайцев, находящихся за пределами страны, и способствуют сохранению культурного наследия, поддержанию связи с родиной и формированию сообщества. Сейчас можно наблюдать посте-

пенное отвоевывание доли в этой медиа-среде медиа на мандаринском диалекте, выступающих с позиций материкового Китая. Это говорит об изменении структуры диаспоральных катаеязычных медиа.

Список литературы

1. Sun W., Sinclair J. Media and Communication in the Chinese Diaspora: Re-thinking Transnationalism. London: Routledge. 2016
2. Hu Zh., Deqiang J. Ambiguities in Communicating with the World: The ‘Going-Out’ Policy of China’s Media and Its Multilayered Contexts // Chinese Journal of Communication, 2012, 5(1), pp. 32–37.
3. Kong Sh. Geo-Ethnic Storytelling: Chinese-Language Television in Canad., London: Routledge, 2016
4. Gao J. Organized International Asylum Seeker Networks: Formation and Utilization by Chinese Students // International Migration Review, 2006, 40(2), pp. 294–317.

УДК 070

Медиа ландшафт Японии

Пань Жуй

студент Университета Шихэцзы (Китай)

***Аннотация:** Система медиа в Японии представляет собой разнообразный и уникальный ландшафт информационных источников, олицетворяющий богатое культурное наследие страны и современные тенденции в медиаиндустрии. Большую роль в ней играют газеты и телевидение, причем уровень доверия газетам выше, чем уровень доверия телевидению. С развитием цифровых технологий медиа-среда в Японии также переживает изменения. Онлайн-новостные порталы, блоги и социальные сети становятся все более популярными среди молодежи, предоставляя альтернативные источники информации и платформы для обмена мнениями.*

***Abstract:** The media system in Japan is a diverse and unique landscape of information sources that epitomizes the country’s rich cultural heritage and current trends in the media industry. Newspapers and television play a major role in it, with a higher level of trust in newspapers than*

in television. With the development of digital technology, the media environment in Japan is also changing. Online news portals, blogs and social media are becoming increasingly popular among young people, providing alternative sources of information and platforms for sharing opinions.

Ключевые слова: Япония, медиа, газеты, телевидение.

Keywords: Japan, media, newspapers, television.

Система медиа в Японии представляет собой разнообразный и уникальный ландшафт информационных источников, олицетворяющий богатое культурное наследие страны и современные тенденции в медиаиндустрии.

В Японии традиционные СМИ, такие как газеты (например, Asahi Shimbun, Yomiuri Shimbun) и телевидение, имеют значительное влияние. Газеты часто привлекают высокий уровень доверия, предоставляя широкий спектр новостей и анализа событий. Телевидение остается основным источником информации для большинства японцев, предлагая широкий спектр программ, от новостей до развлекательных передач.

Если в большинстве индустриальных обществ насыщенность средствами массовой информации значительно возросла, то Япония не является исключением. Можно утверждать что Япония лидирует в мире по информационной революции, широте охвата и изощренности средств массовой информации.[1] Тираж крупнейшей ежедневной газеты Японии «Йомиури Симбун» превышает тираж «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-стрит джорнал», «Кристиан Сайенс монитор» и «Нью-Йорк Дейли Ньюс» вместе взятых. Согласно одному исследованию, в стране, где ежедневно выходит более 72 миллионов газет, 90% населения ежедневно читает газеты. Тираж газет в Японии на душу населения (581 экземпляр на 1000 человек) является самым высоким в мире, более чем в два раза больше, чем в Соединенных Штатах (250 экземпляров на 1000 человек). Проникновение и влияние печатных СМИ даже больше, чем предполагают эти цифры, поскольку пять газет (Yomiuri, Asahi, Mainichi, Sankei и Nihon Keizai) — национальные газеты, тираж каждой из которых превышает 2 миллиона экземпляров. Кроме того, существуют местные и региональные газеты, тиражи некоторых из которых превышают тиражи многих ведущих

газет США; ежедневные партийные газеты массового тиража, такие как “Акахата” («Красный флаг») Коммунистической партии Японии; и журналы, которые варьируются от «всеобъемлющих журналов» размером с книгу («сого дзаси») до вездесущих комиксов (манга), которые читают как молодые, так и старые в поездах. NHK (Nihon Hōsō Kyōkai), японская общественная телерадиовещательная организация, является второй по величине телерадиовещательной корпорацией в мире (после британской BBC), но она все чаще уступает аудиторию коммерческим станциям “большой пятерки”, каждая из которых имеет организационные и финансовые связи с пятью крупнейшими ежедневными газетами Японии. В Японии гораздо больше телевизоров, чем домов, и среднестатистический японец ежедневно проводит за просмотром телевизора три часа двадцать три минуты. Радио и обширные мини-СМИ, публикуемые различными группами граждан, дополняют картину. Во вступительной таблице.1 представлен обзор средств массовой информации Японии.

У средств массовой информации в Японии множество поклонников, и они пользуются большим авторитетом. В то время как опросы Гэллапа и Харриса в Соединенных Штатах показали, что менее 20% опрошенных американцев выражают высокое доверие телевидению и газетам, оба средства массовой информации пользуются гораздо большим авторитетом в Японии. Изменив прежнюю тенденцию, сегодня газеты в Японии имеют более высокие рейтинги доверия, чем телевизионные новости, но подавляющее большинство японцев доверяют и тем, и другим.⁷ Действительно, опросы общественного мнения о NHK показывают, что NHK доверяют больше, чем любому другому крупному учреждению в Японии, включая парламент, суды или правительство в целом. Одно японское исследование показало, что только около 20% опрошенных видели какую-либо партийную предвзятость в газетах, на телевидении или в журналах.[2] Между тем, Освещение японскими СМИ внутренних и международных политических событий и явлений — измеряемое количеством репортеров, работающих за границей, количеством эфирного времени и дюймов в колонках, посвященных политическим новостям, и многими другими показателями — может быть более широким, чем у любой страны на земле.[3]

С развитием цифровых технологий медиа-среда в Японии также переживает изменения. Онлайн-новостные порталы, блоги и социальные сети становятся все более популярными среди молодежи, предоставляя альтернативные источники информации и платформы для обмена мнениями.

Структура и содержание традиционных СМИ в Японии часто отражают культурные ценности и особенности общества. Некоторые газеты имеют политическую направленность, в то время как другие фокусируются на бизнес-новостях или областях культуры и искусства.

Медиа в Японии часто связано с уникальными аспектами японской культуры, такими как манга, аниме и японская поп-культура. Эти формы искусства и развлечений имеют огромное влияние как внутри страны, так и за ее пределами. Медиа в Японии подвержено определенному уровню регулирования со стороны правительства, что влияет на информационную политику и предоставление новостей.

В целом, система медиа в Японии сочетает в себе традиционные и современные формы, отражая культурные, социальные и технологические изменения в обществе. Это разнообразие предложений обеспечивает различные источники информации и развлечений для различных аудиторий, отражая богатство японской медиаиндустрии.

Список литературы

1. Vogel E. F. *Japan as Number One*, Cambridge: Harvard University Press, 1979.
2. Flanagan S.C., Miyake I., Kōhei S., Richardson.B. *A Study of Television News*, Tokyo: NHK Publishers, 1980.
3. Rich B.M., Pharr S. J. *The Political Culture of Japan*, Berkeley: University of California Press, 1974.

УДК 070

Институциональная память журналистики

Ван Инань

студент Балтийского федерального университета имени И. Канта

Аннотация. В данной статье осуществляется всесторонний анализ эволюции журналистики в контексте институционального кризиса, вызванного постмодернизмом и глобальными событиями, включая пандемию COVID-19. Акцентируется внимание на переходе общественной и личной активности в цифровое пространство, что способствовало развитию новых форм журналистики и изменению профессионального поведения. Исследование подчеркивает важность новых теоретических и методологических подходов в ответ на независимые действия корпораций и проникновение сетевых технологий в журналистскую деятельность. Статья исследует, как классические институты претерпели изменения от вертикальной системы к горизонтальному анализу внутриличностных и глобальных противоречий, подчеркивая влияние цифровых технологий на медиасистемы и социальные сети. Обсуждается вклад Людвиг Флека и Мэри Дуглас в понимание стиля мышления как фундаментального элемента мыслительных коллективов в медианпространстве. Анализируются разнообразные методологии исторического анализа журналистики, а также влияние глобализации на современные энциклопедические и словарные определения журналистики. В статье подчеркивается, что каждый этап развития журналистики накапливает институциональные качества, сохраняя характеристики социального субъекта и формируя институциональную память. Особое внимание уделяется адаптации теории журналистики к изменяющимся временным и пространственным условиям в условиях глобализации и национальных особенностей.

Abstract: This article comprehensively analyzes the evolution of journalism in the context of institutional crisis caused by postmodernism and global events, including the COVID-19 pandemic. Emphasis is placed on the transition of public and personal activism into the digital space, which has contributed to the development of new forms of journalism and changes in professional behavior. The study emphasizes the importance of new theoretical and methodological approaches in response to the independent actions of corporations and the penetration of network technologies into journalistic activities. The article explores how classical institutions have undergone changes from a vertical system to a horizontal analysis of intrapersonal and global contradictions, emphasizing the impact of digital technologies on media systems and social networks. The contributions of Ludwig Fleck and Mary Douglas to understanding thinking styles as a fundamental element of thought collectives in the media space are discussed. A variety of methodologies for the historical analysis of journalism are researched, as well as the

impact of globalization on contemporary encyclopedic and dictionary definitions of journalism. The article emphasizes that each stage of journalism's development accumulates institutional qualities, preserving the characteristics of a social subject and forming institutional memory. Special attention is paid to the adaptation of journalism theory to changing temporal and spatial conditions in the context of globalization and national peculiarities.

Ключевые слова: институциональный кризис, постмодернизм, цифровое медиaprостранство, эволюция журналистики, глобализация.

Keywords: institutional crisis, postmodernism, digital media space, evolution of journalism, globalisation.

Исследования в области гуманитарных наук акцентируют внимание на проблеме институционального кризиса, особенно в контексте постмодернизма, который разрушает традиционные социальные нормы и проникает в общественное сознание и организационные структуры. Эта тема особенно актуализировалась в свете пандемии COVID-19, которая стимулировала переход большей части общественной и личной активности в цифровое пространство, значительно повлияв на социальное поведение и медиапотребление. Эти изменения породили новые формы журналистики и профессионального поведения, влияя на общественные процессы и информационное воздействие.

С этими процессами связано появление новых институциональных форм в медиaprостранстве. Шохана Зубофф в своей концепции надзорного капитализма подчеркивает, что корпорации начали действовать независимо, превращая личный опыт людей в данные и утверждая свои права на них. Это вызвало необходимость в новых теоретических и методологических подходах для анализа и понимания этих изменений.

Традиционно институты рассматривались как часть «вертикальной» системы между различными социальными подсистемами, но современные изменения требуют «горизонтального» подхода. Это включает в себя анализ внутриличностных конфликтов и глобальных цивилизационных противоречий, как показывает теория Иммануила Валлерстайна.

Локальные медиасистемы и глобальные социальные сети вступают в конфликт: глобальные сети пытаются заменить традиционные институты, в то время как локальные медиасистемы стремятся сохранить свою

уникальность и суверенитет. Это порождает противоречия между анонимностью и персонализацией, между реальным и виртуальным. В этих условиях особенно важно разработать новые теоретические подходы и методологии для анализа этих сложных взаимодействий.

Людвиг Флек, в своей концепции «стиля мышления», описал его как фундаментальный элемент мыслительного коллектива, то есть сообщества людей, обменивающихся идеями и поддерживающих интеллектуальное взаимодействие. Этот концепт подчеркивает, что индивидуальное мышление неразрывно связано с коллективным, особенно в контексте медиапространства, где общение происходит через различные формы, включая научные школы, университеты, автора и читателя, а также сетевой обмен.

Мэри Дуглас подчеркивает, что стиль мышления определяет, что считается значимым вопросом и истинным или ложным ответом, ограничивая таким образом рамки любого суждения об объективной реальности. В медиапространстве стили мышления формируют мыслительные коллективы его участников, включая авторов, пользователей и коммуникаторов, определяемые структурой ментальных матриц, состоящих из концептов, контекстов, ценностей и смыслов.

Исследование медиапространств также включает анализ журналистики как одного из важных мыслительных коллективов, обладающего своим уникальным стилем мышления. Изучение истории журналистики предполагает анализ больших объемов данных о авторах, редакциях, взаимодействиях прессы с институтами, а также экономике и типологическом развитии СМИ. Каждый исследователь вносит свой вклад в этот анализ, опираясь на собственное научное мировоззрение и методологические подходы.

Различные методологии исторического анализа журналистики были предложены разными учеными. Например, Е. А. Корнилов предложил использовать синхронический и диахронический анализ, М. М. Ковалева выделила два специфических периода в истории журналистики, А. Ю. Быков рассмотрел институциональный метод анализа, а Е. В. Ахмадулин акцентировал внимание на системном анализе в дополнение к принципам историзма. Эти подходы позволяют глубже понять эволюцию журналистики и ее роль в социальном развитии и разнообразии общественных интересов.

Анализ эволюции журналистики опирается на синтез институционального и историософского подходов, который помогает понять, как различные интерпретации социального института и журналистики в частности приводят к эволюционным закономерностям. Изучение теории журналистики включает в себя анализ понятий и терминологии, которые меняются в зависимости от доминирующих в определенные эпохи научных подходов и теоретических способов объяснения социальных феноменов.

Особое внимание уделяется каноническим определениям журналистики, которые отражают общее согласие научных сообществ. Например, в эпоху Просвещения французская энциклопедия описывает журналиста как часть творческого мыслительного коллектива, занимающегося критикой, популяризацией и просвещением. Журналисты того времени рассматривали себя как просветителей, часто работая безвозмездно и выражая свои мысли исходя из сердца и души.

Эта энциклопедия также подчеркивает коллективный характер журналистской деятельности, отмечая важность качеств, таких как беспристрастность, проницательность и образованность. Особое значение придается пониманию контекста времени и обстоятельств создания критикуемых произведений, что указывает на глубокую аналитическую и критическую роль журналиста.

Таким образом, методологический подход к анализу журналистики включает в себя исторический контекст и институциональное понимание, позволяя учитывать как индивидуальные, так и коллективные аспекты в развитии этого важного социального института. Этот подход может быть применен как к изучению отечественной журналистики, так и к анализу других локальных медиасистем.

В период XIX — начала XX веков журналистика претерпевает значительные изменения, оформляясь в развитую организационную структуру с разнообразными редакциями и профессионально работающими людьми. В России этот период характеризуется подъемом журналистики, основанной на разночинцах, образованных людях, не принадлежащих к какому-либо сословию. Они стали ключевой частью журналистского мыслительного коллектива, охватывающего различные идеологические течения от материалистов до идеалистов и от западников до славянофилов.

В словарных и энциклопедических определениях того времени журналистика ассоциируется с литературной деятельностью. В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» описывает журналистику как «журнальную, срочную словесность», а журналиста — как «издателя, редактора повременного издания». Ф. Ф. Павленков в «Энциклопедическом словаре» и в «Словаре иностранных слов» также упоминает журналистику как литературу периодических изданий.

На рубеже 1920–1930-х годов в Советском Союзе журналистика приобретает полноценную институциональную форму. Этот период характеризуется увеличением аудитории периодических изданий благодаря ликвидации неграмотности. В «Большой советской энциклопедии» (1932) Ф. А. Ротштейн дает развернутое описание журналистской профессии, отмечая ее классовый характер и акцентируя внимание на общественно-политической направленности журналистики.

Ротштейн выделяет внутреннюю специализацию в редакционной работе и описывает изменения в роли журналиста, который теперь не ограничивается работой в редакции, а активно участвует в общественной жизни, организует совещания, обследует работу колхозов и совхозов, критикует ошибки и злоупотребления. Он также подчеркивает важность профессиональной подготовки и специального образования, что подтверждается наличием в энциклопедии статьи о «Коммунистическом институте журналистики».

Таким образом, журналистика XX века развивается от литературно ориентированной деятельности к профессионально организованной сфере, активно участвующей в общественной жизни и образовательных процессах.

Во втором издании «Большой советской энциклопедии» (1952), автор Гр. Осипов обновляет определение журналиста, расширяя его до профессионального работника СМИ, включая газеты, журналы, информационные агентства и другие средства массовой информации и пропаганды. В этом издании также подчеркивается развитие профессиональной специализации в журналистике, например, редакторы, критики, корреспонденты и другие специалисты. Отмечается классовый характер журналистики, различая прогрессивную школу и буржуазную журналистику.

В советской журналистике акцент делается на принципах партийности, правдивости, идейности и народности, в то время как буржуазная журналистика представлена как служащая газетно-журнальным концернам и монополиям. В этом издании также появляется краткое определение журналистики как формы литературной деятельности и профессии журналистов, а также как совокупности периодических изданий.

В третьем издании энциклопедии (1972), автор Е. П. Прохоров определяет журналистику как общественную деятельность по сбору, обработке и распространению актуальной информации. Он выделяет социальные функции журналистики: пропаганду, агитацию, социальную организацию, формирование общественного мнения и участие в управлении социальными процессами. Журналистика рассматривается как совокупность профессий, продукции деятельности и предмета изучения и преподавания.

В период перестройки, как отмечено в энциклопедических словарях, журналистика продолжает выполнять функции идеологических, политических и организаторских функций, которые зависят от социальной природы общества.

К концу XX века журналистика развивается как полноценный социальный институт с развитым функционалом, внутренней структурной дифференциацией и типологическим разнообразием. Она встраивается в социальную систему, выполняя свои функции на различных уровнях: общественном, подсистемах, социальных группах и индивидуальном. В этот период формируются профессиональные союзы и объединения, а также развивается система специализированного профессионального образования. Журналистика становится массовой профессией, с медиасистемой как основной структурой, и развиваются научно-педагогические школы журналистики.

Исследование зарубежных концепций журналистики нашло свое отражение в работах Л. М. Земляновой, особенно в ее словаре «Коммуникативистика и средства информации». Здесь журналистика рассматривается как профессиональная деятельность и ее результат, а также анализируется термин «журнализм» в контексте различных типов деятельности и академических исследований. Это отражение глобальной тенденции к стандартам миросистемы в области науки и образования в конце XX — начале

XXI веков. Важным аспектом стало проникновение сетевых технологий в журналистскую деятельность, что привело к появлению новых форм, таких как «гражданская журналистика» и виртуальные мыслительные коллективы. Все это потребовало поиска новых форм нормативной регуляции и институциональности.

Современное состояние журналистики описывается в «Большой универсальной энциклопедии» (2010) и других современных изданиях, где журналистика представляется как сбор, подготовка и распространение новостей и связанных с ними материалов через различные носители информации. В словаре «Отечественная теория медиа: основные понятия» (2019) журналистика представлена мультипарадигмально, акцентируясь на ее профессиональной, социальной и творческой ролях.

На разных этапах своего развития журналистика накапливает институциональные качества, сохраняя характеристики социального субъекта. Она проходит от индивидуальной деятельности до массовой профессиональной деятельности и становится полноценным социальным институтом. При этом каждый этап характеризуется уникальным стилем мышления и особенностями мыслительных коллективов, включающих журналистов, организаторов, регуляторов и преподавателей. Эти этапы свидетельствуют о сохранении профессиональной идеологии журналистики на фундаменте актуальности, объективности, оперативности и фактичности.

В контексте глобализации и национальных особенностей российская журналистика сохраняет свои институциональные качества, опираясь на литературоцентричность и просветительскую миссию. Учет фактора институциональной памяти в теории журналистики позволяет анализировать ее с позиций различных парадигм и методологий, адаптируясь к специфике разных временных и пространственных условий.

Список литературы

1. Вакурова Н. В. Информирующая журналистика в период пандемических ограничений / Н. В. Вакурова, Л. И. Московкин, Н. Л. Файнберг. — EDN Xl_ZZZE // Ценностные ориентиры современной журналистики: сб. науч. ст. по материалам VII Всерос. науч.-практ. конф.

- с междунар. участием, Пенза, 08–10 окт. 2020 г. / под ред. Е. К. Рева. — Пенза, 2020. — С. 9–17.
2. Пенькова П. Е. Деонтологические принципы журналистики, или как пандемия корректирует ценностную парадигму / П. Е. Пенькова. — EDN EPQVPP // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 08–09 окт. 2020 г. — Белгород, 2020. — С. 235–240.
 3. Vobic I. Window, Watchdog, Inspector: The Eclecticism of Journalistic Roles During the COVID-19 Lockdown / I. Vobic. — DOI 10.1080/1461670X.2021.1977167 // *Journalism Studies*.— 2022. — Vol. 23, iss. 5–6. — P. 650–668.
 4. Иванова С. В. Инфодемия в зеркале журналистики / С. В. Иванова. — DOI 10.31862/1819-463X-2021-2-60-65. — EDN ANSVMC // *Наука и школа*.— 2021.— № 2. — С. 60–65.
 5. Kitsa M. Media as a Source of Popular Science Information During COVID-19 Pandemic / M. Kitsa. — DOI 10.13187/ijmil.2021.1.119. — EDN ZMEJCO // *International Journal of Media and Information Literacy*.— 2021. — no. 6 (1). — P. 119–128.
 6. Litvinenko A. Politicization of Science Journalism: How Russian Journalists Covered the COVID-19 Pandemic / A. Litvinenko, A. Borissova, A. Smoliarova — DOI 10.1080/1461670X.2021.2017791 // *Journalism Studies*.— 2022. — Vol. 23, iss. 5–6. — P. 687–702.
 7. Исхаков Р. Л. Феномен инфодемии: гуманитарное измерение / Р. Л. Исхаков. — EDN BPWVXI // *Человек в современном мире: пандемия и новый технологический уклад: сб. науч. тр. / сост., ред. М. В. Бахтин*. — Рязань, 2021. — С. 339–347.
 8. Li Y. Assessing the Role Performance of Solutions Journalism in a Global Pandemic / Y. Li. — DOI 10.1080/17512786.2021.1990787. — EDN GGVUFV // *Journalism Practice*.— 2021. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17512786.2021.1990787?journalCode=rjop20>.
 9. Rommer D. Repeated COVID-19 Pandemic-Related Media Consumption: Minimizing Sharing of Nonsensical Misinformation through Health Literacy and Critical Thinking / D. Rommer, J. Majerova, V. Machova. — DOI 10.22381/LPI1920207. — EDN RHLPOL // *Linguistic and Philosophical Investigations*.— 2020. — T. 19. — P. 107–113.

10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. — Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.— 784 с.
11. Дуглас М. Как мыслят институты / М. Дуглас; пер. с англ. А. М. Корбута. — Москва: Элементарные формы, 2020.— 250 с.

УДК 316.472.45

Различия публикации новостного контента в различных социальных сетях

Лю Итун

студент Казанского (Приволжского) федерального университета

***Аннотация:** Публикация новостного контента в различных социальных сетях имеет свои уникальные особенности, обусловленные форматами, аудиторией и функциональностью каждой платформы. В этой статье мы рассмотрим одну ограничения и возможности различных онлайн-СМИ. Понимание этих различий помогает адаптировать контент для каждой платформы, чтобы максимально эффективно донести информацию до целевой аудитории. Публикация новостного контента в социальных сетях требует гибкости, адаптации к аудитории и учета особенностей каждой платформы.*

***Abstract:** Publishing news content on different social media platforms has its own unique characteristics due to the formats, audiences, and functionality of each platform. In this article, the authors explore one limitation and the capabilities of different online media. Understanding these differences helps tailor content for each platform to maximize the effectiveness of delivering information to target audience. Publishing news content on social media requires flexibility, customization to the audience, and consideration of each platform.*

***Ключевые слова:** новости, социальные сети, Twitter, Facebook, Instagram*

***Keywords:** news, social networks, Twitter, Instagram, Facebook*

Публикация новостного контента в различных социальных сетях имеет свои уникальные особенности, обусловленные форматами, аудиторией

и функциональностью каждой платформы. Выделяют различия по типу контента, целевой аудитории и алгоритмам социальной сети.

Выделяют различия по типу контента, целевой аудитории и алгоритмам социальной сети [1].

По типу контента Facebook — это многофункциональная платформа, где можно публиковать тексты, изображения, видео, ссылки и другие форматы. Здесь акцент часто делается на вовлеченности аудитории через комментарии, лайки и репосты. Twitter характеризуется короткими сообщениями (твитами) ограниченной длины (280 символов). Это платформа для краткой, сжатой информации, что делает ее удобной для быстрого обмена новостями и мнениями. В Instagram основное внимание уделяется визуальному контенту — фотографиям и коротким видеороликам. Это платформа, где визуальное привлекает внимание пользователей. LinkedIn — это профессиональная сеть, поэтому контент здесь чаще связан с бизнесом, карьерой, новостями в отраслях и профессиональными мнениями.

По целевой аудитории Facebook имеет широкую аудиторию всех возрастных групп, что делает его универсальной платформой для различных тем. Twitter часто привлекает молодых активных пользователей и профессионалов. Это место, где новости быстро распространяются. Instagram популярен среди молодежи и любителей визуального контента. LinkedIn ориентирован на профессиональную аудиторию, такую как бизнес-профессионалы, специалисты по HR, маркетологи и другие.

Каждая платформа имеет свои алгоритмы определения того, какой контент отображается в новостной ленте пользователей. Например, Facebook и Instagram используют алгоритмы, учитывающие вовлеченность и интересы пользователя, в то время как Twitter отображает твиты в хронологическом порядке (хотя это меняется). Распространение контента также различается: репосты на Facebook, ретвиты на Twitter, сторис и хештеги на Instagram — каждая платформа имеет свои специфические функции для распространения информации.

Чаще всего новостные материалы в странах Запада распространяются на Facebook и Twitter. Люди, знакомые с этими платформами, конечно, не будут удивлены некоторыми отличиями в функциях, но важно учитывать эти различия при анализе текста. Кроме того, сравнение различных

типов распространения информации в средствах массовой информации (а не просто рассмотрение одного из них) является хорошим способом выяснить, какие особенности или переменные могут иметь отношение к анализу.

Интересное различие, о котором следует помнить в отношении Twitter и Facebook, заключается в том, что обе эти платформы служат инструментами навигации по основному веб-сайту; способ побудить читателей посетить домашнюю страницу газеты [2]. Как в ленте Twitter, так и в заголовках сообщений на Facebook содержатся прямые ссылки на статью на веб-странице газеты. Это, в свою очередь, поощряет определенный тип поведения при чтении. То есть эти платформы позволяют пользователям следить за тем, что их интересует (на основном сайте), без необходимости просматривать всю газету (печатную или онлайн). В то же время важно помнить, что подобная новость не будет единственной в ленте пользователя в Twitter или на странице в Facebook. Новостные сюжеты из основных изданий будут перемежаться новостями другого рода (что ел ваш друг на завтрак, забавное видео о кошках или призыв подписать онлайн-петицию). Как замечает Джонс, «Реальной валютой информационного века является не информация, а внимание» [3]. Новостные сюжеты соперничают за внимание с другими «новостями». Тогда имеет смысл, что в твите и посте в Facebook преобладает изображение (указывающее на задействованный супермаркет), а также короткий заголовок и обрамляющая информация для читателя. Они действуют как «зацепки», чтобы привести читателя к полной истории на веб-странице газеты.

Для разных типов социальных сетей существуют различия в синтагматической структуре новостных сообщений на разных платформах. У всех них есть заголовок и заглавная фраза (первое предложение после заголовка), но Twitter и Facebook должны представлять их по-разному. В Twitter и Facebook заголовок и лидирующая страница представлены в рамке с фотографией над ними, которая служит прямой ссылкой на статью на домашней странице СМИ. Твит, сопровождающий ссылку, повторяет важную деталь истории (о том, что другой магазин запретит пластиковые пакеты), в то время как пост в Facebook содержит больше текста о той же важной детали истории. Твит и публикация также подчеркивают времен-

ность, или «последние новости». Твит и сообщение в Facebook, которые включают изображение, заголовок, заглавную букву и комментарий, работают аналогично первой странице печатного издания. На первой странице печатного издания очень мало текста. Читателю предлагается перейти на страницу 2, чтобы прочитать больше. Сообщение в Facebook и твит приглашают читателя перейти по ссылке, которая приведет его к полному тексту статьи на веб-сайте газеты.

Окончательная печатная копия обычно незначительно отличается от онлайн-версии. Несмотря на различия, истории, конечно же, рассказывают об одном и том же событии. Заголовки и ведущие похожи, и если взять заголовок, ведущую часть и фреймы в целом, читателю дается краткое содержание истории. Интересно, однако, что в этом случае ограничения Twitter (ранее ограниченные 140 символами в твите, но расширенные до 280), похоже, были воспроизведены в домене Facebook. У Facebook нет таких же ограничений на количество символов, которые можно вставить в обновление статуса. Но это сходство указывает на то, что газеты думают (или знают), что читатели потребляют новости в социальных сетях аналогично Twitter.

Понимание этих различий помогает адаптировать контент для каждой платформы, чтобы максимально эффективно донести информацию до целевой аудитории. Публикация новостного контента в социальных сетях требует гибкости, адаптации к аудитории и учета особенностей каждой платформы. Комбинирование эффективных стратегий в зависимости от целей и аудитории помогает максимально использовать потенциал каждой из социальных сетей для распространения информации.

Список литературы

1. Браславец Л. А. Социальные сети как средство массовой информации: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125–132.
2. Al-Rawi. A. News organizations 2.1 // Journalism Practice, 2017, 11(6): 705–720
3. Jones R. H. Discourse in Action: Introducing Mediated Discourse Analysis. London: Routledge, 2005.

УДК 316.472.45

Визуальные коммуникации в социальных сетях

Лю Итун

студент Казанского (Приволжского) федерального университета

***Аннотация:** Визуальные коммуникации в социальных сетях играют ключевую роль в привлечении внимания, формировании личности бренда и воздействии на аудиторию. Этот вид коммуникации становится все более значимым в мире цифровых технологий, где визуальный контент становится первостепенным средством общения. Данная статья выделяет основные функции и направления визуальной коммуникации в социальных сетях. Также она выделяет основные социальные сети мира и Китая, специализирующиеся на визуальном контенте.*

***Abstract:** Visual communications on social media play a key role in attracting attention, building brand personality and influencing audiences. This type of communication is becoming increasingly important in a digital world where visual content is becoming a paramount means of communication. This article highlights the main functions and trends of visual communication in social media. It also highlights the major social networks in the world and China that specialize in visual content.*

***Ключевые слова:** визуальная коммуникация, социальные сети, YouTube, TikTok, Facebook, Instagram*

***Keywords:** Facebook, visual communication, social media, YouTube, Tik Tok, Instagram*

Визуальные коммуникации в социальных сетях играют ключевую роль в привлечении внимания, формировании личности бренда и воздействии на аудиторию. Этот вид коммуникации становится все более значимым в мире цифровых технологий, где визуальный контент становится первостепенным средством общения.

Визуальный контент — это фотографии, графика, видео, анимации и другие визуальные элементы, которые привлекают внимание пользователей в социальных медиа. Он обладает уникальной способностью передачи информации моментально и эмоционально, не требуя большого усилия со стороны пользователя.[1]

Особенностью визуальных коммуникаций в социальных сетях является его способность выделяться в потоке информации. Пользователи охотнее взаимодействуют с визуальными постами, так как они привлекают внимание, вызывают эмоции и легче усваиваются.

Графический контент имеет большую силу убеждения. Он способен запоминаться лучше, чем текстовая информация, и сильнее воздействовать на эмоции. Отлично иллюстрирует ключевые моменты и делает информацию более доступной для широкой аудитории.

Бренды все чаще используют визуальные коммуникации для формирования своего образа и привлечения внимания к своим продуктам или услугам. Визуальный контент позволяет им эффективно донести ключевые ценности и преимущества своих продуктов.[2]

Визуальные коммуникации также подвержены постоянной эволюции. Важно адаптироваться к трендам, новым технологиям, изменениям алгоритмов социальных сетей. Форматы могут меняться от статичных изображений к динамичным, интерактивным элементам, таким как сторис и AR-фильтры.[3]

Визуальные коммуникации также могут быть эффективным инструментом взаимодействия с аудиторией и аналитики. Они стимулируют комментарии, лайки, шаринг и помогают брендам понимать реакции и предпочтения аудитории.

Существует множество социальных сетей, акцентирующих на визуальном контенте, предоставляющих уникальные возможности для обмена и создания визуальных материалов. Вот некоторые из наиболее популярных:

Instagram — это одна из самых популярных платформ для обмена фотографиями и короткими видеороликами. Она привлекает внимание своими фильтрами, сторис, реальными историями жизни и креативным визуальным контентом. Instagram предоставляет широкие возможности для публикации и взаимодействия с аудиторией.[4]

Pinterest — это сеть, сосредоточенная на визуальных коллекциях, идеях и вдохновении. Пользователи создают пин-борды с картинками, фотографиями, идеями, организуя их в тематические коллекции. Pinterest позволяет пользователям находить и сохранять вдохновение на различные темы.

TikTok — это платформа для создания и обмена короткими видеороликами, часто с музыкальным сопровождением. TikTok быстро набирает популярность благодаря своему легкому в использовании редактору видео, алгоритму подбора контента и широкому спектру творческих возможностей.

YouTube — это крупнейшая платформа для обмена видеоконтентом. Хотя YouTube не является исключительно социальной сетью, он предоставляет возможности для взаимодействия, комментирования и подписки на каналы других пользователей.

Facebook и Twitter также уделяет большое внимание визуальной коммуникации. Эти платформы, хотя и изначально не фокусировались на визуальном контенте, стали уделять больше внимания графике, изображениям и видео в своих лентах для привлечения внимания аудитории.

Эти социальные сети предлагают уникальные возможности для создания, обмена и взаимодействия с визуальным контентом, позволяя пользователям выражать свою креативность, находить вдохновение и строить сообщества на основе общих интересов.

В Китае существуют и свои социальные сети с визуальным контентом. В Китае существует несколько популярных социальных платформ, которые акцентируются на визуальном контенте и предлагают уникальные возможности для обмена фотографиями, видео и другим визуальным материалом. Хотя WeChat в первую очередь является мессенджером, он также предоставляет возможность публикации фотографий и видеороликов в моментальных статусах или в специальных публичных каналах. Он используется для обмена медиаконтентом и привлечения внимания к активностям пользователей. Douyin — это популярная китайская платформа для создания и обмена короткими видеороликами, подобная TikTok. Она позволяет пользователям создавать креативный контент, используя музыку, фильтры и спецэффекты. Xiaohongshu (Little Red Book) — это платформа, специализирующаяся на обзорах и рекомендациях товаров. Пользователи могут делиться своими отзывами о продуктах, загружать фотографии и видео, описывать свои покупки и рекомендации. Meipai — это популярное приложение для обмена короткими видеороликами и создания креативного видеоконтента. Meipai позволяет пользователям исполь-

зовать различные фильтры и эффекты для создания уникального контента. Kuaishou — Это приложение для обмена видеороликами, которое позволяет пользователям создавать и делиться короткими видео, включая живые трансляции. Kuaishou популярен в сельских районах и среди пользователей, создающих более аутентичный и необработанный контент.

Эти китайские социальные платформы с визуальным контентом предоставляют возможности для креативного самовыражения, обмена впечатлениями и привлечения внимания аудитории с использованием различных форм визуального контента.

Визуальные коммуникации в социальных сетях становятся неотъемлемой частью стратегии цифрового маркетинга. Они обладают сильным воздействием на аудиторию, обеспечивая высокую степень вовлеченности и эффективности коммуникации брендов с своей аудиторией. Важно постоянно развиваться и использовать новые форматы, следить за трендами и адаптироваться к изменениям в цифровой среде для максимального эффекта визуального контента.

Список литературы

1. Киуру, К. В. Digital-жанры современного медиатекста: Pin, Insta, Twit [Текст] / К. В. Киуру // Знак: проблемное поле медиаобразования.— 2016.— № 1. — С. 39–42.
2. Голышко-Вольфсон Д. Социальные сети в несетовом социуме (О биополитике, историзме и мифологии русских социальных сетей) // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2009. Vol. 1. № . 2. С. 103.
3. Митчелл У.Д. Т. Визуальных медиа не существует // Медиа: между магией и технологией / Под общ. ред. Н. Н. Сосна, К. Е. Федоровой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 141.
4. Мартынов К. Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. 2014. № 4 (100). С. 80.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Журнал «Научный аспект №1 2024»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru

Подробнее на сайте: <https://na-journal.ru>